

ЛАВА

17

журнал поэзии

Мотрич и Харьков

Харьков
2013
СЛОВО

ISBN 981-354-7869-15-10

Главный редактор:

Богдан Ант – Герман Титов

Редакция

Виталий Ковальчук
Андрей Костинский
Евгений Кривочуприн
Юрий Шкурко

Издание является неотъемлемой частью
проекта клуба поэзии «АВАЛ»
(руководитель – Андрей Костинский)

Концепция и дизайн номера – Герман Титов

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

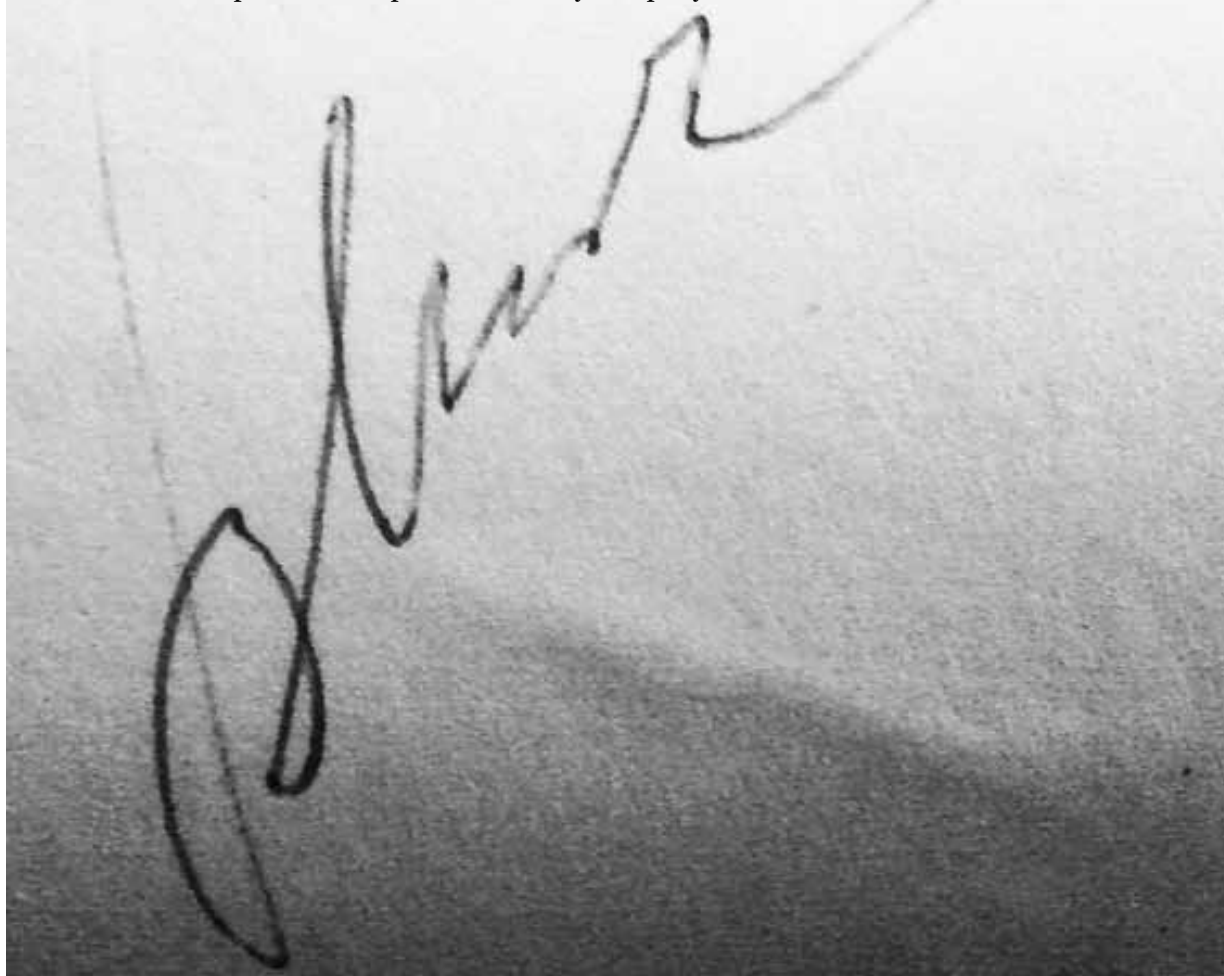
Новый, 17-й номер журнала поэзии «ЛАВА»
посвящён памяти легендарного харьковского поэта
Владимира Михайловича Мотрича
(11 января 1935 — 20 февраля 1997).

В номере опубликован ряд неизвестных широкой публике
стихотворений Мотрича в авторской машинописной редакции
(в том числе и последнее из ныне известных творений поэта)
с предувещанием Юрия Георгиевича Милославского
и отрывками из воспоминаний Раисы Беляевой (Гуриной), Инны Иохвидович,
Виктора Ударова и Ванды Мотрич.

В оформлении номера использованы редкие и малоизвестные фотографии поэта и его города.

Кроме того, как всегда, в «ЛАВЕ» широко представлены новые стихи и прозаические творения
(в т. ч. — дебюты) авторов Харькова, а также ближнего и дальнего русского зарубежья.

«Этой достаточно представительной публикацией в журнале «ЛАВА» полагается начало
возвращению Харькова к своему Мотричу». Ю. Г. Милославский

МОТРИЧ И ХАРЬКОВ

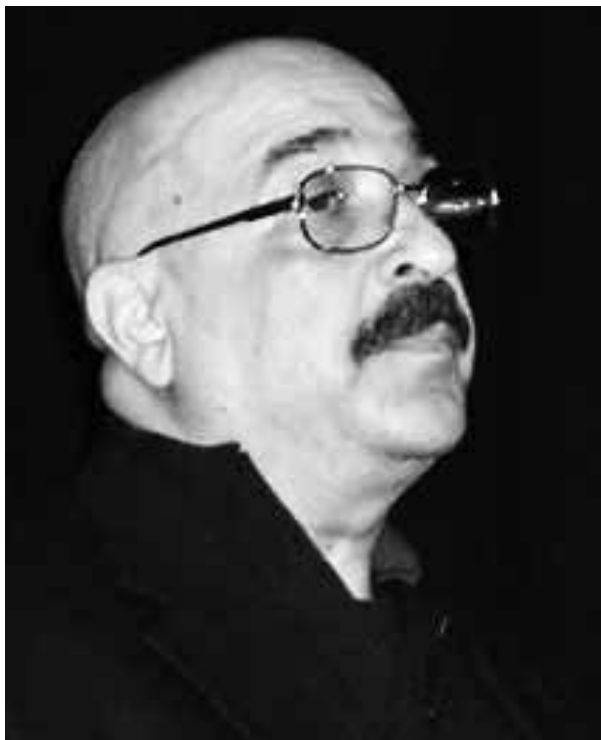

МОТРИЧ и ХАРЬКОВ

Юрий МИЛОСЛАВСКИЙ

«Я ПРОШУ У ВРЕМЕНИ ПРОЩЕНИЯ...»

шего в своем ЖЖ немало стихотворений и поэм из подаренного ему автором машинописного сборника.

То, что поэта едва не затерло во льдах литературного процесса — меня нимало не удивляет и не возмущает. Все идет своим чередом, и никакой иной судьбы, без прямого вмешательства Чуда, его ожидать не могло. Харьков — третья поэтическая столица Руси — сперва был не в силах, а в новые времена — так и не собрался помочь своему Мотричу, — притом, что для самого Мотрича наш город стал скрытым носителем особого внутреннего темпоритма его стихов; поэт упоминает о своем Харькове этак вскользь, «через запятую» (кои он ставил весьма нетвердо), но зато — всегда, хотя и прикровенно чуть ли не в каждом стихотворении. Он, вообще, городской поэт, поэт лихого, опасного, неописуемой красоты, с ветром и лязгом, русского мегаполиса со всеми ночными его посадками — хотя критик Л. В. Пирогов как-то блистательно обмолвился, что городских русских поэтов — не бывает. В известном смысле он прав.

Со времени публикации в «Частном Корреспонденте» статьи «Мэтрич. Последний из декадентов», приуроченной мною к 75-й годовщине со дня рождения поэта, прошло около трех лет. — Я отчего-то рассчитывал на чуть большую скорость смещения, т. е., культурных пластов. Но не тут-то было. Теперь остается лишь набраться терпения.

Итак, по порядку. 3-й «А» (известный под кличкой «харьковский») том «Антологии у Голубой Лагуны» К.К. Кузминского и Г.Л. Ковалева» вышел в свет в городке Ньютонвилль (США) в 1986 году. В него вошел цикл стихотворений Мотрича, врученный мне незадолго до отбытия из Отечества. Публикация эта для «последнего из декадентов» стала первой зарубежной. В 1993-м, в Харькове у его Мотрича, вышла первая и последняя по сей день книга. Вскоре ее прочел В. Л. Топоров. — В топоровском отзыве (1994) компактно содержится, на мой взгляд, главное, что следует знать о творчестве поэта Владимира Мотрича.

Только в поздние 2000-ные его наконец-то отыскал новый читатель, — главным образом, благодаря сетевым публикациям, и, прежде всего, стараниями товарища последнего харьковского этапа жизни поэта — Виктора Ударова, поместив-

* * *

Гул набатов и колоколов —
Соль земли — загадочное пение.
Мелкой сетью будущего времени
Собираю прошлого улов.

Где-то кречет вещий прокричал.
Полночь. Тяжелею от улова...
Дай мне, Боже, прикоснуться к слову —
Чистому началу всех начал.

Светлый ливень молодой зари
Оросит иссохшие уголья.
Угадав свершений половодье,
Я желаю с прошлым говорить.

<...>

За соблазн весёлого пера,
За обиды, сплетни и лишенья,—
Я прошу у времени прощенья.
Даль зовёт. Мне уходить пора.

(1987–89 годы)

Если же говорить о направлении, то Мотрич — поэт, близкий к Ю. П. Кузнецову, о чем придется когда-нибудь написать особо.

Моя же сегодняшняя заметка носит прикладной характер.

«ХАРЬКОВ И ЕГО МОТРИЧ». Так, предположительно, должна будет назваться книга, — а то и двухтомник, куда войдут стихотворения Владимира Михайловича Мотрича (1935—1997) и воспоминания о нем и его Харькове.

В последние месяцы за поиски всего необходимого для составления такой книги принялась старшая дочь поэта, Ванда Владимировна Мотрич. Энергии ее, как я успел убедиться, ничто противостоять не может. Способствует ей в этом сестра Владимира Михайловича — Валентина Михайловна Борзенко. Архив Мотрича — их наследственное достояние, а наше литературское дело — им помочь.

В документально-мемуарную часть книги о Харькове и его Мотриче должны будут войти записки *персон мотричева круга*, — этого нашего бесконечного кружения по харьковскому пространству, где и сейчас, — я это намертво знаю, — все в точности так и осталось: мы все, Харьков — и его Мотрич.

* * *

Связь каната между мной и веком —
Упаду ли, выстою — как знать?
Сколько силы нужно человеку,
Чтобы эти узы разорвать?

И не хищник вроде, и не страшен,
Но ступил — качнулся и пропал...
Он меня с беспечностью монаршей
Сколько раз на преступление звал.

Не пойду по этому канату.
В высоте натянутый струной,
Он уже пленил меня когда-то,
И опять охотится за мной.

(16 мая 1989 года)

Приведём отрывки из воспоминаний о В. М. Мотриче писательниц **Инны Иохвидович** и **Раисы Беляевой (Гуриной)**.

Писатель и киновед **Раиса Беляева**, — Рая Гурина, любимая ученица Б. А. Чичибабина, — посещавшая в 1964–66 гг. легендарную чичибабинскую литературную студию в Харькове, знала Мотрича в дни его странной, но подлинной славы, когда, казалось, что весь Харьков гордится своим Мотричем. **Инне Иохвидович**, выпускнице Литературного Института, автору нескольких книг прозы, подруге последней жены поэта, повстречался совсем иной Мотрич.

Раиса БЕЛЯЕВА (Гурина)

О ВЛАДИМИРЕ МОТРИЧЕ

Из дневника. 1 марта 1965 года.

«Вчера, 28-го [февраля], был День поэзии у нас в Доме связи. <...> Мотрич, как всегда, немного «под кайфом», нашёл за кулисами бутылочный цилиндр, напылил на голову и распевал «менял я женщин тыры-дыры-ям-пам, как перчатки», пританцовывая на манер опереточного героя-любовника. <...>»

Вот он появляется в дверях чичибабинской литстудии в тёмном длинном пальто, сшитом явно на заказ в «ателье индпошива» пальто с шалевым воротником стриженной овчины, неизменно увешанный по обе руки юными поклонницами и поклонниками, стряхивает их вместе с талым снегом и останавливается, как бы застревающая при входе. <...>

В записях тех лет, которые я вела, будучи школьницей, несколько раз повторяется: «Мотрич ругался с Чичибабиным», но, к сожалению, я не записала тогда, что было причиной перебранок, каковы были на самом деле их отношения. Вызывая из памяти накрепко запечатлённые в ней картинки, рискну предположить, что приход пьяного Мотрича в «студию молодого автора при ДК связи и автошосдор» всегда был чреват, как минимум, лёгким скандалом, а Борис Алексеевич Чичибабин скандалов, очевидно, не хотел. А потому говорил, в строгом смысле вовсе не студийцу, а своему собрату по поэтическому цеху, 29-летнему (мне же он казался тогда вовсе старым) Мотричу с компанией обожателей: «Ну что вы там стали? Проходите, раз пришли».

И вскоре Мотрич, освободившись от прилипших к нему юношей и девушек, уже читает, покачиваясь и завывая...

Мотрич, читающий на публику, — это было зрелище! На третьей строке он прекращал покачивания в горизонтальной плоскости, переходя на вертикаль, — длинный, вытягивался

ещё вверх, становясь на цыпочки и как бы тщаьсь вознестись, взмахивал напоследок руками и замирал. Несомненно, в нём был поэтический артистизм, идущий откуда-то из 20-тых годов всяческих российских художественных «измов».

А как-то промозглым ноябрьским днём мне довелось увидеть на Благовещенском рынке Харькова совершенно иного Мотрича — Мотрича не на публике и без его всегдашней свиты.

20 ноября 1966 года.

«На серой земле кучка соломы, перепачканная грязью, на ней две перевёрнутые набок корзины, а в них — кролики, белые, с красными глазами. Вокруг люди толкуются, торгуются с хозяином, но дети успевают погладить ушастых, пощекотать, и те прикрывают от удовольствия глаза белёсыми ресницами. По базару идёт поэт Володя Мотрич. С впалыми чёрными щеками, худой, мокрый, обляпанный грязью. Как загнанный конь.»

Картинка «Мотрич на харьковском Благовещенском рынке» запечатлена в моей памяти взятой в строгую рамку, отделяющую его от базарной толпы, — несмотря на множество суетящегося люда, он шёл как бы обособленно ото всех. Руки его были пусты — ни кожимитовая (дерматиновая?) кошёлка, ни плетённая «авоська» тех лет, которые непременно брали с собою, отправляясь за продуктами, не отягощали их. — Он ничего не покупал и, тем более, не продавал. Просто шёл по базару, брёл без видимой посторонней цели, как вообще любил бродить по городу. Может быть, «вышагивал» в это время свои стихи.

Тогда, в ноябре 1966-го, я удивилась, встретив его в столь, как мне казалось, непривычном для поэта месте, а теперь думаю, — как повезло, что мне выпал такой случай, и я записала его в школьной тетрадке.

И последнее. Мотрич прожил жизнь в Харькове, и был, несомненно, яркой, если не ярчайшей фигурой недолгого харьковского художественного ренессанса 60-тых годов прошлого столетия. Но умер он в Киеве, где и похоронен на Байковом кладбище. Об этом я, вот уже сорок лет как киевлянка, узнала недавно. И опять удивилась и забеспокоилась: в Киеве ни на каких, как теперь говорят, «тусовках», — ни литературных, ни художественных, ни театрально-кинематографических — я его не встречала. Кто или что привело его в город Киева-Вия, не знаю. И всё думаю: где он тут жил, как? Что делал? И встретила ли я его хоть однажды не узнанного?

Инна ИОХВИДОВИЧ

ВЛАДИМИР МОТРИЧ

Ах, люблю я поэтов...
С. Есенин. Чёрный человек

В 60-х — начале 70-х знаменитыми, неофициально, в Харькове были два поэта: старший — Борис Чичибабин и, на десятилетие позже родившийся, Владимир Мотрич. Странной была схожесть их облика: оба — высокие, длинноногие, худощавые, аскеты лицом, да и темпераментом мало отличавшиеся, взрывные в чтении стихов и в ярости... И, как тогда казалось, одинаковой судьбы. Ан, нет.

Чичибабин ушёл из жизни признанным поэтом, с книгами, многочисленными публикациями, последним лауреатом Государственной премии СССР, а Мотрич, — с единственной книгой, — остался по сути непрочитанным и незнаемым по сей день.

Мотрич, наверное, неприкаянным и родился, и прожил, ни капли конформизма за всю жизнь так и не скопив. Из племени «проклятых поэтов» был он. Жить обыкновенным, размеренным существованием он почти физически не мог. Хотя раз и попытался, и даже дюжину лет этак протянул. Именно в ту пору я и познакомилась с ним.

Ольга Ефремова, жена Мотрича (он был её третьим мужем, к тому ж она была на двадцать лет младше его), своими душевным и телесными страданиями сподвигла мужа на трезвость. Именно тогда, увидев поэта впервые, я была потрясена его какой-то потухшестью. Он читал свои стихи и говорил о Владимире Соловьёве и последующих за ним русских философах, но казалось, что кто-то «за него» произносит эти слова да и стихи читает?! И было настолько очевидно, что человек не то, чтобы несчастлив, он словно бы обитал внутри «не своей сказки». Его лицо выражением напоминало мне лицо пожилого оседлого цыгана (большая цыганская семья проживала в частном доме в нашем большом дворе), такой же тоскливый, поражающий нездешностью, взгляд. Словно этого крупного человека посадили на некую, никому, кроме него, невидимую цепь. Так и Володя: вроде бы нормально говорил, даже смеялся, но будто был «миром уловленный» и томился в нём. Я наблюдала, как литрами пил он крепкий чёрный чай, — не скажу, чтобы чифирь, но близкий к этому, напиток; как горстями отправлял в рот анальгин и пентальгин — у него часто что-то да болело; как курил крепкие сигареты, прикуривая одну от другой...

Ходил он, как и все, на службу; поначалу в химическую лабораторию «универа», где легко можно было соблазниться лабораторным спиртом, и где сотрудники изготавливали свои фирменные напитки «марковку» и «алёновку» по имени создателей. Но устоял он.

Снова потянуло на «вольницу», и он поехал на охрану фундука в Абхазию. С Кавказа привёз много орехов на продажу, да продавать особо было некому (ни в Ольге, ни в Володе коммерческой жилки не было), поэтому фундук разошёлся по знакомым, а то и вовсе незнакомым людям. Кавказ немного оживил этот, как я называла его «про себя», «потухший вулкан». Загоревший, посвежевший Мотрич будто на глазах распрямлялся, глаза искрились, он читал новые стихи и голос его был крепок...

Стал Мотрич заводским мастером, и переехали они из центра города, из старого, без удобств, жилья на ХТЗ (в район Харьковского тракторного завода) в высотный многоквартирный дом. Будни, трудовые будни на заводе, где Володе доверили запасы цехового спирта, до которого он будто и не охоч стал, снова, будто по капле, выдавливали из него «живую душу»... И только когда он после написания стихотворения читал его, то мне чудилось, что всё же «вьётся дымок над потухшим вулканом».

Видимо эта обывательски мирная жизнь была не для него; вероятно, он был, как некогда для Александра Блока малоизвестный нынче поэт Владимир Пяст, «человеком беременным крушением»! Это ощущалось почти всеми знакомыми и незнакомыми, читателями и почитателями его стихов. Но Мотрич держался, как только мог, хоть часто и не мог скрывать своего раздражения... Ольга, чуткая к изменениям в настроении мужа, старалась всегда как-то предупредить или сгладить его, часто несправедливую, на грани с грубостью, резкость...

Годами я ожидала срыва, это ведь не могло продолжаться вечно. Но время летело, а Мотрич, по-прежнему сумрачный, писал и читал стихи, пил кружками чернящий чай, глотал анальгетики да прикуривал одну от другой бесчисленные сигареты...

Наверное, если бы не «перестройка», ничего бы катастрофического не произошло в жизни семьи Мотрича и Ефремовой. Всем нам тогда показалось, что наконец-то и «на нашей улице праздник!» Хоть недоверчивые, подчас до цинизма, но какие-то наивные мы были люди! А как было не верить, если всё, что мы читали в там-и самиздате, вдруг появилось на страницах газет, журналов, об этом вещало радио, снимали фильмы и ставили спектакли... Появилось общество «Мемориал», и наконец отменили цензуру (!), требовали запрета КПСС (!). Нет, это была не слабая хрущёвская «оттепель», а настоящее крушение советской системы. Как было не поверить, если очень верить хотелось...

Вот и мы с Ольгой решили, что и публикации Мотрича час пробил. Она отправила рукопись (машинопись) стихотворной подборки в литературный флагман «перестройки» — в журнал «Знамя». Лучшие бы не отправляла, а осталась бы, пусть со смутным недоверием к происходящему вокруг. Вот всегда, когда человек хочет совершить хороший поступок, результат — зло. Так и Оля своими собственными руками подорвала не только свою веру в талант и призвание мужа, но и вбила первый колышек в существование своей семьи, где росла дочь — младшая на ту пору школьница. Рецензентка «Знамени», поэтесса Татьяна Бек прислала хорошее письмо (в нём она писала о своём понимании гражданской позиции поэта) и вослед за ним сокрушительный, оглушительный, уничтожительный разбор Володиных стихов... Для Оли, не просто жены, но Музы, подруги, редактора (она была великолепным филологом), архивиста поэта Мотрича, это было даже не ударом, а концом её жизни с Володей. Она безоговорочно, как-то безусловно восприняла рецензию Бек, как приговор, что ещё и обжалованию не подлежал. Вот тут-то она вдруг, широко раскрытыми глазами, как бы впервые, «увидала» мужа, увидала его невозможность жить так, как ему пришлось, его отстранённость, его тоску, едва сдерживаемые порывы; ей внезапно открылось, как ей показалось, полное их не-совпадение...

Они расстались. И Володя, словно и не было той дюжины лет, вернулся к прежнему своему полукочевому, цыганскому образу жизни, в котором он, как и везде, ощущал душевный дискомфорт, но это существование — единственное, что подходило ему. Ведь был он меченым с детства, «проклятым», не для мира этого, вне мира этого, не от мира сего...

И по улицам Харькова, города, раскинувшегося на пяти холмах и пяти долинах, на слиянии трёх несудоходных рек, стал бродить долговязый, седой, пьяный человек, вопрошавший прохожих: «Хотите, я вам почитаю хорошие стихи?» Некоторые отмахивались или проходили мимо, думая, что это один из городских сумасшедших, а надо сказать, что Харьков славился ими <...>; другие останавливались и слушали, поражаясь тому, как неожиданно озарялось лицо этого пожилого пьяницы, читавшего молодым голосом чьи-то, наверняка чужие, стихотворения...

Как-то поэт Эдик Сиганевич, неутомимый Санчо Панса последних харьковских лет Мотрича, привёл Володю ко мне, в парк «Молодёжный», что разбили на территории одного из старейших харьковских кладбищ, и который в народе называли «Парк на костях». Было это в жаркий августовский день — 23 августа, ежегодно отмечаемый праздник освобождения города от фашистов. Мотрич был молчалив, хоть и навеселе, но я с изумлением обнаружила, что он, если и не счастлив в обыкновенном, человеческом смысле

этого слова, то, как бы, и не недоволен, то есть своё одиночество, своё изгойство он нёс осознанно, с достоинством, с осознанием своей участи и судьбы... «Получается,— подумала я, — что он хотел освобождения, что ему нужна была свобода ото всех, даже от любимой, даже от семьи...» Это открытие меня озадачило, и я решила об этом больше не думать. Но думалось, когда он читал, и я видела его вовсе не потухший, как некогда, взор, и он мне не представлялся более спящим вулканом, и в нём не чувствовалось той неизбывной тоски, что меня когда-то поражала... «Это судьба? Это жизнь? Что было правильно или, наоборот, неправильно в его жизни...» Эти вопросы, на которые не было ответов, крутились в голове и после того, как Мотрич с Эдиком ушли, тем более что мы хорошо бухнули, а на жару все мысли имеют обыкновение превращаться в так называемую «умственную жвачку».

<...>

После переезда в Киев Владимир Мотрич исчез для меня, исчез из моего поля зрения. Правда всегда весной во мне поёт его строка: «Тоска Великого поста для светлой радости открыта». Она звучит звонко, почти так же, как переложенная А. С. Пушкиным Великопостная молитва Ефрема Сирина «Отцы пустынники и жёны непорочны» <...>

О киевских годах Мотрича будет вскоре рассказано другими. Во всяком случае, жизнь эта шла, большею частью, по старой харьковской колее, — да только стихами Владимира Михайловича заслушиваться было практически некому: слушателей унесло за горизонт, и мало кто откликнулся на всегдашнее его предложение «почитать хорошие стихи».

Мотрич упорно праздновал свой день рождения на Рождество Христово. — На самом деле — он родился 11 января, на Младенцев-Мучеников, от царя Ирода убиенных. И с таким же упорством он настаивал, на протяжении многих лет, что сегодня-де ему исполняется 33 года, «как Христу перед Распятием». У Мотрича, как у всякого истинного поэта, были свои, привилегированные отношения с Господом, и они друг о друге не забывали.

Этой достаточно представительной публикацией в журнале «ЛАВА» полагается начало возвращению Харькова к своему Мотричу.

Владимир МОТРИЧ

«Чистый дар, чистый мелос, чистое голосоведение... Поэт Божьей милостью...»

Виктор Топоров

* * *

Родина!
Возьми меня, я твой.
Всё твоё: и ненависть, и зависть.
Разве виноваты мы с тобой,
Что судьба такая нам досталась?

Было дело, что грехи таить,
Не расскажет хроника намёков,
Как ходили пасынки твои
Умирать в постылое далёко.

А шуты пророчили тебя
Дуракам-царевичам в невесты,
И ходила ты среди любов
По рязаням недопетой песней.

За твоё святое «прикажи»
Молодцы свои ломали шеи,
А тебя старались задушить
По ночам бессмертные Кашеи.

Но в глухие, смутные часы
Пасынки, побитые и злые,
Из несчастья, не жалея сил,
На горбу тебя же выносили!

Родина!
Возьми меня, я твой.
Всё твоё: и ненависть, и зависть.
Разве виноваты мы с тобой,
Что судьба такая нам досталась?

Было дело, что грехи таить,
Не расскажет хроника намёков,
Как ходили пасынки твои
Умирать в постылое далёко.

А шуты пророчили тебя
Дуракам-царевичам в невесты,
И ходила ты среди любов
По рязаням недопетой песней.

Но в глухие, смутные часы
Пасынки, побитые и злые,
Из несчастья, не жалея сил,
На горбу тебя же выносили!

За твоё святое «прикажи»
Молодцы свои ломали шеи,
А тебя старались задушить
По ночам бессмертные Кашеи.

* * *

Каменные обелиски
Сомкнули ряды молчания,
Для вящей памяти близких
Ставят вещиные камни.

Напишут для вящей памяти
Чье-то имя и отчество,
И тень, как душа распятая,
Ложится на камень оттиском.

А жизнь нас губит бессонницей,
Оберегая сны.
И утопает солнце
В утренней капле росы.

И не хватает воздуха,
И в пустоту руками...
Людам посмертно — звёзды.
Людам пожизненно — камни.

* * *

В болоте закиси и гнили,
Где жизнь затягивает дно,
Столетние стаканы лилий
Хранят столетнее вино.

И вечности венком сплетения
Вплетаются в сплетенье тел,
И невозможное рожденье,
И невозможности предел.

В кругу, вовек нерасторжимом,
Сидят и яд столетья пьют
И праведники, и кутилы,
И прочий безымянный люд.

И я, доверчивее прочих,
Пью надоевшее вино,
И дно затягивает прочно,
Затягивает прочно дно.

И давит, бесконечно давит,
И душно, и в глазах рябит,
И шествует глухая давность
По бездорожью судьбы.

Устало время наклонилось
Над кружевом моей любви...
Великая несправедливость
Разыгрывает водевиль.

И карлик злой гласит покорно:
«Всё непреложное у ног»...
Я на болотном дне покоюсь,
Я пью столетнее вино.

Каменные обелиски
Сомкнули ряды молчания,
Для вящей памяти близких
Ставят вещиные камни.

Напишут для вящей памяти
Чье-то имя и отчество,
И тень, как душа распятая,
Ложится на камень оттиском.

А жизнь нас губит бессонницей
Оберегая сны.
И утопает солнце
В утренней капле росы.

И не хватает воздуха,
И в пустоту руками...
Людам посмертно — звёзды.
Людам пожизненно — камни.

В болоте закиси и гнили,
Где жизнь затягивает дно,
Столетние стаканы лилий
Хранят столетнее вино.

И вечности венком сплетения,
Вплетаются в сплетенье тел,
И невозможное рожденье,
И невозможности предел.

В кругу, вовек нерасторжимом,
Сидят и яд столетья пьют
И праведники, и кутилы,
И прочий безымянный люд.

И я, доверчивее прочих,
Пью надоевшее вино,
И дно затягивает прочно,
Затягивает прочно дно.

И давит, бесконечно давит,
И душно, и в глазах рябит,
И шествует глухая давность
По бездорожью судьбы.

Устало время наклонилось
Над кружевом моей любви...
Великая несправедливость
Разыгрывает водевиль.

И карлик злой гласит покорно:
"Всё непреложное у ног"...
Я на болотном дне покоюсь,
Я пью столетнее вино.

* * *

Закружусь, упаду и навеки растрочусь,
Без оглядки.
Какая оглядка в любви!
Не слова, не стихи, и в конечном порядке,
Неудачу свою я возьму в поддавки.

Проиграю легко и легко отыграю,
И земли даровитой плоды соберу.
А рассветы сгорают, сгорают, сгорают
И взлетают жар-птицей, и всё не к добру.

И какой это скачет по пыльной дороге?
Налегке, впопыхах —
Это вестник Сентябрь.
Золотую депешу секретно и строго
Он отдаст, и дожди по лесам наследят.

И закружатся
Золото, страсти, пожары,
Поржавеет земля, задымится восток.
И любовь задохнётся, и вырастет жалость,
Что тебя долюбить не успел и не смог.

ОСЕННИЙ ТРИПТИХ

I

И снова, вновь,
который раз
Торжественно и чуть тревожно
Зовёт ночное бездорожье
Смешных и непохожих
нас.

Туда,
где каждую версту
Жизнь объявляет поединок,
Где осень заплела в косу
Косые ниточки
дождинок

Не надо брать с собою плащ —
Там даже крыша не поможет...
Зовёт ночное бездорожье
В страну побед и неудач.

II

И в тревожном малиновом звоне
Подорожная слышится даль.

Закружусь, упаду и навеки растрочусь,
Без оглядки.
Какая оглядка в любви!
Не слова, не стихи, и в конечном порядке,
Неудачу свою я возьму в поддавки.

Проиграю легко и легко отыграю,
И земли даровитой плоды соберу.
А рассветы сгорают, сгорают, сгорают
И взлетают жар-птицей, и всё не к добру.

И какой это скачет по пыльной дороге?
Налегке, впопыхах —
это вестник Сентябрь.
Золотую депешу секретно и строго
Он отдаст, и дожди по лесам наследят.

И закружатся,
Золото, страсти, пожары,
Поржавеет земля, задымится восток.
И любовь задохнётся и вырастет жалость,
Что тебя долюбить не успел и не смог.

о с е н н и й

т р и п т и х

I

И снова, вновь,
который раз
Торжественно и чуть тревожно
Зовёт ночное бездорожье
Смешных и непохожих
нас.

Туда,
где каждую версту
Жизнь объявляет поединок,
Где осень заплела в косу
Косые ниточки
дождинок

Не надо брать с собою плащ —
Там даже крыша не поможет...
Зовёт ночное бездорожье
В страну побед и неудач.

II

И в тревожном малиновом звоне
Подорожная слышится даль.

Запрокинули головы кони —
И умчались, бог знает куда.

И никто на дорогу не выбежит,
Не осадит пугливых коней,
Только ветер украдкой вылижет
Надоедливый след в тишине.

Это осень промчалась по просекам,
Пристегнув проливных-коренных,
И тяжёлое золото бросила
На границе ничейной страны.

III

Внимаю голосу дождей —
И понимаю, понимаю,
А осень знамя подымает
И принимает тронный жезл.

В лесу судачат топоры,
И штабеля сухих поленьев
Колоннами усталых пленных
Заполняют тесные дворы.

А за деревней, у реки,
Берёзка бегаёт в зелёном,
И шепчут злые языки,
Что сей наряд не по сезону.

Синего цвета горсть
В сердце равнины брось,
Чтобы пустыня с плеч
Сбросила жара желчь.

Чтобы остыла высь,
Солнцем опалена,
К вечности прикоснись
Синими пальцами дня.

Сини тугой ствол
Выдержит звёзд плоды...
Времени торжество
Прошное пощадит.

Запрокинули головы кони —
И умчались, бог знает куда.

И никто на дорогу не выбежит,
Не осадит пугливых коней,
Только ветер украдкой вылижет
Надоедливый след в тишине.

Это осень промчалась по просекам,
Пристегнув проливных-коренных,
И тяжёлое золото бросила
На границе ничейной страны.

III

Внимаю голосу дождей —
И понимаю, понимаю,
А осень знамя подымает
И принимает тронный жезл.

В лесу судачат топоры,
И штабеля сухих поленьев
Колоннами усталых пленных
Заполняют тесные дворы.

А за деревней, у реки,
Берёзка бегаёт в зелёном,
И шепчут злые языки,
Что сей наряд не по сезону.

Синего цвета горсть
В сердце равнины брось,
Чтобы пустыня с плеч
Сбросила жара желчь.

Чтобы остыла высь,
Солнцем опалена,
К вечности прикоснись
Синими пальцами дня.

Сини тугой ствол
Выдержит звёзд плоды...
Времени торжество
Прошное пощадит.

Владимир Мотрич, Михаил Басов, Леонид Иванов

* * *

Не потеряешь, если не иметь.
 Не согрешив, расскаешься едва ли.
 Советы постоянно мне давали —
 В каком огне, каким огнём гореть.

Кого терять, как жить среди потерь,
 Какие позволять себе находки.
 В доверие входить какой походкой.
 Какую открывать в поклоне дверь.

А я, высокой истины трубач,
 По пустякам устраиваю споры.
 Моих удач кривые коридоры
 Страшнее приговора неудач.

Не потеряешь, если не иметь.
 Не согрешив, расскаешься едва ли.
 Советы постоянно мне давали —
 В каком огне, в каком огнём гореть.

Кого терять, как жить среди потерь,
 Какие позволять себе находки.
 В доверие входить какой походкой.
 Какую открывать в поклоне дверь.

А я, высокой истины трубач,
 По пустякам устраиваю споры.
 Моих удач кривые коридоры
 Страшнее приговора неудач.

* * *

В. Гонтарову

В игре пастушеского лета
 Услышав дудочки сигнал,
 На сером полотне рассвета
 Художник круг намалевал.

Залил небесною эмалью,
 Врастил зелёные леса.
 И алою полоской дали
 Края кривые расписал.

Заполнил утренним дыханьем —
 И вдруг движеньем оглушил.
 И времени земную тайну
 Вместил в понятие души.

В. Гонтарову.

В игре пастушеского лета
 Услышав дудочки сигнал,
 На сером полотне рассвета
 Художник круг намалевал.

Залил небесною эмалью,
 Врастил зелёные леса.
 И алою полоской дали
 Края кривые расписал.

Заполнил утренним дыханьем —
 И вдруг движеньем оглушил.
 И времени земную тайну
 Вместил в понятие души.

* * *

Усталый мир неоспоримых истин.
Растратчики и тела, и души.
А снег сегодня бесконечно чистый,
И воздух чист, хоть двести лет дыши.

И так легко словами осторожными
Разрушить дом невидимых начал.
Бегут олени по тропе нехоженой,
В поэмы вырастая по ночам.

А я ничей, воистину ничей.
Во мне вместились прошлое и будущее.
Кружится снег, а на моём плече
Спокойно спит усталая снегурочка.

* * *

Меня давно преследует зима
Своим великолепием державным.
Её неумолимые желанья
Когда-нибудь сведут меня с ума.

Люблю её дворцов холодный сон,
Её дорог смертельные приметы.
Люблю, когда фальшивые монеты
В её руках сверкают серебром.

Наткнувшись на слепое остриё
Её очаровательной осанки,
Пожизненно, весёлым Ванькой-Встанькой,
Служу на побегушках у неё.

1979

ТРИ ОТНОШЕНИЯ К ЗИМЕ

I

Ночами я устало пробирался
По лестницам в свои плохие сны,
И сам себя, как колдуна, боялся,
И у себя прощения просил.

Под утро лихорадило меня,
А под окном псалтырь метель читала.
Ко мне сходились сонные начала,
Морозным колокольчиком звеня.

Как слишком надоевшие друзья,
Они шептали о моём спасеньи.
И корчились в экстазе полутени,
По стенам надоедливо скользя.

Усталый мир неоспоримых истин.
Растратчики и тела, и души.
А снег сегодня бесконечно чистый,
И воздух чист, хоть двести лет дыши.

И так легко словами осторожными
Разрушить дом невидимых начал.
Бегут олени по тропе нехоженой,
В поэмы вырастая по ночам.

А я ничей, воистину ничей.
Во мне вместились прошлое и будущее
Кружится снег, а на моём плече
Спокойно спит усталая снегурочка.

Меня давно преследует зима.
Своим великолепием державным.
Её неумолимые желанья
Когда-нибудь сведут меня с ума.

Люблю её дворцов холодный сон,
Её дорог смертельные приметы.
Люблю, когда фальшивые монеты
В её руках сверкают серебром.

Наткнувшись на слепое остриё
Её очаровательной осанки,
Пожизненно, весёлым Ванькой-Встанькой,
Служу на побегушках у неё.

1979

Т Р И О Т Н О Ш Е Н И Я К З И М Е

I

Ночами я устало пробирался
По лестницам в свои плохие сны,
И сам себя, как колдуна, боялся,
И у себя прощения просил.

Под утро лихорадило меня,
А под окном псалтырь метель читала.
Ко мне сходились сонные начала,
Морозным колокольчиком звеня.

Как слишком надоевшие друзья,
Они шептали о моём спасеньи.
И корчились в экстазе полутени,
По стенам надоедливо скользя.

И я рассвет к себе на помощь звал.
И приходила — страшная усталость.
И двойники со мной переплетались,
И отражались в тысячах зеркал.

II

Я каждый день стараюсь убежать
И спрятаться в соседнем палисаде,
Где мирно спят сугробы за оградой,
Похожие на белых верблюжат.

Где ветер, как подарки, раздаёт
Стихи на замороженном наречьи.
И, к голове прикладывая лёд,
Весёлая зима безумье лечит.

Я прикоснусь разгорячённым лбом
К холодным пальцам снежной королевы,
Чтобы она сожгла, а не согрела,
И в дом ввела законным королём.

И натянув по самые глаза
Корону из полярного сиянья,
Я не пойму, что увезти назад
Меня не смогут никакие сани.

Друзей без сожаленья я лишусь.
Сердечных перебоев и отдышек.
И на досуге из квадратных льдышек
Смешное слово:

«вечность»
напишу.

III

Костры на Севере горят!

Не выиграть, не проиграть
Ни прибыли, ни избавленья.
Трещат смолистые поленья —
Костры на Севере горят!

Какой безумец захотел
Оттаивать такую зиму!
Костры горят —
невыносимо,
Во все края мети, метель.

Свои делишки у тихонь.
У дерзости
свои пределы...
Я властно требую метели,
К чертям языческий огонь!

И я рассвет к себе на помощь звал.
И приходила — страшная усталость.
И двойники со мной переплетались,
И отражались в тысячах зеркал.

II

Я каждый день стараюсь убежать
И спрятаться в соседнем палисаде,
Где мирно спят сугробы за оградой,
Похожие на белых верблюжат.

Где ветер, как подарки, раздаёт
Стихи на замороженном наречьи.
И, к голове прикладывая лёд,
Весёлая зима безумье лечит.

Я прикоснусь разгорячённым лбом
К холодным пальцам снежной королевы,
Чтобы она сожгла, а не согрела,
И в дом ввела законным королём.

И натянув по самые глаза
Корону из полярного сиянья,
Я не пойму, что увезти назад
Меня не смогут никакие сани.

Друзей без сожаленья я лишусь.
Сердечных перебоев и отдышек.
И на досуге из квадратных льдышек
Смешное слово:
"вечность"
напишу.

III

Костры на Севере горят!

Не выиграть, не проиграть,
Ни прибыли, ни избавленья.
Трещат смолистые поленья —
Костры на Севере горят!

Какой безумец захотел
Оттаивать такую зиму!
Костры горят —
невыносимо,
Во все края мети, метель.

Свои делишки у тихонь,
У дерзости
свои пределы...
Я властно требую метели,
К чертям языческий огонь!

* * *

Когда уходят корабли,
На память оставляя пену,
Не пожелай себе любви,
Врагам не пожелай измены.

Не оскорби друзей своих
Высоким словом вечной дружбы
И не пиши стихи без нужды,
Да будет подневолен стих.

Тогда мечтания простор
Лежать в мешке запрета будет,
И будет праведником вор,
И вор возглавит правосудье.

Но памяти живых корней
Не вырвать никакому шторму,
И дереву не быть покорным,
Пока не умер Гименей.

Вернётся ль к пристани корабль,
Просторов бурных победитель,
И безутешной Афродите
Из пены выйти не пора ль?

Апрель 1989 г.

Когда уходят корабли
На память оставляя пену
Не пожелай себе любви,
Врагам не пожелай измены.

Не оскорби друзей своих
Высоким словом вечной дружбы
И не пиши стихи без нужды,
Да будет подневолен стих.

Тогда мечтания простор
Лежать в мешке запрета будет
И будет праведником вор,
И вор возглавит правосудье.

Но памяти живых корней
Не вырвать никакому шторму
И дереву не быть покорным
Пока не умер Гименей.

Вернётся к пристани корабль
Просторов бурных победитель
И безутешной Афродите
Из пены выйти не пора ль?

Апрель 1989 г.

Вагрич Бахчанян и Владимир Мотрич, 1966 год

МАЛОРОССКИЕ СНЫ киевский триптих

Памяти
Виктора Платоновича
Некрасова

1

Закрученным шариком
С кончика
кия
сорвался,
заврался
в слепой круговерти,
ни Каин
Библейский,
ни филин
бескрылый,
а город.
Горбыль
плодоносящий ветви.

По славному имени
звон поминальный,
горящих звонниц
на небесном
откосе.
И ларчик свинцовый,
и лацкан
канальи
усыпаны пеплом
самшит-папиросы.

Какая земля
поднялась косогором
над терпкой волною
славутича
чина?
По шляху
чумацкому
слышу повторы:
Твоя Украина,
Моя Украина.

2

Сонная высь.
Солод степной.
Переплелись
голод и зной.

Равенства тик.
Узость плеча.
Не обойти
стан янычар.

В серый ковыль
волком залечь.
Старая бэль,
славная речь...

Странная речь
дедущка Вий!
В ржавчине меч.
Руки
в крови.

3

Захотел
косопалый прасол
нашу веру
измерять
и вымарать.
С высоты
на измятый Подол
конвоировать
Солнце-Владимира.

Набежала
опричная рать.
Примираются
возле
да около.
За иудину
горсть серебра
подлецов
величают
пророками.

Завертели
тяжбы колесо.
За Карпаты
папаху забросили...
Не слезами,
пречистой росой
освящает меня
Малороссия.

МАСКАРАД ПОДОБИЙ

*(светопреставление с монологами
и отступлениями)*

Ложатся жертвы слов на плаху
дней.
Глаголы стонут, потерявши
голову.
Угрюмый карлик, веселее бей
В бумажный барабан истории.

...Эту книгу я приобрёл у старьевщика.
Маленький, неряшливый, со слезящимися
глазками,
Он сам походил на изношенную вещь,
Небрежно брошенную на заплёванную землю.

Среди отживших свой век вещей валялась книга.
Старая, залистанная, в потёртом переплёте с
золотым
тиснением.
Не знаю, почему заметил я её, незаметную, как и
всё
окружающее.
В кармане было несколько медяков, за которые
при
желании всё равно ничего не купишь, кроме
ненужной
вещи.
Так я стал владельцем книги со старинным
шрифтом,
тусклыми литографиями.

Я не читал,
я в мир её вошёл,
с трудом
открывши дверь на ржавых петлях.
Так водолаз
спускается на дно
бездушного, подводного пространства.

Бумажная,
неряшливая жизнь,
мелькание потрёпанных нарядов...

Тот спрятался
за ширму праздных слов,
тот в рваный плащ тумана завернулся,
тот, от стыда сгорая,
сшил камзол,
скроивши наспех
разговор влюблённых,
тот голый,
так как нечего скрывать
под лоскутами
пёстрого наряда.

Кружение безликих,
без имён,
кружение бессмыслиц.
А над ним
нависла ночь.

Все ждут каких-то перемен,
каких — не знают сами.

В самый раз
устроить праздник масок,
В самый раз
собрать обломки судеб.
В самый раз
ударить в бубен чувств
и пыль стряхнуть
с комодов костюмерных,
В самый раз
иллюминацией
безмолвье оглушить...

Бей, карлик, в барабан истории,
сзывай на праздник масок
маленьких людей!
Пусть рвётся
пожелтевшая бумага:

Итак, начнём весёлый маскарад...
Кружат повсюду вымпелы и флаги.
В толпе мелькнул
любовника наряд
с улыбкой
из прессованной бумаги.

Под ветром
распахнулся чёрный плащ,
Блеснул клинок
безумного ревнивца,
Он убежал сюда от неудач,
Готовый до упаду веселиться.

А вон счастливец
в маске старика
Помахивает розовой фортуной.
Он закружился в хороводе юных,
В честь праздника
подвыпивши слегка.

Кружится шут
в бумажном домино,
Мудрец
в ослиной маске бодро скачет.
И Дон-Кихот,
и хитроумный Санчо
кружатся в добрых масках колдунов.

На небе, вместо потускневших звёзд,
Бенгальские огни
роняют искры...
И только месяц, как немой вопрос,
В земли кривое зеркало глядится.

Что там на следующей странице ночи?
Шуршанье лиц,
одышек,
рукавов,
Кружение слов,
отчётливо притворных,
или веселье сказочной страны
с похмельем безрассудной потасовки,
с порхающим,
сухим названьем
«осень».

Глядись, юродивый,
в кривой овал земли,
гляди,
как свежий шрам обезобразил
и без того
израненную душу.
И не мудри
над тайной бытия,
мы все подвластны
пьяному веселью.

На праздник масок
снизойди с высот,
изведай
хитрой нелюбви игру,
пусть бьёт меня
измены лихорадка.

Листай страницы ночи,
залистай
до самых дыр
и заучи
навек,
наизусть
все заповеди,
все её законы.

Воздвигни трон
во властном храме лжи,
Пускай закон
цветного королевства
на этот трон
посадит королеву,
достойную короны
сквернословья,

А сам её вассалом
до самой смерти
будь.

То не пригоршни листвы
ветер весело бросает.
Разноцветная,
косая,
лиц бумага шелестит.

Там, где весело кружится
карусели пьяный зуд,
непристойную девицу
в ночь короновать ведут.

Правь весельем, королева,
на пятак любви отвесь!..
Люди,

люди...

Души,

где вы?

Где угодно,

но не

здесь!

Монолог королевы

Я нынче
коронована судьбой,
В моей короне
жемчуга измены.
Как длинный шлейф,
влачу я за собой
Истории любовных походов.

Меня давно
перины спален чтут,
Да здравствует
непостоянства принцип!
Кто нынче шут,
тот завтра будет принцем,
Кто нынче принц —
тот завтра будет шут.

Моей любви
смешную карусель
Раскручивает
ветреное время.
Тот на коня,
а тот в калошу сел,
А этот
ожидает на коленях.

О, молодость, бездумная,
кружи!
Пусть улыбок
оппадают листья,
Пусть осенью
весна мне будет сниться,
Пусть будут сладки
поцелуи лжи!

Со мной на смерть
любой идти готов —
Удачник — справа,
неудачник — слева,
А позади
весёлый хор шутов.
Я подлинной измены королева.

...Всё дальше ухожу в страну страниц,
реальнее страницы сновидений.
И день, и ночь медлительное время
читает равнодушно нашу жизнь.

Память вяжет
из прожитых дней
образ той,
что давно отлюбила
и ушла,
да и я отлюбил,
и развесил
сушить паруса
на заборе осенних запретов.
Мой корабль
на причале судьбы

чёрным лебедем
век доживает...
Переулоч,
фонарь,
мостовая
надоедливо лезут в глаза.
И хмельная тоска на рассвете,
безысходность...
Болей, не болей —
не утопишь
в дешёвом вине
бесконечную музыку сплетен.

Припоминаю содержание книги,
прочитанной давно,
давным-давно забытой.
И по дороге судеб и событий
ночной бесёнок
памяти запрыгал.
В забытый город
я легко вхожу,
забытые
ласкаю подворотни,
и фонари,
согнув горбато спины,
забытою проходят чередой,
в забытые
заглядывая окна.
И видят,
как забытые мечты
из застеклённых окон
в полночь рвутся,
и тянутся
невидимые руки,
и надо мной
сплетаются устало,
напоминая
пьяное прощанье
осенней ночью
женщин нелюбимых.

Устало спит
ночная барахолка,
и я лежу
на барахолке ночи
с давным-давно
забытым содержанием,
залистанной до дыр,
ненужной книги.

Из пустоты
полночного покоя
медузы сновидений выплывают,
И заполняют улицы весельем
нелепые бумажные наряды.

Кружение — дрожит земля от смеха.
Кружение — цветы бенгальских вспышек.
Кружение — угаром праздник дышит.
Кружение — не видно человека.

Монолог счастливца

Я на этом празднике
 не лишний.
Маска старика —
 смешной обман.
Гаснут дни,
 как спичечные вспышки,
Освещая будущее нам.

Если праздник,
 надо веселиться,
Если скучно,
 можно поскучать.
Маски,
 маски,
 сказочные лица,
осени пьянящая печать.

Только захочу — и ветер дунет
и раздует счастья паруса!
Я, удачник розовой фортуны,
будущему кукиш показал.

Веселей кружитесь,
веселее,
Пейте жизнь
как праздничный настой.
Маленькая спичка
не согреет,
Но зато
покажется звездой!

Но зато
 возьмёт кусочек ночи
И подарит
 будущему дню.
Неудачи,
 неудачи —
 прочь их,

И хвала
весёлому огню.

И хвала
 фортуне неизменной
И измене
 ветреной любви...

Изучайте
счастья алфавит,
Изучив,
живите на коленях!...

Куда от памяти своей бежать,
Как прожитые вытравить года?
Подстерегает случай нас всегда
И подставляет лезвие ножа.

Бездушным жить
и проще,
и смелей:
у вечности
просить
кусочки дней,
взамен ей
благодарностью платить
и, без конца,
на празднике кружить.

Покорности
обличие надень,
пускай не видят твоего лица.
Пусть нет души,
была бы только тень,
пускай измена
холодит сердца.

Монолог любовника

Не срывай свою маску с лица,
Пусть измену скрывает бумага.
Две судьбы,
 две змеи,
 два кольца
да в стакане
 пьянящая влага...

Да холодной звезды поцелуй,
Жар ночей
и прохлада рассвета.
Две солёных реки по лицу
и улыбка осеннего ветра.

И любовь
 без начал,
 без конца.
Малодушного тела отвága...
Не срывай свою маску с лица,
Пусть измену
скрывает бумага.

Пусть душа
до конца догорит.
Нас венчало
безумное время.
Ты всю ночь
о любви говори —
я дослушаю,
хватит терпенья!

Я тебя
долблю до конца
и уйду
без сомнения и страха...
Не срывай свою маску с лица,
пусть измену
скрывает бумага.

.....

.....

Ветер,
ветер,
как безумный, кружит
и целует
камни площадей,
и несёт,
несёт
ночную службу

Человек
в таинственном плаще.

Нет ему
ни праздников,
ни будней,
ни людей привычных,
ни вещей.
Так всю жизнь
кружить по свету будет
человек в таинственном плаще.

Что он непонятное бормочет,
Что он ищет
в забытых ночей?
За измену
расплатиться хочет
Человек
в таинственном плаще.

Чёрный плащ
мелькнёт за поворотом
и улыбка
чёрная, как щель.
Сводит,
сводит
роковые счёты
Человек
в таинственном
плаще.

Монолог ревнильца

Я только тень
своей любви,
Я сам себе
не рад.
Усталый
взгляд,
печальный
вид —
весёлый маскарад.

Я только маска
на лице —
лица у маски
нет.
Любовь,
как каторжная цепь,
сковала душу мне.

Сковала вздох,
сковала шаг,
соперник,
берегись!
Как чёрный плащ,
моя душа,
Как нож, коварна мысль.

Хотя и нет
у спален глаз,
Но уши,
уши есть!
У женщин
множество проказ,
а у меня лишь месть.

Я ночь за ночью
 обхожу
 владения
 свои.
 Я верой у любви
 служу,
 я раб своей любви.

Маски,
 маски —
 добрые
 и злые,
 холодящий
 и горящий взгляд,
 разжигая слабости людские
 Кружится
 бездушный маскарад.

Кто-то веселится,
 кто-то плачет.
 Шелестит бумага
 без конца.
 Не отыщешь
 ни слепых,
 ни зрячих,
 ни живой улыбки,
 ни лица...

Ни души.
 Бумажное круженье...
 Под ногами праздничных людей
 Корчатся изломанные тени,
 Молча исчезая в темноте.

Сердца
 стук
 в пустоту:
 ни людей,
 ни души,
 Надоело шуту
 бесконечно смешить.

Человека убил
 разноцветный картон...
 Ни тоски,
 ни любви,
 ни сердец,
 ни имён.
 Что ни маска,
 то тень.
 Что ни слово,
 то бездарь...
 В городской тесноте
 даже смерти
 нет места!
 Даже
 некого ждать,
 даже
 нечего слышать...
 Только песня шута
 человечностью дышит.

Монолог шута

Я пою
 и пляшу,
 я в бумажном наряде.
 Бубенцы,
 колокольчики,
 звонкий рожок.
 Рассмешить?
 Рассмешу!
 Мой товар —
 только радость.
 Я на праздник
 для смеха пришёл.

Всё равно,
 вместо лиц
 здесь бездушные
 маски,
 Вместо душ —
 отсыревший картон.
 Опадающих листьев
 осенняя сказка
 недосказана
 бедным шутком.

Королева моя!
 Я твой шут постоянный.
 Как подачку,
 улыбку мне брось,
 а потом, хоть казни —
 обижаться не стану,
 разве просят подачку
 у звёзд?

Звёзды
только горят
и, сгорая,
не греют.
И до них
не дотянется шут...
Поскорее казнить прикажи,
королева,
Я и смертью тебя
рассмешу.

Я без маски,
шуту не нужна эта прихоть.
Шут устал
бесконечно смешить.
Я хочу
перед смертью
покаяться тихо.
Поскорее казнить прикажи.

Я лицо не скрываю,
и смех без причины —
о любви постоянная боль.
Я умру,
и останутся
в масках мужчины
и в конфетной обёртке
любовь.

Когда глаза
устало закрывая,
Я от бездушья
задохнусь в ночи,
Когда,
покров молчания срывая,
таинственная
песня зазвучит,
И забывая
прежнюю усталость,
Я время
постигаю без труда,
И землю
теплотою рук ласкаю,
и под рукою
тают города.

Издалека
приходят песню слушать,
готовые
дослушать до конца —
Без времени
состарившихся души,
Без теплоты
остывшие сердца.

Отступление в песню

Стихи,
стихи —
нелепое занятие.
Единой песней
душу веселю.
Когда тоска,
в ночные окна глядя,
подпишет одиночества союз.

Когда читать
приметы тяжелее
и тяжелее
книга неудач,
Когда смычком безумия
по шее
полосонёт невидимый скрипач.

Когда легко
выслушиваю сплетни
и мудрость пьёт усталая душа,
когда от долгожданного рассвета
Натянутые струны задрожат,

Тогда,
тогда ко мне
приходит песня,
и музыка волшебная звенит,
и на земле
становится мне тесно,
и хорошо
от тесноты земли.

Книга —
собственность —
усталая душа.
Сколько масок
память сохранила.
След мой
заметают не спеша
шаг за шагом
вьюгою опилок.

По земле
метелица метёт
Вместо снега —
внутренности кукол,
корчит маска
равнодушно рот,
проглотивши
праздничную скуку.

Вспоротые чучела
кружат,
За интригой
кружится интрига.
О, моя усталая душа —
наизусть заученная
книга.

По ночным
городам,
по уснувшим
домам,
по квартирам
Пробеги, одиночество,
чуткой ищейкой.
Между трупов живых,
равнодушных,
холодных
и сырых
Отыщи моего
умирающего человека.

Отыщи,
приведи,
мы подслушаем
тайну рассвета.
Разве можно,
дождавшись зари,
умирать?..
Рви бумагу,
приземистый труженик
ветер,
лица рви,
разметай маскарад!

ПОСЛЕДНЕЕ (ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО) СТИХОТВОРЕНИЕ В. М. МОТРИЧА

Дорога творчества длиною
в сорок лет.
Подумать жутко.
Страшно оглянуться.

В ночном безумье
образы несутся,
сплетаются и постоянно рвутся
меж образами связи.
Мира нет.

Тьма постоянно
поглощает свет.
И до рассвета
долго и далёко.

Срок ожидания —
невыносимый срок.
От бдения ночного
малый прок.

Не имеет зуб,
что видит только око.
Сдаюсь на милость темноты
до срока.

И спать ложусь
в постель небытия.
Уснуть — усну,
но вот проснусь ли я?

1995-1996?

Старая яблоня во дворе ДК Работников Связи;
здесь пили и читали стихи...

Ванда МОТРИЧ

СВИДАНИЕ С ДЕТСТВОМ

написала и поняла: в эти три харьковских дня время остановилось. Появился прозрачный шар, который и вместил в себя кусочек жизни. Чьей? Моей? Моего отца? Харьков не принял меня, отторгал всеми улицами, людьми, погодой, нелепыми нестыковками во встречах, звонках.

Я вышла из поезда с полной уверенностью в составленном заранее распорядке харьковских дней, но город не согласился с ним. Он был обижен, я это чувствовала, как чувствуют обиду родного человека.

Ходила по вечерним улицам и ощущала жизнь города, но я — была чужая, люди проходили мимо, сквозь меня. Меня не было: город не принял, я не понимала: зачем я здесь?

Детство не хотело приходить ко мне, брать за руку и вести в тот далёкий мир, в тот город, который окутывал теплом, играми, запахом керосинки во дворе и картин, цветущими абрикосами и лязганьем трамваев, ароматом асфальта после летнего ливня, газировки с двойным сиропом из автомата, большими бубликами с маком, и семечками в газетных кулёчках, которые вкусно есть с шелухой...

А как хотелось, чтобы детство — отец, взял меня за руку жесткими длинными пальцами, погладил по голове, сунул мятые карамельки мне в ладошку и, присев, заглянул в глаза: «ты вернулась, «Лиола»? Но он не приходил... Он хотел, чтобы я окунулась в этот город сама, вышла

на перрон, как было не один раз, и не вернулась в вагон, который транзитом вёз меня в Киев. Сколько раз можно было сделать шаг-другой от вагона — и окунуться в объятия города, детства. Он ждал меня, ждал долго, почти всегда.

Я шла по вечерним улицам, памятью сердца угадывая дорогу, или всё же ты шёл рядом и незаметно направлял меня, но не в мир моего детства, а в мир твой, в твои любимые места. Вёл туда, где звучал твой голос, где своё сердце и душу ты отдавал людям, читая стихи. Я шла по скверу к «зеркальной струе», но и там было пусто, воды не было... Не сезон.

— Мотрич, ты где? Я пришла к тебе,— заныло в сердце.

И тогда появился этот шар.

Время исказилось, сжалось, растворилось в серебряном свечении морозного вечера, растворились звуки города.

Это было другое измерение, другое время — время Мотрича.

Картинки быстро, как в старом чёрно-белом кино, сменяли одна другую. Зажурчала вода «струи», зеркалом отражая происходящее. Звонкие девичьи голоса — студентки театрального института с весёлым азартом обсуждали последний фильм Феллини. Плюхнулись на скамейку, жуя горячие пирожки из нового кафе на углу. Мальчишки стайкой, подпрыгивая, на ходу перебивая друг друга,— разбирались в последнем супер-голе Костюка. Компания молодых людей с вдохновлёнными лицами — они слушают стихи Евтушенко.

Картинка поменяла цвет, стала белоснежной, искрящейся хрустящим снегом — это мамин смех, лыжи, и отец с перепутавшимися лыжными палками. Детство, ёлка, марлевое платье Снежинки, сшитое одной бабушкой и накрахмаленное другой, так что колется и торчит в разные стороны, и пахнет крахмалом, как папины воротнички, когда в них утыкаешься носом.

Всё завертелось в снежной новогодней кутерьме. И вдруг — осень, листья под ногами, их шуршание — Мотрич, Мотрич, Мотрич. Всё оживилось.

— Айда на Свердлова, в сквер, там памятник открывают, поэт стихи читать будет.

— Какой?

— Да Мотрич с кондитерки...

— Мотрич? Поэт?? Поэты не работают на кондитерских фабриках...

Работают, работают. И на заводах, и по деревням — фотоаппаратами, и стекло режут, ведь стихи нахрен уже не нужны никому, а жить-то как-то надо. А не писать — невозможно. Не писать — не жить! Строчки пляшут перед глазами, одна, другая, нет, не эта. Машинка, правки, разные ручки, разные чернила. Не писать — раскалённый мозг, выворот души, реальность, которую можно заглушить выпитым с друзьями, знакомыми, просто бухариками на углу. Не писать — уходить в запой смерти. Кровавый запой, бездушный, уничтожающий мысли, берущий в плен душу.

Слова — указатели пути, выводящего из липкого быта борщей, разборок, нищенской зарплата, запаха стирки, шума за стенкой.

Стихи — глоток свежего осеннего дня, что звенит от тишины.

Строчки их — ступеньки, по ним поднимаешься всё выше и выше, в мир сказок и страстей, к горизонтам и парусам, к отчаянью и безумному веселью.

Клавиши машинки выстукивают ритм стихов, — то быстрее и жёстче, то медленней и мягче. Я смотрю на эти маленькие молоточки, хочется сунуть руку — стукнут или нет? Выезжающая каретка достаёт до моего носа, но отец даже не замечает меня, вглядываясь в то, что появляется на бумаге. И вот следующий листок белым комочком летит на пол. Ими можно играть, этими бумажными снежками, подбрасывать их, дуть на них, и тогда они быстро улетают под стол. Машинка вновь и вновь заводит свою песню. Глаза слипаются... Я засыпаю, слушая эту мелодию ритма. И мне снится сон, сон в будущее...

Запахло свежей скошенной травой, как спелым лопнувшим арбузом, жарким солнцем и речкой. Отец сидит, прислонившись затылком к дереву, закрыв глаза, пальцы нервно барабанил по колену, отрабатывая неслышные мне рифмы. Это Вельбовка, деревня. Побег от раскалённого города, но отца тянет обратно, к нему. В кутерьму харьковских улиц, к шуткам-прибауткам друзей, в череду новых ощущений, в музыку и аромат городского летнего вечера.

Калейдоскоп картинок вновь завертелся....

Мама восхищённым взглядом — на поэта.

Взобравшись на возвышение, он читает свои стихи, ещё молодые и звонкие, ещё с блеском в глазах. Ещё нет стихов «на разрыв аорты» —

Вольная воля
Да степь в три дороги,
Да по обочинам
Тлеют кресты...

<...>

Вольная воля —
Кровавый запой.

Жар подвала — рубашку в сторону. Это жар от труб бойлерной? Нет, от стихов — накал голоса, накал страсти. Ещё нет у поэта злого прищура вслед предательствам, изменам и усмешкам. Нет боли и кровавых ссадин, нет синяков на теле трепетной и ранимой души. Всё это ещё будет, поэт... Но ты так рвёшься жить, так жадно глотаешь этот воздух, мятежный воздух шестидесятых.

Картинки, картинки, картинки... Мелькают кадры, меняются лица. Друзья, приятели, знакомые, почитатели и завистники. Лица, голоса, судьбы.

Всё кружится в калейдоскопических блёстках прозрачного шара, вместившего в себя кусочек жизни. Моей? Твоей? Теперь уже общей. Мы стоим у «струи» рядом. Шаг — и мы в моих временах,

Галина Михайловна Мотрич, первая жена поэта, мать Ванды Мотрич

и твой голос — обращён к друзьям, приятелям, знакомым. Твоим? Моим? Теперь уже, скорее, общим.

— Где вы? Где вы, мои родные, любимые? Отзовитесь! Я вернулся. Я вновь с вами. Ваш Володя Мотрич.

Я сижу на полу. Листьями осенних деревьев вокруг меня — твои стихи. Я перебираю тон-

кие пожелтевшие странички, проживая каждую строчку. Вчитываюсь в твой почерк — резкий и стремительный, схожий с твоей мыслью: яркой, вольной, как бы переступающей с пятки на носок от нетерпения и жажды движения: вперёд, к новым стихам и впечатлениям. Вглядываюсь в вязь букв, слов, строчек. Тонкая вязь твоей судьбы.

Я читаю твою жизнь.

Галина Мотрич с подругой

ВОЕННЫЙ БИЛЕТ
НУ № 1543587

Фамилия Мотрич
Имя Владимир
Отчество Михайлович
Число, месяц и год рождения 11 января 1935г.
Личная подпись владельца [подпись]
Выдан Краснозаводским
районным военным комиссариатом
Харькова области (республики)

„5“ Октября 1964 г.
Краснозаводский
рай ВОЕННЫЙ КОМИССАР
Петровник
М. П.
Трехохвостов
(звание, подпись)

Виктор УДАРОВ

МЕДНЫХ ТРУБ ОН ТАК И НЕ УСЛЫШАЛ

Это случилось в четверг, 20 февраля 1997 года, спустя чуть больше месяца после его дня рождения. На исходе субботы, вечером, мне позвонил Гена Котовский и спросил, знаю ли я, что Мотрич умер. Как? Не может быть! Ведь я же совсем недавно с ним говорил. Да, беседовал он с трудом... Но был жив! Казалось, у меня в горле застрял ком.

Меня казнят, я не воскресну.
Не вознесусь.
Останутся чужие песни
И чья-то грусть.

На следующий день я позвонил в Киев — его сестре, Вале. Только и прошептал — правда ли? Ответ поразил меня как выстрел! Спрашивать больше не мог. Слушал. Перед глазами, как будто в замедленной съёмке, проплывали двадцать с лишним лет (!) знакомства и дружбы с Володией Мотричем. Дружке не могла помешать даже существенная разница в возрасте.

1975 год. Сентябрь. Бабье лето... Встречаю Сашу Васильева. Оба рады. У него с собой была какая-то выпивка. В подворотне, однако, Саша пить не хотел и предложил пойти к Мотричу, благо, было это недалеко: Саммеровский, пер., 6. С Володией я к этому времени ещё не был знаком, но личностью он слыл легендарной. Мне было, конечно, не совсем удобно. Но Васильев уговорил.

Так, вполне обыденно, состоялось моё первое знакомство с Мотричем. К спиртному (во всяком случае, до конца 80-х) он был вовсе равнодушен, пил только крепкий чай. Первые стихи, что я услышал от него (он сразу же погрузил меня в мир своей поэзии) — цикл «Четыре вольных аккорда».

Монгол оскалил ятаган,
И молнии в глазах раскосых,
И голова летит к ногам,
И на лету пощады просит.

В случайности я не верю. Всё в мире происходит закономерно. Это был просто подарок судьбы. Эта осень и его стихи об осени. Подлинное и очень сильное духовное наслаждение.

Непогода такая за окнами...
Ну куда я теперь пойду?
Улетели лебеди.
Окуни правят пир
В осеннем пруду.

Откуда эти образы? Где он находил такие слова? Такие рифмы!

Не слова — осенние ссадины.
Непогода рябит в глазах.
Разноцветную музыку Скрябина
Дождь осенний с листьями слизал.

Непростая и совсем не лёгкая жизнь. Глубокие внутренние переживания.

Ночь длиннее, чем жизнь.
Я лежу опрокинутый звуками.

У кого ведь такого не было? Ночь — длиннее, чем жизнь. Мгновения кажутся вечностью...

Помню, его забавлял рассказ о том, что Мариэтта Шагинян ежедневно заставляла себя что-нибудь писать. У Мотрича всё было иначе.

«Пишу только, когда пишется. Кто-то берет мою руку, диктует. И я пишу. А нет — так нет».

Нам было легко общаться, наверно, потому, что совпадали многие взгляды, вкусы... То, что часто мелькало у меня только в мыслях, Володя часто произносил вслух.

Когда подчас в одном лице
Героя видишь в подлеце
И бунтаря в стране сомненья...
Какое светопреставленье
С веселым трагиком в конце.

Мотрич был и остаётся для меня и духовным наставником и учителем. Я понимал (а он, вероятно, тем более), что его не будут публиковать, ведь у него совсем не было стихов о любви к советской

власти и компартии. «Сверху»-то ему такого не диктовали, а писать «на заказ» не хотел, да и не мог.

Трудно пишется книга
боли,
обид,
неудач.
Смелым чертёнком прыгал,
в смех
превращая
плач.

<...>

Вдруг маяки затухнут.
Вдруг паруса в загул...
Боже!
Такой житухи —
не пожелать
врагу!

Ну, не мог же я смириться с такой несправедливостью! Где бы ни был — везде читал его стихи, иногда и выдавая за свои. Сочинял песни на его стихи и так далее.

«Плохо
в жизни
все вниз,
да вниз.
Да
по такой грязи...
Дай хоть
вверх,
а потом казни.
Казнь —
это тоже
жизнь».

1979 год. После окончания института я начал было работать в Красноярске, на железной дороге. И возникла замечательная идея. Здесь-то Мотрича никто не слышал и не видел! Надо попытаться публиковать его стихи! Мне почти детективным образом удалось тогда опубликовать подборку стихов Мотрича в четырёх или шести номерах газеты «Красноярский комсомолец», на литературной странице, выходявшей раз в месяц, пока ее не прикрыли. Так получил он первые свои гонорары, каждый от 9 до 12 рублей. Поэт был по-детски рад и счастлив, хотя внешне старался это никак не выказывать.

Владимир Мотрич,
Сергей Горюнов, 1974 г.

Всё перепуталось —
сплетни и истины.
Старое
 ближе
Нам кажется
 издали.
Переиначены
строчки заветные —
Песни неспетые,
совесть столетия...

В первом из этих номеров было написано, что молодой специалист, инженер-железнодорожник Владимир Мотрич публикует в газете свои стихи. А, поскольку я отправлял в Харьков вместе с гонораром и несколько экземпляров «Красноярского комсомольца», то и поныне можно встретить в Интернете подобные сведения. Заметим, что поэту ко времени этой публикации было почти 44 года. Кроме того — огорчу всех — но в железнодорожный институт он даже и не поступал!

Барахтаясь
в словесном хламе
Мой век
со мною постарел.
Грядущий век не за горами —
десятка два
календарей...

1995 год. Мой отъезд в Израиль. Перед самым прощанием Володя подарил мне экземпляры всех своих стихов, написанных к тому времени. Это — четыре толстые папки, четыре полновесные книги, отпечатанные на пишущей машинке. Кое-что он изменил потом, что-то переставил местами.... Но хуже от этого его стихи, конечно, не стали.

Увы, мои попытки опубликовать Мотрича в Израиле не увенчались успехом. И только в 2008 году я решил выкладывать его стихи в Интернете.
<http://v-motrich.livejournal.com>

Это сообщество — дань памяти замечательному поэту Владимиру Мотричу. Здесь публикуются и будут публиковаться его произведения, воспоминания о нём и тексты, посвящённые ему.

Он
 отправлял
 стихи
 на битву.
Рифмы
 неслись
 с обрыва,
 с крыши.
Всё пережил...
 молитвы...
 бритвы...
Жаль, медных труб он не услышал.

Владимир Мотрич,
Алла Пивненко, 1969-70 гг.

ПОЭЗИЯ:

ЭХО

ПОЭЗИЯ: эхо

Герман ТИТОВ

Харьков

Полон книг провинциальный лоток
Но немногие уходят живьём

В узком сквере на Свердлова читать
В непогоду и трамвайный туман
И на серую похожи тетрадь
Призакрывшие пространство — дома

Переулок — приглядишься — не тупик
Воздух сам теперь слова воссоздаст
И буксует в темноте грузовик
Увозя промёрзшей памяти наст

Здесь до Пушкина пройти напрямик
По аллее — а потом всё равно
Всё простится за единственный миг
За небесного разлива вино

Но не выведать теперь одного
Отчего так бесприютно в конце
И всё хочется при жизни того
Что посмертно — синий снег на крыльце

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА МОТРИЧА

Вот ходил по переулкам поэт
С потемневшим от созвучий лицом
Под акациями коих уж нет
Вдоль эпохи с прописным багрецом

Мимо маршевой страны взаперти
От безрыбья отстраняясь строкой —
Пыхнуть спичкой в остужённой горсти
И свернуть не доходя до Сумской

Вдоль по Рымарской до сада впросвет
Жизни тающей и тощей как лёд
И никто не знает точный ответ
Как собрать из чепухи *Пулемёт*

Соль земли в міру дешевле чем соль
И любое безнадёжно питьё
Но не бросить — до бессмертия — роль
Не оспорить и не выдать её

Жизнь и смерть — завтра первый глоток
Зазеркальный городской водоём

ЖЕНА ПОЭТА

Лысой горы плешивее
Жизнь на твоём ветру
Горек сюжет акривии
Милый — ведь я умру

Твёрдые пальцы случая
Водят на поводке
Счастье любви дремучее
Рифмы на сквозняке

Эти даренья древние
Время — всегда извне
Можно ли задушевнее
Быть на одной струне

Танцы да анимация
В мёрзлом густом мирке
Снегом цветёт акация
Звёзды летят в пике

Гугл тебе в помощь бедненький
Сон в голливудском сне
Смирные неврастеники
Горькую пьют на дне

Кровный коньяк из горлышка
Жар чужеродных слов
Русская доля-долюшка
Вечная песнь козлов

Сердце в зеркальном инее
Мы ли отражены
Горести нет завиднее
Счастья твоей жены

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ САД

Что ж пойдём — будто в тёмную воду
В этот сад непохожий на сад
Не мешая простому народу
Совершающему променад

Здесь не сыплет Помона в корзины
Груши яблоки иль виноград
Здесь мешаются запах бензина
И черёмухи и невпопад

Прикрывают куртины за нами
Необъемлемой площади пыль
Пожелтевшее красное знамя
Одичалого Вакха бутылъ

Но уж нет за Сумской гастронома
И обиженно замер *кобзарь*
Глядя в окна притихшего дома
Невозвратных времён календарь

Капители на крыше нелепы
Пулемёт упразднён навсегда
Старый дуб не восставили скрепы
И не сшили небес провода

Но незримое что-то разлито
В сорной дымке надежду суля
Словно кистью прерафаэлиты
Прорисованные тополя

КАЦАРСКАЯ

От сердца без обиняков
Ток памяти течёт дискретно
Так одинок был Тиняков
У тёмной фабрики конфетной

Угрюм как молодость район
Белёные бедой фронтоны
Фасады фижмовых времён
И коммунальные притоны

На кульманах Метропроект
Чертил круги моих бессонниц
Советского плюсквамперфект
Всем верноподданным — червонец

Разменный мусор ностальгий
Заёмное волнение блогов
Открытый космос из фольги
Для новогодних некрологов

Под безутешною сосной
Надтреснутых шаров соседство
Короткое как выходной
Иголки снов роняло детство

Обёртки писем и конфет
И точки склёвывали птицы
Мой Харьков — только трафарет
Условленной любви граница

Центральный рынок да вокзал
С Холодной горой навскидку
Мой город безнадёжно мал
Я им оставлен как визитка

Бессмысленная на столе
В бессмертии — чужом и гулком
И бродит пешеход во мгле
По выдуманым переулкам

ТЕАТРАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ ПОЭЗИИ

От Пушкина до Гоголя пустынно
Меж лип и сновидений в два ряда
Но все сопоставленья беспричинны —
Поэзия приметна не всегда

Насмешливые мокрые сиденья
Изломанные ветки на свету
Прости себе чужие превращенья
Открой глаза — переступи черту

Как надпись на заношенной футболке
Погода и невнятна и права
И прячет листьев жёлтые осколки
Не помнящая Мотрича трава

От Пушкина до Гоголя безлюдно
Посмертное искусства торжество
И мемуарам больше не подсудны
Растрепанные песенки его

И эхо хлопотливо где-то с краю
Рифмует неизбежные шаги
Я в небо отсыревшее ступаю
И тьма переполняет башмаки

За дверью притворённую бесплотно
За блажью облетевших дней и лет
И в облаке белеет безысходно
Поэзии троллейбусный билет

Андрей КОСТИНСКИЙ

Харьков

На часах полночь стрелки свела
и связала лучами чёрной луны.
Вечность встала временем по углам:
Было. Есть. Будет. Четвёртый – сны.

Я бы стал в тот, где всё прошло,
если б верил в то, что не может быть.
Покрывается ржавым, идёт на лом
мягкий знак после “Тэ”, не осилив “бы”.

В том углу, где “сейчас” иллюзорно есть –
то ли я, то ли уже не я.
Соскребёшь – будто бы палимпсест,
но читаешь напротив себя: “неяв”.

Третий угол – буду и сыт, и здрав,
на с(т)окровищах будут стоять ступни.
Взгляд вперёд – небо лесом подняв,
сзади – меньше чем за версту – пни.

Сны мои... Сны... Неразлучны мы...
Карты трёх времён я тасую там.
И не зря в множественности “тьмы” –
сечно “ты”, полно – “мы”, но призывно –
“ТЬ(И)МАМ!!!”

Там и стану. Там себя обреку,
обрету, оберну, бороня и браня.
Не войти дважды в реку... Но можно, – вреку, –
чтобы дважды река прорекла меня!

– Что ты молишься там, сам и обугл.
Посмотри на себя – подпростынен и наг.
Если б знал, что подымишься, то обул
и одел бы тебя. Но ты с “ты” не ни “на”...

А так... Холодно так... Вщёлен сквозняк –
остр, как гвоздь подноготный, но нёмотна щель...
И все эти углы, и ночи, и дни – возня.
“Прибыл” / “Выбыл” / “Сдал ключ”. Подпись?
Метрродотель

* * *

Герману Титову

Е нот равно эN от И в зеркале.
Енот прав, но энно Ти узор алле.
Прочти пROчту на мыле. Догола пергола
дотла отчизнизнится, крыша – дым-суфле.

/\/\и/\ /\ і ошно !-м /\и/\.
Воск лицевательным знаком и затылочным.

МЕТРРОДОТЕЛЬ

памяти Владимира Мотрича

Здесь так холодно... Зачем? Я ещё жив!
Не дышу, и сердце остыло, но
мысли, мысли, мысли – словно ножи,
вскрывают память. Памяти там – темно.

Узкий стол. Белая простыня.
Свет такой, что будто сейчас умрёт.
Тот обедает, видно, кто одежды мои снял –
чай в пакетике, сигарета и бутерброд.

Я пытался не умереть. Туман
был такой густой, что тело моё держал –
я был воткнут в него, словно в песок – кинжал.
А за стенами снегами засыпала мой май зима.

Мои игры... Мои чертежи теней...
Мои ночи, в которые спрятаны дни.
И ответы, в которых – что “да”, что “нет”
на вопросы, в которых всё чаще запрятана гниль.

/\\и/\\ касался поклённо земли,
и /\\о\и/(о/\\?): Если можешь, очни!

Если можешь, чашу сию принеси!
Кубок — кубок, а чаша — чашна.
Только Анюшка уже пролила керосин,
и отплевила отпетое брашно.

* * *

И дантову, и лъвиную минуя —
что половину? — лучшую из них! —
я в лес входил, где кипарис и туя
сжимают на тридцатый шаг огни.

И посох-палицу луны макая
в смолу горящую, я вовсе не боюсь
ни опалиться, ни задверья рая,
ни за незавершенну жизнь мою.

Я в жизнь входил, не зная, что границы
не созданы ну разве что для сна.
Разведывая, словно карты, лица —
своё искал, стирая имена.

И вот сейчас, когда уже не надо,
прогрело солнце до самих костей,
чувствительных на говоренье «Радость»...
я стал одною из не мы X теней.

* * *

Объявили твою станцию?
Не вскакивай, не выходи!
Ты жизнь свою ещё не оттанцевал?
Жди!

Луна полупрозрачна,
как истончённая до тоненькой
пластинки во рту

крутлая таблетка-монпансье.

Болит голова? От боли
ту-
пой-
съешь!

Я знаю, что, когда отвернусь —
ты на меня смотришь.
Ну-с,
с мортем!

Я отниму бокал вина не доказана сказка «С».
Что, слабо по вторению вымучить меня?
В букотеках сейчас карманники почистили КС,
с мотивами вроде того, как приёмам новым учить
менял.

Я повернулся.
Ты вышел ыт.
Вышивали в небе по звёздам саван.
Слышны звоны ли к то звукопыт.
Сад сам себя и себе досажен.

Не возвращайся!
Здесь места уже нет.
Здесь ожелчены липы,
из которых печати печали.
Льётся черноволосо в бутылки времени свет,
опрозрачивая ране невидимые дали...

* * *

Я тебя поцелую за вечер до сна.
Как всегда — засыпаем порознь.
Эта осень особенно холодна.
И как будто на сердце морозь —

на недвижимом сердце, забывшем стучать
без тебя за заслонкою व्यюги.
Я пью кофе, а ты неизменно — чай, —
так в окне вижу нас, где друг к другу

приклоняемся жизнью разъятые мы
в обречённо-обручном порыве;
и свеча на столе — хоронением тьмы,
и настенные тени — живы.

Каждый знает свои и вопрос, и ответ.
И, в руках пряча солнце с луною,
мы, как будто в лото, щуплем циферный след,
чтобы выиграть приз перед боем,

из которого выйти — равно, что уснуть —
и очнуться, не помня друг друга.
Эта осень особенно помнит весну,
позабывшую ласковость व्यюги.

ПОЭЗИЯ:
родные пенаты

ПОЭЗИЯ: родные пенаты

Анжела АРСЕНОВА

Харьков

* * *

И больше ни слова о смерти...
В холодных её руках
Душа в бледно-сером конверте
Пошурхивает на небесах.

По вере, по просьбе личной
К Тому, кто почту берёт,
Неловкой жизни больницы
Он это письмо вернёт.

В надежде извечно-зыбкой
Назначит Он новый срок —
Исправить в тексте ошибки,
И главные — между строк.

* * *

Первая жена — тёплая стена.
До утра сгорят слова смелые.
И зачем судьбой мне была дана
Тёплая ладонь, стена белая?

Мне с собой не взять в новую даль
Злые голоса, мутные омуты.
Почему неловко, почему, как встарь,
Все мои мечты твоей булавкой сколоты?

У жены второй в ладонях слеза.
Тихие слова в сердце робком.
Первая жена — ясные глаза,
Летняя гроза, ливень в тёмных окнах.

В новых днях её новые дела,
где упрямо верит старым сказкам.
Так зачем опять дорожка завела,
где первая жена была со мною ласковой?

Лето полежит солнышком в горсти.
Горло перехватит свежим соком.
Только ты при встрече не смотри,
Чтоб не засмотреться ненароком.

Оглянись однажды мне вослед,
Первая жена, с любовью прежней.
Пусть осыпался черешневый рассвет.
Мне милее поздние черешни.

* * *

Когда окончены мытарства и замкнут круг,
Конец любви и постоянству приходит вдруг.

Я ухожу, пока знакомо душа болит,
Пока ни паузы, ни слова. И ангел спит.

Как розов был рассвет весною... Багров закат.
Оставил сам? Оставлен мною? Разлуке рад...

* * *

По чужим слезам,
по горьким плодам —
кривая успеха.
Показалось мне — это храм,
оказалось — комната смеха.

Новых снов золотая вуаль
открывает старые лица...
Не проходит только печаль.
Всё сбылось,
всё ещё случится.
В сердце — рай,
в ладонях — земля.
Дни — усталые птицы —
вечером солнца пьют глаза,
чтоб ночью о нём молиться.
Полдень пестует жар небес.
В радужных бликах тени
сникли лики ушедших пар,
певческих слов, лени.
Всё ж назови мне
свои имена
новые,
ангел рассвета,
чтоб узнавала
твои письма
в тёплых конвертах лета.
Чтобы в холодной
родной земле
снова меня встречали
руки навстречу,
глаза в глаза,
радость на дне печали.

* * *

Полгода сердце
так болит.
Уже полгода
На этом шаре голубом
всё длится жизнь.
И забывать тебя —
тяжёлая работа.

И смотрит жизнь
пустыми окнами наружу,
где мысли тайные
неброский холст прядут.
Я так давно люблю тебя...

Мы, всё же,
любимых ждём своих,
хоть знаем: не придут.

Полгода сердце так болит.
Уже полгода
гляжу душе твоей потерянной
вослед.
И снится голос мне.

Он говорит так строго:
«Не беспокойте нас!».

Его на свете нет.

* * *

Покоятся и шепчутся, шевелятся змейёй, скользят,
Когда испытывает их потусторонний взгляд.

И в этих прядях смоляных, как тонкий лепесток,
Чуть бледное её лицо. И губы сжаты, как зарок.

Но успокоился вчера немых страстей пожар,
Где взгляд таинственный один в её печаль упал.

Скользит быстрее чередой всё то, что быть могло
Её восторгом. Но уже от сердца отлегло.

Похолодевших рук твоих коснуться мне позволь...
Я не люблю твою печаль. Я Грина не читал,
Ассоль...

* * *

Усни. Не ищи до рассвета
Спасительной мысли одной.
В полоске неяркого света,
Помешкав, мгновенье постои.

И так ли уже невозможно
Вдали от родных городов
У сердца носить осторожно
Неверные строки стихов.

И, дней пробегаая задворки,
Понять: ничего не сулят.
И опровергать оговорку,
Что рукописи не горят.

* * *

Флейт пенье...
Загляденье —
Твой мирок.
Здесь печенье —
Горла поперёк.

Чай не сладок
Дня осадок.
Сердцу невдомёк:
На крошки падок
Серый хохолок.

Плачь, сетуй...
Луч света —
Спица слов —
В пол-лета
Свяжет любовь.

Галина БАБАК*Харьков — Прага*

* * *

Метро в Передваночний час, так тут кажуть, тобто
Перед Різдвом, це наче купатися і пізнавати світ
наново.

Метро в Передваночний час: швидко минають
станції, змінюються обличчя навпроти,
відчиняються і зачиняються двері. Наче
в ляльковому театрі. Кожен везе своє Різдво.
Чоловік грає на акордеоні, дівча пританцьовує,

простягаючи капелюх — в очі не дивиться, бо
в очі — непросто. Подумки рахує монети і йде
далі.

Схожа на румунку, чи молдованку, чи сербську
циганку, у в'язаній рожевій шапці з темним
бубоном на голові (певно, мама в'язала, моя також
в'яже). Музика стихає, дівчина протягує татусеві
назбиране багатство, той кидає монети до кишені,
обидва посміхаються і чекають на свою станцію.

Коротка передваночна інтермедія. Вагончик
зупиняється і музики губляться у натовпі.

А я ще довго спостерігаю здивовані обличчя —
такі вистави тут незвичні.

* * *

— Ти як? Привіт?

— У мене все чудово (Про себе: що твоє питання
зараз, коли між нами відстань і дощі)

— Все учишся і пізнаєш життя?

— Учусь і пізнаю (Якого чорта пишеш?)

— І як тобі?

— Що саме мені як? (Вночі ховаю в ковдру всі
думки і заплітаю спогади у коси, боюсь забути
щось важливе зранку і забуваю речі і себе, як
книгу невідкриту на полиці чи сон, зім'ятий
порохом руки).

— Ти тут? Питаю, що нового?

— Вид із вікна (Але і це немало)...

* * *

Такие пропасти между людьми,
что не хочется дальше,
что не хочется дальше
прилипать подошвами к раскаленному асфальту,
улыбаться плакатной лексике
и оплакивать ушедшие поезда.
Такие пропасти между людьми,
что не хочется ближе,
что не хочется ближе
подойти

как тот, у которого сети тонки
к тому, у которого овцы целы.
Такие пропасти между людьми,

что мне не докричатся,
а тебе не услышать
такие
пропасти.

Вадим ВАСИЛЕНКО

Винниця

Родился 8 февраля 1991 года в с. Васильевка Тиврского района Винницкой области. Магистр Института филологии и журналистики Винницкого государственного педагогического университета им. М. Коцюбинского. Участник Всеукраинского совета молодых литераторов (2011); победитель Международного литературно-языкового конкурса им. Т. Г. Шевченко (2011), Всеукраинского конкурса научных работ (2012); лауреат Всеукраинского поэтического конкурса «Подкова Пегаса» (2012).

* * *

Довгі свічі доріг в Україні, немов на чужині.
Вже Михайло над'їхав і зняв забороло черлене.
У чорноземах нічних згасають і тіні поливу,
Бо ці дні за вікном, як притрушені
золотом клени.

Шелестить падолист із відкритими в літо очима.
Може, вранці зозуля в годиннику світу озветься,
Щоби ріки-літа перейти благовісно і зримо.
Осінь ронить слова, що ростуть гіркотою у серці.

На розмову дощів і зимові взиваються вруна.
Ця любов неземна у щоденнику всохла, зміліла.
І безокий Перун б'є в різдвяні обірвані струни,
Щоб остання зоря, як любов на землі, не згоріла.

* * *

Із камінного взір'я зайдемо до пращі видінь,
Щоб квітчати уста візерунками сонного тіла.
Нам блукати у травах мінливими фазами днів,
Доки лист не обпаде у наші долоні зомлілі.

Ми заснемо у росах. Мов птаство, зоріючи в сад,
Зустрічаємо сонце. А крила тремтять від чекання.
Заворожені тишею, вже не повернем назад,
По незайманих ріках пройшовши півкола
останні.

Білогрудий світанок загорне нас в аркуш двох тіл,
Щоб налити в осердя поденного хліба і світла.
Але ми наберемо в долоні води і землі,
І поринемо в пристрасть, немовби у дике праліто.

* * *

Мовчать ліси у передсвітній тиші.
Я лист землі іще не відписав,
Але праосінь горнеться все вище,
Запікшись кров'ю на тремких устах.

З очей землі покотиться сльоза,
І наче біль, згірчить черлені вина.
Прийде любов з очима всепрозрінь,
Згойднувши в небі срібну павутину.

Трава вдихне пожовклий лист, як згар,
І подзвін часу обізветься біло.
В космічній танці закрутивши гілля,
Годинник серця нам проб'є удар.

* * *

Із тевтонського срібла наковані княжі шоломи.
Не гострити звитяги, не спивши Каяли до дна.
Пошербивши списи, повертаються вої додому,
Щоб у мідну братину вточити живого вина.

Світлоока Ясьольдо, омий ці сповідані рани,
Щоби знов на коні переплисти Дністер і Дунай.
Біла вежа впаде, наче сонце, схитнувшись
в тумані,
І над нашим чолом проросте степовий молочай.

Давнім звичаєм славні мечі не куються на рала.
Ще не раз дикі пущі стривожать знамена ясні.
У дубовому теремі, знявши віконні забрала,
Будуть лицарі мовчки зі степу чекати весни.

* * *

У волоссі твоєму спить графіка степу й дерев.
Ти заходиш у сні і до місяця грієш долоні.
Ми помолимося лісу, що наше насіння збере,
Заблукавши під небом, ні листя, ні цвіту
не зроним.

Я тебе не зцілив, бо дощі вже наповнили глек.
Ти ввійшла в передсердя, мов кров, захоловши
у жилах.
І на рифах грудей, що годують і змій, і лелек,
Я ростаю у тебе, звільняючи слово із тіла.

Із води проросте білоцвіття, і пір'я — з кори.
Забрунькується зав'язь устами пониклої тиші.
Ми зійдемо в озера. З нічної надпивши пори,
Я ім'я твоє сонцем на аркуші неба напишу.

* * *

У хмільні переджнив'я з долини ітимуть дівчата.
І до лісу впаде вишивана сорочка ріки.
Біля греблі гора буде місяць на стежці чекати.
Над городом брестимуть старцями у просинь
роки.

Дикі гуси розсіють по ночі осінене пір'я.
І в тумані землі, що чекає цілунку лопати,
Оживе з передвіку забуте дідами повір'я.
Вийде в озеро місяць із рибами в піжмурки грати.

Алина ГЛАДКОВА

Харьков

* * *

Задумалось время в разбитых часах.
Иссякла улыбка в стеклянных устах.
Ресниц упоенье, забытости глаз...
Задумалось время, в себе затаясь.

Не бьётся сердец настоящий звон,
Часы в остановке зашли на свой трон.
Себя превозмочь никому не дано.
Кто правит минутой — тому всё равно.

Стучат ли безумием стрелки часов,
Иль кто-то борется за правду готов.
А, может, спадёт веков пелена,
И будешь ты счастлив во все времена.

* * *

Укрыться тёплым одеялом
В своём углу, в открытости луны.
Гирляндовым овеем опухалом,
Свеченьем звёзд на веточке сосны.

Зажечь камин из взглядов доброты горенья,
В поленьях — разыгравшийся огонь.
Так в теплоте волшебным вдохновеньем
Прижать к груди твою ладонь.

Трещат поленья искрами сердечно,
Рождается высокий слог.
Пусть сказочным останется навечно
Наш дом, камин и призрачный порог.

Дмитрий ГУБИН

Харьков

Родился 20 сентября 1966 г. в Харькове. Окончил Харьковский политехнический институт (1983–1987), инженерно-физический факультет; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (1988–1991, философский факультет); Харьковский государственный университет (1993–1997, социологический факультет). Работу в СМИ начал корреспондентом газеты «Грани» (1997–1999). Редактор программы «Однажды» (ТРК «Simon», 1999–2001), руководитель пресс службы ХОО СДПУ(о) (2000). Сотрудничал с газетами «Объективно», «Харьковский телеграф», «Харків'яни» (2000–2002). Зам. редактора, редактор отдела политики газеты «Вечерний Харьков» (2002–2003), главный редактор книжного издательства «Торсинг» (2003–2004); корреспондент-политический обозреватель газеты «Нова Демократія» (июнь 2005 — октябрь 2009); эксперт сайта «Одна родина» (с июня 2009 — по настоящее время); корреспондент-обозреватель газеты «Время» (с октября 2011 — по настоящее время). Хобби и увлечения: библиофилия, нумизматика, путешествия.

* * *

Над городом который год подряд
Стоит цепями скованная осень.
Но что ей мы? Мы ничего не просим —
Мы ждём, пока другие говорят.

Не облететь который год листве
И не уснуть опять усталым пчёлам,
А нашим душам — выжатым и голым —
Прошла пора стоять на голове.

На поисках потерянной зимы
Умаялись меж трёх засохших сосен,
Пора уйти, но что-то медлим мы,

Все ждём, пока дела пойдут на лад...
Стоит цепями скованная осень
Над городом который год подряд.

* * *

Мы были. За спиной была страна,
С которой расставались без печали.
Оторвались, не думая причалить.
Сказали «Дай!» и получили «На!».

Мы были. Кто-то хочет сделать вид,
Что то не мы на чёрно-белых фото —

Немыты головы, вовсю штыняет потом,
И нас таких никак не обновить.

Мы были чем-то из фантазий Босха,
Но не такими мы остались в сносках,
В пособиях унылых и негибких.

Исправьте вы в учебниках ошибки!
Исправьте и попробуйте учесть:
Мы есть.

ОДИНОЧКА

Ухабы мера на глазок,
Бежит поношенный возок.
Терять всего-то ничего,
Ведь мой возок для одного.

На повороте осмотрюсь —
Не разлетится ль скудный груз?
Шепчу: «Не вышло бы чего?»
Ведь мой возок для одного.

Хотела спутница присесть,
Придётся, думал, с козел слезть,
И я проехал, никого
Не взяв в возок для одного.

Нужна ль дорога для того,
Чей воз для одного его.

Марина ГУРТОВАЯ

Харьков

* * *

Набридло небо
в сірому плащі.
Брудні калюжі,
Пролівні дощі.
Смертельна туга,
замкнута у час,
де нас немає,
де немає нас.
Відлуння кроків,
Коло нароста.
Зв'язків короста
та смутні вуста.
Тремтячі істини,
Забуті сни,
де ще малими
ми були дітьми.
Помешкання —
пустеля після нас,
де нас немає,
де немає нас.

Осіння драма
стоптаних надій
не спонукає до важливих
дій.

А сонце котиться
по небу до Весни
гарячим колесом
в зимові сни, —
де нас немає,
де немає нас.

Смертельна туга
Замкнута у час.

* * *

Тисячі тисяч днів.
Тисячі тисяч снів.
Вечері пізні тільки дві, —
Зайшлося серце по тобі.
Нишком сирітське гілля
Тихо шкребе по вікні.
Диха заварене зілля, —
Ти не прийдеш уві сні.
Гамузом справи стирчать.
Кава холодна — гірка.
Ти не шукаєш мене, —
Очі позичив Сірка.
Спогади клею в думки,
Бо підсвідомість тонка:
Квітку, яку ти ховав,
Я не тримала в руках.
Тисячі тисяч днів,
Тисячі тисяч снів.
Річку накрило сміття,
Вчасно збудований міст:
Це випадкове життя
Талановите на зміст.

* * *

Купався місяць у глибокім небі,
За сизі хмари зовсім не ховався,
а потім зник,
то ж залишалось
неясне світло,
що у темряву
згущалось.
Так, у гору часто зазірала,
чекала пильно,
як почнеться ніч.
Русалки ж гучно жирували
Крізь казку, мабуть, певна річ.

* * *

Кришталеве небо
 Кришталеве.
 Зіркові крапки —
 небесні зерна.
 Годувальниця земної ниви —
 Істина у Всесвіті — незрима.
 Металеве серце
 Металеве.
 Пристрастю розбещена зима,
 Де земля зволожена, травнева,
 Ще не знає клопоту — незрима
 Істина у Всесвіті трива.
 Металеве чавить кришталеве.
 Скло — найнебезпечніший вантаж.
 Сніг пішов.
 Здивована
 й щаслива,
 ще не здатна
 на дрібний
 шантаж.

* * *

Транжир.
 Сухой инжир трещит на зубах,
 Приторных зёрен сладость.
 Радость.
 Радость испуганной птицы
 смешна...
 Какого рожна
 тебе я нужна?
 Ветер опасно застрял в проводах.
 Сердце — злая собака.
 Выстрелить хочется...
 Хоть иногда.
 Паника.
 Не было знака.

* * *

Разбитый желток заката.
 Морозное воскресенье.
 Свобода замысловата
 Для внутреннего спасения.
 Побег — аналогия страха.
 И кажется неизбежным
 Потусторонняя плаха
 На покрывале снежном.
 Раскачивай же постепенно
 Скрипучую табуретку.
 Падение благословенно:
 Любовь поражает метко.

Но совести угрызения
 В разбитом желтке закатном
 Преображённые в пятна,
 Припомнятся как откровения
 Текучей речи невнятной.

Михаил ЕЖОВ

Харьков

КРЫМСКИЕ ХАЙКИ (3–12 сентября, 2012)

3 сентября, Демерджи

долина привидений
хватает за рукав
ежевика

сколько сантиметров
до родника
по старой карте

настоялся
у боярышника... у шиповника...
морской ветерок

взгляд на море
и в гору ... с огромными рюкзаками
некупанные!

облепленные мухами
смотрим на море
лепота!

мысы вдали
вдоволь напиться бы и упасть
в чашу моря

коровья тропа
а где-то птицы парят
не напрягаясь

отражение заката
растворяются мысы
в синеве

4 сентября, Демерджи

взгляд с горы
хочется полетать
так чтоб не страшно

трепещу на вершине
рядышком с красной тряпкой

эх дотянуться бы
и погладить
дымчатые горы

снизу снимаем
что им все наши щёлканья
вороны и орлы

на обрыве
трепещут хватая ветер
крылья носа

щурясь на солнце
снимаюсь на пару
с луной

в кадре с твоей улыбкой
гримасы и прищур
старого Демерджи

среди каменных лигманов
торчу нос задрав

солнце в травах
варятся в одном котле
небо и море

сухое соцветие борщевика
звёздная сфера

старая стоянка
наши тени... далеко
костёр разбросал

ковш медведицы
и ковшик глинтвейна
из горной дички

слушаю что-то умное
на фоне звёзд
и улыбаюсь

5 сентября, Демерджи — Алушта — Судак — Капсель — Меганом

тяжёлый подъём
на привале разговорчики
о болячках

рассвет
закат
артрит

ступени автовокзала
цепляюсь глазами за небо
и краешек горы

свет фонаря
ни моря ни гор ни неба
одна тропа

из груди вещей сопение
у луны — лицо человека

ночное море
освещённый маленький цирк
тарахтит парходик

6-7 сентября, Меганом — Маяк

склон горы
ворочается во сне
человек

эх... барабаны...
завалиться бы под бочок
к горному эху

жарко.... раскрылся
ложится на мой деревенский
лунный загар

канул куда то за море
Млечный путь

на море штиль
и звёзды о чём-то своём
высоким штилем

8 сентября, Меганом — Капсель — Солнечная долина — Прибрежное — Лисья бухта

солёная пыль дороги
довелось таки заглянуть
зады мысов

подкрепившись
ворованным виноградом
жажду моря

красное сухое
который год тропа заводит
на винзавод

из кармана
на серую гальку
ягоды шиповника

кислый закат
разбавляю водой
вино

падающие звёзды
одна... другая...
лежу без желаний

9 сентября, Лисья бухта

убегает одно небо
прибегает следующее

склон горы
оставили отпечаток
отбегавшие ручьи

закатное пиршество
запечённые в золе
баклажаны

волоку на холм
свой сытый желудок
остатки заката

звёздное небо
застряла... не протолкнёшь
в горле таблетка

ветер с гор
улетает во тьму
белый пакетик

10 сентября, Лисья бухта — Уютное — Коктебель

экскурсии
по волошинским местам
на могилу — бесплатно

пью вино
из треснувшей чашки
Карадаг и бухты

11 сентября, Коктебель — Симферополь

очередной поэт
шум в деревьях
рокот прибоя

из карманов и пазух
скармливаю волне
камни и камушки

12 сентября, Симферополь — Харьков

может припрятать?
пахнет солью и водорослями
тряпье

улыбнулась — и только
что-то после моря
слегка покачивает

Саморенга «мокрая до костей» (29.10.2012)

вот она шкурная дрожь
ливень осенний ночной
в меня барабанит

мокрые ноги бегут
вслед за ручьями

«где вы, — тонкие и чувствительные?!»
лужи дрожат...
я ж — как первый блин!

вспомнил бабушку
«чего надулся, Мишук?»

где-то за пеленой
дёргает за влажные нити
полнолуние

клоун?! смешон?!
а был ли солнечный мальчик?!

решётки балконов
на весь двор причитают
полуночная старуха

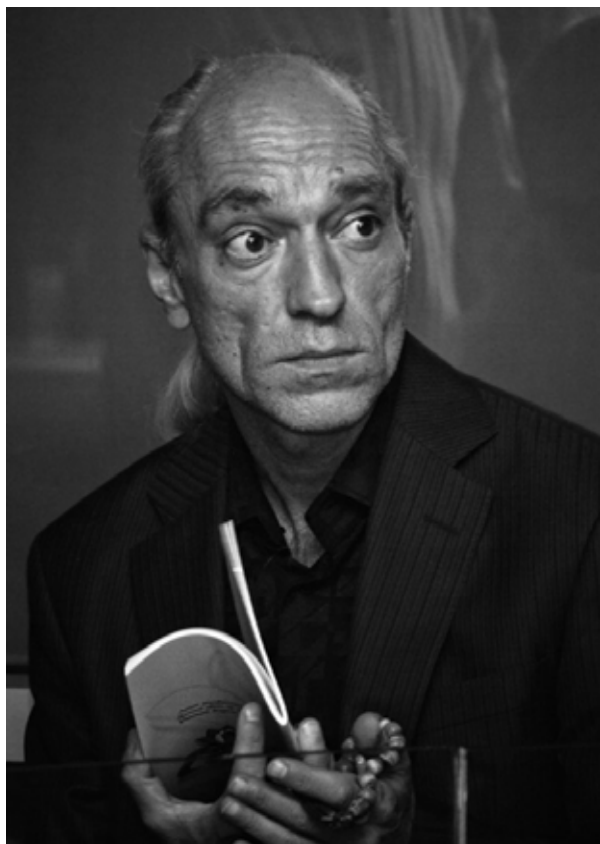
бегу как ужаленный
гудящий асфальт проспекта

Виталий КОВАЛЬЧУК

Харьков

* * *

Как не каждый заметит сочащихся внутренних ран,
Так не каждое слово взойдёт напечатанной книжкой.
Двадцать первого века эпохой затёртый шаман
Улыбается солнцу, встающему над теливышкой.

Он глядит, как лучи разгоняют последнюю тьму,
Пробивая свой путь через сеть металлических балок.
Он возносит молитвы, и сложно представить, кому.
В этом мире давно уже вряд ли найдётся аналог.

Но слова его глохнут, и боги приходят не те.
Да и боги ли, если твердят каждый вечер о новом?

Как не каждому слову дано прорасти в пустоте,
Так же и пустота не любая наполнится словом.

А родне невдомёк, что над солнцем — тягучая мгла.
И не то, чтоб со зла — по привычке зудят домочадцы:

Поэзия подобна женщине — всегда задаёт вопросы. Порой довольно простые, однако, ответить на них могут далеко не все. Но могут — живые, искренние, простые, мудрые... Последнее время она всё чаще спрашивает: «Что такое философская лирика? Что такое гражданская лирика? И,— продолжает возмущённо,— вообще! Что такое вы себе позволяете?!»

Открываешь литературный сборник, а там — позволено всё: такое разное, такое интересное и необычное, что забываешь обо всех вопросах.

Как сказал один из героев писателя-фантаста Максима Каменского: «И если, находясь во власти сомнений, терзаемые вопросами, мы заходим в вагон метро, то втайне надеемся, что закрывающиеся за спиной двери отсекут хоть малую толику проблем, свалившихся на наши плечи». И как раз философско-гражданская лирика Виталия Ковальчука, поэта и культуролога, философа, а если проще — махариши,— позволяет погрузиться в иной мир и предоставляет ответы на те самые вопросы, открывая тайны бренности и шизни, помогая стать лучше, чем мы есть.

Осенью 2012 года вышла из печати третья книга В. Ковальчука — «Красный лотос», книга, в стихотворениях которой каждый читатель находит что-то своё. Находит непременно. Ведь умело вплетённые в философскую канву каждого произведения чувства, быт, жизнь и смерть — лишь часть того, о чём он пишет, словно кудесник, не изощряясь, не употребляя архаизмы или новоязы, а используя понятную всем и каждому лексику литературного русского языка. А ритмы стихотворений раскачивают маятник жизни, маятник его дыхания — вправо, влево. И мы ощущаем эти ритмы, становясь такими же маятниками, соприкасаясь с каждым словом, с каждым движением души махариши.

Дескать, деньги нужны, а ещё — чтоб работа была...
А зачем ему деньги — с богами своими общаться?..

Он бы лекарем стал, он ведь помнит ещё повитух,
При которых родился... Вот только не брал бы ни цента.

Он не любит врачей, не знакомых с понятием «дух».
Разве можно лечить, если счёт прилагаешь к рецепту?

Мегаполис живёт. Автострад наполняется сеть.
А в сердцах у людей — слитки совести
правильной пробы.
Сколько солнцу ещё суждено неподвижно висеть,
Потому что не может взойти оно сквозь
небоскрёбы?..

Он восходит на крышу, и сразу же тает туман.
Где-то там вдалеке остаётся жужжание улиц.
Двадцать первого века эпохой затёртый шаман
К солнцу делает шаг... А в газетах напишут —
«безумец».

* * *

Перешагнув рубеж сорокалетия,
Ты вдруг поймёшь, что нет пути назад.
Ну, да, конечно, подрастают дети,
Но сад заброшен — тот, вишнёвый сад.

А мы всё те же, хоть давно другие.
Всё бодрые, как Ленин в октябре.
...А у меня при слове «ностальгия»
Всплывает куст пиона во дворе.

Двор небольшой — фиалки вдоль ограды,
Жуки гудят... Я слышу этот хруст.
Над крышей дома в август — звездопады.
И куст пиона — необычный куст.

Я прятался за ним — играл во что-то.
И будто бы стремясь достать до звёзд,
Руками достигая горизонта,
Я становился гордо в полный рост.

И вдруг однажды роста стало много.
И, отмечая жизни суету,
Предвосхищая новую дорогу,
Я осознал впервые, что расту.

И я взлетел, с куста сбивая сырость,
Не в силах это чувство удержать.
«Ты не поверишь, бабушка, я вырос!
Я вырос, ба! Мне нужно присесть!..»

И бабушка так искренне смеялась,
Протягивая ягоды в горстях.
Она была мудрее, чем казалось.
Я это понял много лет спустя...

Потом, конечно, школа, пионеры,
Металлолом, шипучий лимонад...
Как мне порою не хватает веры,
Что до сих пор живёт вишнёвый сад!

Предстанем перед Господом нагие.
Что нам зачтут, когда придёт пора?
...И до сих пор при слове «ностальгия»
Всплывает этот куст среди двора.

А дома нет — давно его я продал,
Но в памяти — как вспышка волшебства:
Я вырос. Мне уже четыре года.
И бабушка пока ещё жива.

* * *

Машет фортуна игривым хвостом,
Да не ухватишь — несётся по краю.
Я оставляю дела на потом.
В общем, куда-то я их оставляю.

Вижу, как критик согнулся в дугу:
Правильно, мол, не «куда-то», а «где-то».
Критику я улыбаюсь: «Угу!»
И оставляю его без ответа.

Зрительный зал. Замирание сердец.
Каждое слово — всё чище и проще...
Я оставляю из лавра венец,
Лавры давно мне приятнее в роще.

Слышу — поют за окном петухи.
И не поэты — а слушать приятно.
Я оставляю кому-то стихи.
Их всё равно публикуют бесплатно.

Веря во что-то, кого-то любя,
Молча присяду на тихой аллее.
Я оставляю кому-то себя.
Может, другому я буду нужнее.

* * *

Пляшет ветер в изумрудной роще,
Шлёт привет красавцу журавлю...
С каждым годом всё нежнее и проще
Рифмы к бесконечному «люблю».

И уже «пишу» не значит «вою»,
И слова роняешь невзначай.
И «любовь» рифмуется не с болью,
А с каким-то странным «вкусный чай...»

А искатель спрятанного рифа,
Строгий критик, признанный педант,
Скажет: «Но, простите, где же рифма?
Это же какой-то авангард!».

«Рифма? Там!» — и ткните пальцем в небо.
Пусть поищет в отблесках зари.
Ничего от критика не требуй,
Ничего ему не говори.

Не ищи ответа в книжной толще,
И слова не связывай в петлю.
...С каждым годом всё острее и тоньше
Рифмы к бесконечному «люблю».

* * *

Вечер лёг на землю примиряюще,
 Всем уставшим жаждущий помочь.
 Верить в это счастье — да когда ещё,
 Как не в эту сказочную ночь!

Господи, и пусть не на мгновение —
 Навсегда желание сберегу:
 Всем — покоя. Сна. Отдохновения.
 Другу. Сыну. Матери. Врагу.

* * *

Мы ушли из рая в час рассвета,
 Ничего с собой не захватив.
 Разве что бутылку Аморетто,
 Банку шпротов и аперитив.

Есть из банки было неохота.
 Я сказал: давай захватим нож.
 Хоть стакан, хоть бритву, ну хоть что-то.
 Ты в ответ: «Всего не унесёшь».

А кругом — косметика, помада;
 Мебель — ввысь; ковры, паласы — вширь.
 Боже мой, кому всё это надо?
 Кроме нас на свете — ни души.

Я опять шепчу тебе на ушко:
 Мы в раю, а там повсюду ад.
 Хоть кровать, хоть стул, хоть раскладушку.
 Нам же дети наши не простят.

Ты в ответ: «А разве наши дети
 Будут верить в рая волшебство?»
 Мы ушли из рая на рассвете,
 Не забрав оттуда ничего.

* * *

Пролетел ураган, грозный ветер утих,
 И опять я к тебе заскользил по лучу.
 Я дыхание твоё среди тысяч других
 Через горы, года, города отличу.

Я не знаю, как долго смогу я сберечь
 Эту нежную робость нечаянных встреч.
 Ах, как долго я ждал, чтоб утихла гроза.
 Посмотри мне в глаза, посмотри мне в глаза.

Я волос твоих запах найду среди трав,
 Как тогда, под сосной, где нам пела река.
 И, как будто вконец разорившийся граф,
 На последний червонец найму ямщика.

И помчимся с тобою сквозь ночь и луга,
 И такие откроются нам берега!
 О любви нам прошепчет у речки лоза.
 Посмотри мне в глаза, посмотри мне в глаза.

А потом мы расстанемся — на день, на год,
 И захочется время к истокам вернуть.
 И нахлынувший груз повседневных забот
 Нам обоим наметит свой собственный путь.

И не будет уже ни коня, ни реки.
 Только память сожмёт сединою виски.
 И уже никогда не пойти мне с туза.
 Посмотри мне в глаза, посмотри мне в глаза.

Что ты видишь там, девочка, — голову с плеч
 Или ласки в стогу до вторых петухов?
 Посмотри мне в глаза, чтоб навеки сберечь
 Эту боль ненаписанных кровью стихов.

Посмотри мне в глаза, как в упор из ствола,
 Чтобы память навеки твой взгляд сберегла.
 Чтобы всегда в изумруд превращалась слеза.
 Посмотри мне в глаза, посмотри мне в глаза.

Михаил КРАСИКОВ

Харьков

СОВЕТ ПОЭТУ

Нет силы боли —
не пиши.

* * *

Проживший жизнь скотом
о совести не знает,
но глас её звучит,
но огонь её горит,
и сердце скотское
нет-нет — и замирает
и скотский дух — нет-нет —
и воспарит...

* * *

На ловца запредельных смыслов
выбегает нечасто зверь,
но, коль выбежит, то, неистов,
рвёт силки самых крепких вер.

Автор ок. 300 научных публикаций. Составитель книг: М. Кульчицкий. «Вместо счастья. Стихотворения. Поэмы. Воспоминания о поэте» (Харьков: Прапор, 1991, совм. с О.В. Кульчицкой), А. Корнев. «Черный алмаз: Стихотворения» (Харьков: Клио, 1994, совм. с Г.М. Кореновой), «Русские поэты Украины» (Киев: Укр. вид-во, 1995, ч. 1), «Муравським шляхом. Етнографічний опис та фольклорні матеріали с. Лиман Зміївського р-ну Харківської обл.» (Харків, 1996; разом з В.М. Осадчою, М.О. Семеновою та Н.П. Олійник), «Антология современной русской поэзии Украины» (Харьков: Крок, 1998, т. 1), «Муравський шлях-97: Матеріали фольклорно-етнографічної експедиції (по селах Богодухівського, Валківського, Краснокутського та Нововодолазького районів Харківської обл.)» (Харків: ХДІК, 1998, разом з В.М. Осадчою, М.О. Семеновою та Н.П. Олійник), Н. Дорошко-Берман. «Красная гора. Рассказы» (Харьков: Фолио, 2001), Н. Дорошко-Берман. «Галатея: Стихи и песни» (Харьков: Фолио, 2001), «Українські сороміцькі пісні» (Харьков: Фолио, 2003), «Українські жартівливі пісні» (Харьков: Фолио, 2004), Сергій Черняєв. «Вибране» (Київ: Факт, 2005) и некоторых других. Один из составителей библиографических изданий по истории Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина (1805 – 1917), научный редактор кн. «Історія Слобідської України. Бібліографічний покажчик» (Харків: ХДНБ ім. В. Короленка, 1993).

Редактор многих поэтических сборников. Был директором международного фестиваля «Art Way» (Харьков, 1997), членом оргкомитета фестивалей «Харківські Асамблеї» и «Культурні герої».

Был участников Чичибабинских фестивалей поэзии (Харьков, 1998, 1999), поэтических фестивалей «Гилея» (Киев, 2001, 2002, 2003), «Каштановый дом» (Киев, 2005), фестивалей искусств «Харьковские ассамблеи» (Харьков, 1997), «Культурні герої» (Харьков – Киев, 2002) и др.

Организатор и ведущий многих литературных и литературно-музыкальных вечеров, культурологических семинаров.

* * *

Грущу я и не надивлюсь,
Как густо процветает гнусь.

* * *

Угрюмость в рюмке не утопишь
И в трюмах дней не увезёшь.
Под черепушкой бродит ёж,
Как бомж в тумане или «ёрш», —
И тошно ж, тошно ж, тошно ж.

Евгений КРИВОЧУПРИН

Харьков

В июле 2012 года в харьковском издательстве «Сага» вышла книга Евгения Кривочуприна «Надсянская Русь. Вырванные страницы». Работа над ней шла примерно два с половиной года. Книга проиллюстрирована фотографиями, сделанными автором, посетившим описанные в ней места, и фотокопиями редких книг, обнаруженных в архивах.

* * *

Над хлипкой колыскою —
тёмные зори.
«Прочь, прочь подите,
уроки-призоры!
Чиста, яко млеко,
младенца душа,
Убойтесь же свяченого ножа!»
А тени водили
танцы под стрихой,
в оконце открытое
кликали лихо,
ерошился,
глядя на их хоровод,
чёрный (но с белыми лапами) кот.
Что чуял он,
старый лукавый гуляка,
в завертях гиблого полумрака?

Когда, под полуночи жаркой одежей
Смежились сонные
мамины вежды?
Той ночью, что днесь
уже так далека,
Чья к детскому лбу
прикасалась рука?
Года — но, надломленная, не срослась,
спорынь* — и ни мёд, и ни ласки не в сласть.
В домашней тиши
и в далёком пути
Не спит мерзкий червь,
хладный житель груди.
Под сердцем,
разбухший за множество лет,
Сосёт изуроченного**
Кровь и свет.

* Спорынь — счастье, удача, везение.

** Изурочить — сглазить, «испортить»,
наложить проклятие.

Юлия КУЛИКОВА

Харьков

ИЗ ЦИКЛА «Г. В.»

1

Половину меня ты носишь с собой в кармане,
Словно можно свернуть меня
(мятый листок бумаги).
Шутят Боги, наверно, любовь просыпая манной.
Я меняю свой облик: не клоун теперь, а — трагик.

Открестилась совсем. Горожу огород. И стены
возвожу из бесчувственных серых камней
дорожных.
Я как будто с рожденья была неприметней тени,
В этом, верно, причина, что путь мой
тернист и сложен.

Письма, взгляды, слова, поцелуи, мысли —
Всё в тугой и запутанный узел я затянула.
И, пожалуй, доем старый суп, даже если кислый,
И отправлюсь на поиски.
В этот раз — Вельзевула.

2

Иду за тобой по пятам — слепая —
Истину высмотреть не боясь,
Как будто с сердечным раненьем Кая
Герда вовек не теряла связь.

Тёплые губы щеки коснутся —
Утро заходит сквозь окно.
Вяжет носочки в углу Конфуций.
Ты же — гадаешь: «Оно? Не оно?»

Есть чай, сигарета. Балкон простужен —
Ночь остудила его собой.
Верю — не верю, но чую — нужен
Мне этот дикий негласный бой.

3

— Ты вся горишь! — шептал мне
столбик ртутный.

А я горела. Только не сгорала.
Лишь плавилась, как воск, ежеминутно
И сбрасывала с тела покрывало.

— Ты вся горишь! — и лоб мой исцелован,
И щёки покрасневшие — тоже.
Молчал. Смотрел. Не говорил ни слова,
Ведь слово жар мой потушить не может.

— Ты вся сгоришь!
— А ты меня потушишь!
— Дыханье... пульс...
— Частят?.. Потрогай груди.
А лучше — на руках баюкай душу,
Ведь путь к душе моей и сер, и труден.

— Она горит!.. Да!.. Скорую!.. Быстрее!..
— Побудь со мной. Останься. Успокойся.
Представь, что в сердце — Купидона стрелы...
Ты... обещал, что заплетёшь мне косы!..

4

Дна не видать у твоей печали.
А у моей — не хватает крыш(к)и.
— Утром соседи опять кричали...
— Утром — ты спишь и соседей слышишь?

— Я и тебя — среди ночи — слышу...
Кстати, мне кажется, одеяло
Из-за моей не прибитой крыши
Нагло под стеночку уползало.

Тут ведь какая мораль таится!
Холодно если — к теплу поближе:
Греются, тесно прижавшись, птицы...

Перья — твои на подушке вижу?

5

Звучание мыслей последних — грубо:
Меняю знак равенства на троеточие.
Если вложить нелюбовье в губы,
То поцелуй превратится в прочерк.

В скольких стихах окуная ночи
В бархат и темь, под вуалью пряча...
Если на сердце рубцом — прочерк,
Больше не будет ночей горячих.

Даже дожди целовать устанут
И без того холодные губы.
Если заменишь губы — устами,
Звучание мыслей оставив грубым,

И нелюбовь — на обед и ужин,
А уравнивать не найдётся равных,
Пояс-петлю затяни потуже! —
«Между двух рек лучше выбрести вплавью»*.

** Строка из стихотворения А. В. Костинского
«I9-A6». — Примечание автора.*

* * *

Не нужны ни музыка, ни песни. —
Так болит, майн гот, что тишина
На мгновенье стала интересной —
Звоном мир наполнила сполна.

А вот там, под левым ухом, даже
Холодильник старенький урчит...
Кажется, тонометр мне скажет,
Что звенят не в доме, не ключи,

Что в затылок не вбивают гвозди,
Что виски мне не пробьют насквозь,
Что отвлечься нужно мне на поздний,
Но пока существенный вопрос...

Что всего лишь верхнее 130;
90, стало быть, внизу.
— Здравствуй, гипертензия, сестрица!
Хочешь вниз на лифте отвезу?

ОТ МУЖСКОГО ЛИЦА

1

По дороге ухабистой чёрной
Отпускаю коня в галоп.
Мышцы напряжены под попоной —
Ото всех оторвался, холоп.

Не заря над хмельной головою,
А стервятники тучи рвут.
Боже, я ведь бегу за тобою!
Подыщи мне достойный приют.

Пыль в глаза летит, пот стекает.
Путь неведом и не знаком.
То ли я — тот убийца Каин,
То ли — конь под немым седоком.

Я хриплю, на бегу измерив
Землю в рытвинах от копыт.
Ведь давно уподобился зверю —
Зверь тот, загнанный, полем бежит.

Удила надорвали губы,
Но грехи — тяжелей седока.
Был когда-то я наглый и грубый —
Бог вздохнул: «Что возмёшь с дурака?».

Вот теперь мне и поле — постелью,
И берёзы, встречая, стоят.
Боже мой, подскажи мне, успею ль
Жизнь пустить кинолентою вспять?

2

Прохладный, проснувшийся ночью ветер
Дыханием тронет струну...
В объятия ветра уйду на рассвете,
Тебя оставляя одну.

Изогнутой кистью щеку подпирая,
Ты будешь так сладко спать!..
И совестно вырвать из сонного рая,
Чтоб просто поцеловать.

Родное лицо... Уходящие годы
Морщинок набросили сеть...
Усни, дорогая! Уйдя в непогоду,
К шести бы вернуться успеть...

Проснёшься, заварить любимый зелёный
В фарфоровой чашке чай.
Оставшись в плену твоих феромонов,
Буду опять скучать.

Раз кто-то, наверное, умный очень,
Будни придумал для нас,
Тебе напишу знакомым почерком
Несколько нежных фраз.

Филипп ЛЕБЕДЕВ*Харьков — Ялта*

* * *

Сияние утра из ниоткуда вырастает
и поглощает всё вокруг.
Златоглавое гало обжигает зимним теплом.
В галоп пустился взгляд...
С берега смотрю на синюю пучину штиля
и вижу её иначе...
Бетонный атолл окольцевал
ракушечную лагуну.
Торопливый тропический бриз
бороздит побережье.
Рай предстал утренней сияющей
явью. Вьющиеся стаи птиц
окрыляют воздух.
Можно жить, крича наотмашь: ура! Ль?
Как журавль белокрылый парить
меж землёй и раем?
Иль одиноко окованным корнем
древесным в пространстве подземных
небес?
Слыша лишь цокот цикад...?
Сей ноэзис поэзий моих безголосых
...будет ли найден?

* * *

Ты — ожила, воспетая в рифмах Готье
Блестящая гамма из гемм.
Ты — жила в этом мире доселе,
Но застыла в чувствах моих.

Вы — поменялись местами,
Но не стали хуже
Ваши переливающиеся цвета.

Живая камешка и окаменелая камелия —
Две идиллии этого мира.

* * *

С косою осанкой, коленями пола касаясь,
Взываю: «Осанна!»
Сквозь пути okazji, оазис нашёл я в молитве.
Чрез рокот тернистых тирад, вопрошая,
Требую шанса.
В былинной палитре сомнений пылится
Желанье спастись.
Решётчатый образ тщеты отрешённой
Жизни своей наполнить апломбом
Стремлюсь...
Стремена заострив, с трепетом жду
Исхода из мира.
За мир!!!
Аминь.

* * *

Завари мне чай... Из маковых лепестков.
Снотворный чай.
Завари мне чай — придай бодрости во сне.
Нечаянной бодрости.

Этот чай — беспечный и опасный
В одночасье.
Он перенесёт меня в просторы радости
И печали.

Чай! Заставь блуждать меня в метаморфозах
Сновидений,
Плача и крича.
Унеси меня в пустоты небывалого счастья.

С ним я буду вагабундом собственных будней —
Бурлящих событий.
Я стану скитаться по скальным вершинам
И пернатым прериям.

Планета явится мне отчасти сферой
Иль кубом?
Покуда чай поставит меня пред причалом
Отчаяний Агасфера,

Я хочу утонуть в чашке чая,
Красно-красного чая.

* * *

На куски разрывается время,
А вместе с ним — материя. Рвётся, трещит.
Неботрясенье грохочет над всем живым.
Овраги, рвы на небе... Абсолют!
Помоги им, помоги людям.
Потуши гремящую круйт-камеру мироздания.
Но нет, увы!
Маятник отбивает последний бой.
Маяк посылает им последние проблески света...
И всё!
Гроза — гром — гроб.
Они похоронены в небесном кратере.

Последней умерла надежда...
и несколько нот Мендельсона.

* * *

Зачем ты сковала себя
В клеммы иллюзорного счастья?
Приклеила к клетки, заклеимила?
Это не ты...

В тебе веял дух свободы,
Ты могла бы летать, расправив крылья,
Словно кондор, парящий в дымке
Клубящихся облаков.

Но нет. Из тебя испарился дух ветра.
Лишь шелест замшелых клише
Еле слышен
И звон секунд, кои не властны над ними.

Ты поразила меня... И обрекла
На поражение.
И лоском скомканных осколков
Засверкали мои сокровенные мысли
О тебе...

Кинжалом жалости ужален
Я...
И теперь... Мы не те, кем должны быть
Друг для друга... Противоречие...
Великий казус разных нас.

Полигамия чувств — «я».
Полигамная ты — «ты».

Варя ПЕРЦЕВА

Одесса

КАЙ

Ну куда ты бежишь, Кай?
Там, на улице, ночь и снег.
Будь со мной.
Я за пазухой спрятала май —
рядом время замедлит бег.

Останься, глупый мальчишка!
За окном ходит мёртвая дева —
она бьёт зеркала на льдышки
и метит в сердца, королева.

Нежная? Кай, я её убила.
Нет, крови нет... ясно вижу —
только лёд, снег и немного ила.
Слуги ей раны лижут.

Кай, я её ненавижу...

Откуда во мне столько злости?!
Ведь были розы — мы их растили.
Алый и белый, как кровь и кости.
За что и кому мы мстили?

Кай, очнись же, спаси меня!
С тех пор я боюсь уснуть.
Не молчи! Можешь бить меня,
обвинять...
Снится мёртвая её грудь...

Любимый мой, снежный Кай!
Думала — не успела; думала — зимовать.
Ведь не нужен мне призрачный рай.
Ждать... Давно научилась ждать...
Я когда-то писала мелом.
Кай, я разлюбила белый!
Теперь только выть
устала... заводная игрушка...
low batt — батарейка села...

Милый, остановись...
Эти паззлы мне рвут кожу.
Мы существуем, держись —
вместе мы всё сможем.

Кай, ты спишь? Кругом снег и ночь.
Сердце моё у доктора на столе.
Ты больше со мной, чем с ней.
Но взгляд твой уносится прочь.
Я подожду хоть сто лет —
ты главное потерпи.
Поцелуи мои сбитые, как прицелы —
словно снег, покрывают грудь.
Сердце забьётся в пути.
Главное — начать путь.

А пока пей кровь из рваных моих ран.
Хэппи-энд для нас скуден и мал.
Комкай страсти, кричи в плёнки мембран.
В нашей сказке — богаче финал.

Кай, очнись! Это дурной сон.
Ты дома, гони эту муть.
Я люблю тебя! Всё забудь!
Колыбельная — дили-дон...

По правде, сказка врал.
Герду сломала зима.
Герда в снегу умерла.

ТАХИКАНДРИЯ

Ветер касается моих уст.
Протискивается в рукава
шарф — звучит, как протест.
Я на подмостках зимы.
Софиты, звук, руки — куда девать?
Он принимает, какая есть —
картой в рваной рубашке наверх.

Может быть, это — ледовая месть
 раздирает лёгкие в смех.
 Я её растоплю, хочешь?
 И время замедлит бег.
 Может, нас пощадишь, Отче?
 Простишь беспокойный грех?
 А если нет,— я отправлюсь в ад.
 Готова всегда в бой!
 Может, вместе? Господь будет рад.
 Не просто он там сидит,
 сотрясая седой бородой.
 В руках его — толстый блокнот,
 и если он будет сердит —
 скривится его рот,
 и укажет его перст
 далеко, где умер давно свет —
 за множество огненных верст...
 Может быть, всё-таки вместе?
 Там жарко, горят костры,
 людей ведут за руки дьяволята...
 А хочешь — будет и снег,
 душу лишь подари, дай клятву.
 Что это я? Глупости говорю...
 Может, сыграем в индейцев?
 Да, в индейское лето,
 где солнце и много специй,
 и я наконец догорю —
 согреюсь хотя бы.
 Ветер как ёж игольчат.
 Снег укрывает седым.
 Ещё немного — прикончит
 лапами — мягким и ледяным
 закроет глаза заботливый санитар,
 проверит на зеркальце пар.
 Ты помнишь, как пили винишко?
 Я надела чужое пальто.
 А как подарил мне книжку?
 Мы не ходили в ЖеТо.
 Ты рассказывал мне небылицы
 о близких и дальних,
 о холоде в нашей столице,
 о мраке и вере в свет.
 Я знаю,— съезжаю всё больше в бред.
 Но известна тебе причина.
 Взгляды мозолят спину.
 Господи, дай мне силу!
 Отражаемся мы в витринах.
 Тепло,— не так, как на том балконе.
 Сигарету — одну за другой:
 в глаза вросшую паутину,
 с дымом ушёл покой.
 Сейчас ты совсем иной,
 нет двусмысленностей,
 нет обид.
 Ты сейчас далеко, но со мной.
 Ты живой! Слышишь? Живой...
 Я — не Нэнси, и ты — не Сид.
 Все негативы — в фотопечать.
 Я просто привыкла молчать.

НЕ УСНУТЬ

Ты меня узнавал по капле,
 будто читал легенду.
 Трогал, брал на язык
 и на абордаж.
 Хрустела в руках твоих,
 словно вафля,
 а ты просто клал меня в саквояж.

«На удачу» — цедил сквозь зубы.
 Я с разлёту влетала в карман.
 Кому-то вдали пели медные трубы.
 Ты — шёл навстречно мёрзлым ветрам.

Разжигал меня, будто спичку,
 подносил к близоруким глазам.
 Ты словами меня пичкал,
 понемногу вливал, как бальзам.

Ведь знаешь, давно уже охмелела.
 Всё кривее и гаже почерк.
 Мой доктор, я заболела?
 Ты выбрал меня среди прочих
 и крепким теперь лечишь,
 не опасаясь побочных
 мыслей моих междустрочных;
 радуешься, когда легче.

Каждый свою застилает кровать,
 ложится с кем-то, но всё же один.
 Нам вместе бы зимовать,
 но каждый сам себе господин.

Чем больше желание выйти из клетки,
 тем тяжелее открыть замок.
 Между нами — дома, деревья и ветки,
 и то, что мне не озвучить — комок
 забивает горло, спускаясь в грудь...
 И мне не уснуть... мне опять не уснуть!
 Но мы верим и радуемся мелочам...
 Просто с ними легче молчать.

НОЧЬ В КУЛАКАХ

Мы соревнуемся в скорости сердцебиений
 за дурь в словах, за ртуть прикосновений.
 Наперелётки строчки слизываем с книг,
 чтоб обвенчаться ими в поцелуе.
 Я аккуратно пальцами рисую
 эскизы жизни, заключенной в миг.

В себе день-ночь в един объединяю.
 я ожиданьем встречи кожу накаляю,
 чтобы сразиться в тяжести ожогов.
 — Что говоришь? Печёт?

Ну, милый, потерпи — все клятвы — на крови.
Поймёшь тогда лишь, сам потрогав.
А после — ложку страсти на стакан любви
найдёшь лишь за моим порогом.

Боги, видимо, или кто там выше,
меня проиграли — я так решила.
За столом одним — Будда и Шива;
в жизни этой свели с тобой
два звена, что сцепились оковами, —
два цветка, что сплелись бережно.
Ты прости, что я — бестолковая.
Ты забудь о вопросах денежных,
застынь взглядом на мне не мигая,
прошепчи: «Я с тобой, дорогая...»

Останься! Развей копоть времени,
разгони тучи поганые,
заштопай все раны рваные.
Я порой говорю глупости,
но смертельно боюсь темени
в червивом ночном саване
Где ты? Мне горло пылью засыпали
угольной и космической,
не могу даже позвать.
Только чайник кипит электрический,
намекая щелчком: «Не спать!»
Я тебя догнала бы,
только ноги коротковаты
Во рту после кофе горько,
в груди — подожгли вату.
Я согласна с тобой без антрактов,
я с тобой — в тебе — с головой.
Волчий вой с Королевского тракта.
Мне руки связал конвой:
все считают, что мы предатели.
на плечи (больно!) клеймо-печать...
Кричать! Кричать!..

Господи... это сон.
На столе сутулится лампа,
по TV певец насилует микрофон,
на стенке паук,
звезда восьминогого крампа
вышла в прихожую. Хохочу
оттого, что в жар бросило, и от злобы.
на крышу сейчас вот бы...
Звёзды сдирать и комкать,
чтоб не спятить, я крикну громко
в мёд густой тишины
и, сжимая в руках ночь,
усну под опекой луны.

И В ПРОШЛОЙ ЖИЗНИ

Знаешь,
и в прошлой жизни мне дорог был только ты —
в биплане, косухе, на шее змейёй шарф.
В лесах больным цвели в октябре листья.
В. П. творил для меня снотворнейший S.N.U.F.F.,
а я в мужчинах искала твои черты,
шептала на уши фразочки скороговоркой;
от горя скрывали чужие зонты,
а я в ролях увлекалась Гарсиа Лоркой.
Наверное, нужно было понять.
Видимо, стоило лишь догадаться,
чтоб после никто уж не смог отнять,
чтоб шанса ты не давал отоспаться.
И крылья тогда отросли бы вновь
на месте хищных твоих поцелуев.
Что странного? Может, я та Ассоль
и Господа имя мы произносим всеу.
Слышишь, звуки стали касаются кожи?
Это лязгают челюсти расставанья.
Это, кажется, нам... Слышишь! Может?
Возрожденья в рассвете, в полуночи умирания.
Ах! Как же сейчас мы схожи
заодно в вере своей в силу стен.
Ты немножко нездешний, я — тоже.
Это войнушки-игра, взяли друг друга в плен.
Ликую, ищу в себе детские оправдания,
бессовестно лгу, одичало и основательно.
Скучаю, жду, жизнь отдаю за право касания.
Ревную. Видимо, безосновательно,
остро чувствуя терпкую горечь бесправия.
Вдыхаю осень, стараюсь идти с тобой в шаг,
и слова, как в ступни уколы молчащего гравия,
напоминают на раз ниже ранг...
Только бы рядом идти,
скользя невесомой тенью.
Вовремя выкрикнуть: «Не грусти!»
Где тебе за меня боязно? Где гуляет Осенний?
На душе вопросно и каверзно.
Как ты там, мой любимый пленник?

Подождём ещё день, — может,
тогда протрезвеем оба.
Мне с тобой хохочется так легко.
Без тебя — на губах злые слова-скобы.

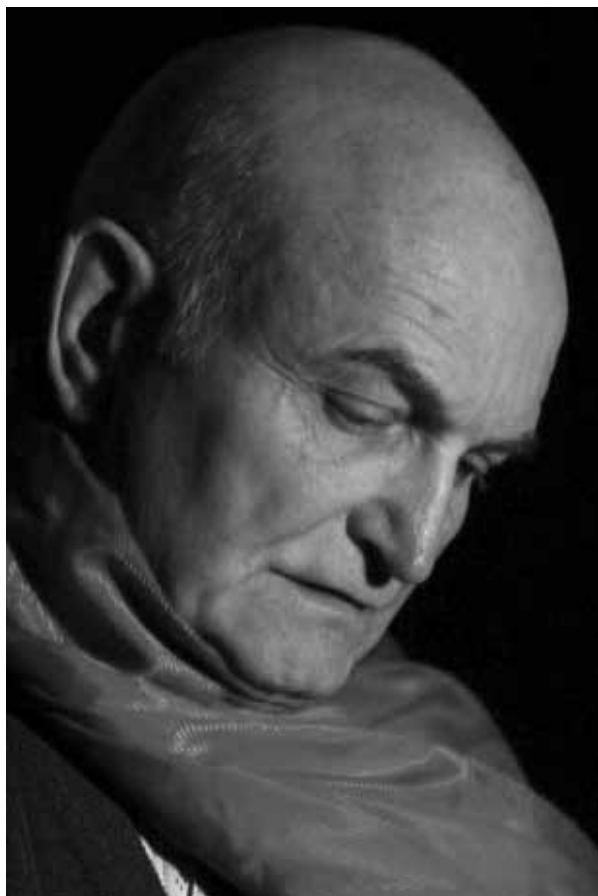
Я, манерничая, буду играть рукой,
кусая лисой за кончики пальцев.
Не убегай, милый, постой!
Не прогоняй. Дай отыгаться
в игре честной и изнуряющей.
Ты — вор, я — почти тигрица.
Ночь — помощник немой, но знающий.
Мы близки... имбирь и корица.
Мы — движения в танце.

Не спеши, всё успеешь!
Нам на одной станции...

Александр ПРИЙМАК

Харьков

Участник Межрегионального Союза писателей и Конгресса писателей Украины. Входит в художественный Совет Харьковского отделения МСПУ и КЛУ. Публиковался в СМИ Харькова, Луганска, Ялты; в литературных сборниках, Интернет-изданиях, в альманахах и журналах «ЛАВА», «Серебряный город», «Свой вариант», «Склянка часу», «Московские новости», «Неделя», «Литературная учёба», «Смена», «Журнале Поэтов».

В 2008 году издал и проиллюстрировал сборник стихов «Эхо белого танго» (2009. — переизд., доп.). Руководил Харьковским отделением МСПУ, входил в группу неофутуристов; играл в негосударственных театрах, кино.

Лауреат поэтического фестиваля «Пристань менестрелей» (Балаклава, 2009, 2012); лауреат конкурса им. А. Масельского на лучшее литературное произведение (2008); дипломант и лауреат поэтических турниров «Ibykus» (Штутгарт, 2008, 2011) и Первого открытого международного «Всеукраинского фестиваля поэзии «ЛАВ-iN-fest» (2011) и Второго всеукраинского открытого фестиваля авангарда «АВАЛ-гарт» (2012); победитель первого чемпионата «Тяжёлой поэтики» (магазин «Є», Харьков, 2010) и СЛЭМа на Первом фестивале «Йогансен-фест» (Харьков, 2011).

Член жюри конкурса малой прозы «О любви» Международного конкурса «Белая скрижаль» (2010).

На стихи А. И. Приймака написаны песни композиторами Харькова, Луганска и Севастополя.

ПОПЫТКА СОНЕТА

Как лист увядший падает на душу,
И падает на нас ночная мгла,
И плод лукавый падает надкушен,—
Так падают, порой, молвы слова,

И нет им дела до того, что было,
И нет нам дела до того, что врут,
Змеюка-зависть мало поредела,
И часто прянику предпочитают кнут!

Ах, как же род людской несовершенен,
Как пьеса жизни всё-таки манит,
Сменяют роли и стрелок с мишенью:
Отказ любимой ранит, но... манит!

По сути — только хохмы — ваши догмы,—
Богopodobность — вот единый долг мой!

СОНЕТ НОМЕР 2

Как лист увядший падает на душу,
Так падают известия порой,
Их вовсе не с руки порою слушать:
Медузой огненной горгонят за спиной!..

А мы — идём, ласкает ветер лица,
Горят горгоны, падая нам вслед,
Нет ни желания, ни сил — остановиться,
И — даже лишний написать сонет...

Фатой спадает за спиною паутина,
Но паучок поймёт нас и простит,—
Летящих душ привычная путина!

Таков закон: менять его накладно,
«Свет ловит нас», — поймав, не пощадит,
И «кто кого» — неясно!.. — Да и ладно!

* * *

*Плены-ленны заметили
к нам на зиму залетели...*

Хан-Зима роскошным пледом полонил седую
Землю,
Белоснежные улусы подступали под порог,
Распускала косы выюга, бубну лунному чуть
внемля,
Разбавляя звёздным пуншем бархатистый
неба грог...

Полоумевшие волки на Луну полночно были,
В берендеевы берлоги домовые улеглись,
И глазастые внучата, голенастые девчата
возле деда-Сказки вились,
Приближая жуть восторгом — полыньи полымя
близь!

А пушистый полк красавиц к топору
падёт покорно,—
Свяжут грубою верёвкой и забросят в грузовик,
Чтобы не было вопросов, пни-сапожки
выжгут с корнем,
Приукрасив ровно на ночь так привыкший к лесу
лик...

И никто и не заметит смоль слезы на крестовине;
Будет за год отсыпаться рассоловленный народ,—
Взбив коктейли дня и ночи
на распушенной перине,—
Кто пленивший, кто там пленный,— может,
и не разберёт...

МЕТЕЛЬ, МЕЛАНЖ... (из цикла «Горлица»)

Как удалось тебе — омыться
Пьянящей юности духами?
В меланжа кофте возродиться
Из пряжи, выюженной стихами?..

Рассеян свет зелёной лампы,
Струилась музыка чуть-чуть,
С её закрыл срывался ладан...—
Метель.
Меланж.
Мирро.
Прелюд...

Макс САМОКИШ

Харьков

ЕС

Смотри, там вверх О-три — слой озона.
В этой небесной зоне сидит бог в законе
и все мы под ним ходим
с разными сроками, козыряя пороками,
грезим о какой-то свободе,
ничего не зная о ней.

В некоем селе Константиново,
в избе, где иконово и паутиново,
жил мальчик Сергей.
Он вырастет пьяницей и скандалистом.

Каждый рождается светлым и чистым,
но пути исповедимо-тернисты,
кто-то становится мертвым,
кто-то становится злей.

А у него душа золотая
в черных пятнах печали,
она заплутала в берёзовых даях
и в прокуренных кабаках.

На черта по питейным шляться?
Да как тут не пить?!
когда в облаках
начертали влюбляться,
но не дали проклятья любить!

Зато он умеет строки лелеять,
он будет кричать стихи, а не блять.

Но сроки, выходят ведь сроки...

В свои двадцать девять
он изрядно потрёпан,
его жизнь как роман —
он опять в переплёте,
и с похмелья болит голова.

А ведь каждая глава
могла оборваться на взлёте,
закончиться жирной точкой,
красной точкой в груди от заточки.
Но главное, что душа золотая,
остальное врачи залатают,
если сам не услышит чётко,
как внутри что-то щёлкнет
и занозой кольнет у виска,
что смерть неизбежно близка.

Сколько верёвочке виться,
когда стукнуло тридцать?
И как ремню опоясать,
что невозможно описать?

Кровью писанные стихи смяты.
В этой стране дятлов —
только долбят и стучат.

Но на небесной зоне —
лишь бог в законе, там будут любовью его
привечать.

КАИН

1

Здесь всё затопит и
никто на моем надгробии
не черкнёт, что создан я
по образу Его и подобию.

— Ной, ты меня не узнал, Каина?
От того Каина осталась окалина
в пламени вечного одиночества,
так что потопа и мне хочется.
Я пришел к твоему причалу
не проситься на место шакала
или на место козла.
Мне не сыщется пары.
Я просто хочу, чтоб ты знал:
если я олицетворение зла,
то всё, что здесь есть — от меня.
И это нельзя отменять.
Это наша природа,

а природа не спит.
Зло уже на ковчеге —
для него это место ночлега.
И когда ветер изорвет парусину,
твой сын, Ной,
станет мной,
и тебя оскопит.
Чтобы потом
был Содом,
был крест и осина,
и дивный рассвет над Хиросимой.
Сам ищи в чем здесь подвох.

2

Я сказал — небеса, подождите.
Небеса подождили —
затопили всё вокруг, затопили,
и земля поплыла из-под ног.
Час назад под ногами горела земля,
тысячу лет горела земля,
и дорога-змея
вела меня в разные страны.
Я скитался с тех пор, как распалась семья,
когда брат мой умер от раны,
и меня здесь... оставили.

Всё лучшее Авелю —
это было, как правило.
И, наверное, правильно,
что убитым положено в рай,
а убийцам — бродить среди могил,
но я ему твердил:
«не пастырь я тебе, не пастырь,
наклей же пластырь
на рассеченный лоб
... и, пожалуйста, не умирай.»

Все, что я сделал, смочет потоп.

Пусть потом переврут священники,
но я видел, как он лежал на жертвеннике,
а значит, стал жертвой Ему —
тому, кто не признает вину,
поскольку неисповедим и безгрешен.
В этой догме зияют такие бреши,
молчать куда уж легче,
чем сказать:
«Меня никто не учил ненавидеть,
меня никто не учил убивать.
Зло с рождения было в ковчеге,
для него это место ночлега».

Здесь всё затопит и
никто на моем надгробии
не черкнёт, что создан я
по образу Его и подобию.

Леонид ШЕПТОВИЦКИЙ

Харьков

ЗИМЫ УГРОЗЫ

А зима опять мне душу
Кипятком январской стужи
Обдала:
«Загулял ты что-то, друже.
Я — пришла.

Ишь, пристроился, гуляка,
Жить себе вдвоём с собакой,
Поживать.
С ней гулять. Да пить чаёчек.
Подремать, глядишь, часочек.
Благодать.

Пописать стишки немножко,
Темы находя в окошке,
В небеси
Ты зациклился маленько.
Ну-ка, ну-ка — на коленки,
Блудный сын.

Не видать тебе покоя.
Задавлю тебя тоскою,
Если вдруг
Вновь укроешься от мира

И в убежище квартиры
Будешь, друг,

Шлёпать параллельно с веком
И общаться только с эхом.
Ну к чему? —
Без друзей и взглядов детских,
Без коленок милых женских —
Одному».

...Так зима меня стращала.
Для какого ж совращала
Бытия?
Мол, «крутись. Не то, как прежде
Самой преданной из женщин
Буду — я».

ЗИМА НА ПАВЛОВКЕ

Вот опять зима настала.
Холод, снег — веселья мало.
Мы ж, собачка с человечком,
Утречком идём вдоль речки.
С нею мы гулять охочи.
А она глядит мне в очи:
«Ну бросай же в речку палку!».
«Нет, собачка, мне не жалко.
Но река ведь в лёд одета.
Лучше всё ж забаву эту
Ты до лета отложи:
Мы ж собачки. Не моржи».

УКРАИНСКАЯ ЗИМА

Мода зимняя проста —
Скучная обнова.
Возвращаются цвета
В белую основу.

Белый дом и белый дым,
Белые аллеи.
Лишь на веточках калин
Капельки алеют.

ПРЕДЗИМОВЬЕ

Оттепель. Птички рады.
Будто весна пришла.
Сколько для счастья надо? —
Чутьочка лишь тепла.

Юрий ШКУРКО

Харьков

* * *

приручил лимон
к формам твоей груди
чтобы созрели
плывут они облака
я несчастлив а ты
счастлива как эти
незабудки и бузина
какие могут быть цели нафиг
вползание в стиль
всё дышит
недостигаемостью поверхности

* * *

страшный белый лист
порезы острыми краями
укрываться закидываться подушкой
от белого света
это не моя жена её уже замели
мерцающие люди-мертвецы
тянется эта грёза этот червяк в грязи
танцы вглубь и на поверхность
Орфей-февраль-враль
повести безвременных лет
путаться в одеялах
в лоскутных ласках
звёздочки проступают на небе труп
они хотят вещей
новое радио-вещание
волны зовут на волю
этот цветок на ветке рядом
но лучше сон лучше запах сквозь сон
вита я тебя понимаю
у тебя в голове
сахарная вата

* * *

она говорит
с тобой жить тяжело
с тобой хорошо умирать
что ж говорю
давай сделаем
хоть что-нибудь хорошее

ПОЭЗИЯ: вмещающая друг друга

ПОЭЗИЯ: вмещающая друг друга

Мила МАШИНОВА

Харьков

* * *

Надеюсь, ты тепло одет
И ненавистная мне стужа
Не принесёт неожиданных бед,
Ты будешь цел и непростужен.

Будь аккуратен за рулём,
А то снега сейчас лихие,
Мы никогда не разберём
Письмен загадочной стихии.

Пусть гражданская жена
Тебя целует жарко, в губы.
Надеюсь, что она нежна,
Как я, и слов не знает грубых.

Надеюсь, что мои мольбы
Доходят всё-таки до Бога...
У нас с тобою две судьбы,
Но на двоих — одна дорога.

Жанр взаимных стихотворных ответов не нов, но именно в наше время он обретает не просто популярность, а эпохальную знаковую. Поэтому мы открываем новую рубрику — «Вмещающая друг друга», в которой будем публиковать ваши стихотворения-ответы, подборки-ответы, а возможно и поэтические дуэли, ведь наверняка знакомство и общение с авторами вызывают отклик в ваших сердцах. А разве может быть что-то ценнее взаимных искренних чувств и эмоций?..

* * *

Вырви из сердца взгляд,
Пусть зарастёт травой
Памяти горький яд,
Веры слепой конвой.

Вычеркни сказку-быль
Твёрдой своей рукой
И ожиданий пыль
Вытри. И дверь закрой.

Перелистни страницу
Жизни былой своей,
И отпусти, как птицу,
Жалость ушедших дней.

Нить оборви надежды,
Ибо сгоришь дотла,
Как обгорала прежде,
Жадно желая тепла.

ЖЕНЩИНА БОГОВ

В ребро ему ударил бес!
Во мне сошедшую с небес
Он видит Женщину Богов,
Ему ж дана я... для стихов?

Античный профиль, седина...
Как от вина, я им пьяна.
Он рвёт на части жизнь мою:
Устав, уклад, любовь, семью...

Зачем заставил выбирать,
Кто я: возлюбленная? мать?
В его любовь облачена,
Я слышу: «Ты — моя жена!»

„вон эн ватэвто хінрəвтохнтə хінмнəвə рнəж
отсəрп эн тəтəрдо нə рмəрə эшəн я оннəмн он
„тсəвəжнə оінпəхəпə в „тсəнрəпұп
— ұнрəдұр оінвон мəвəнрəжтə ім ұмəтəоП
мəдұд нəрəтəх в „кəтұрəд тұрəд рəшəмВ»
„тəтəвто-рннəрəвтохнтə ншəв „тəвəжнпұд
əнхəэрнтəоП н онжəмəо в „тəтəвто-нхрəддоп
əннəшдо н əвтəмəжнə вжнрəвəн „дəв „нпəд
„хəрəрəс хншəв я хпктə тəнвəнрəсəв нмəрəтəв с
хінмнəвə əəннəд от-от „тəд тəжəм əвəрə А
„ҫнпəмə н втəвұр хнннəрəжəн

Богдан АНТ

Харьков

МУЗА ВЕРНОСТИ (в соавторстве с Богданом Антом)

Не ревнуй меня к поэтам —
Ты и сам их кровный друг.
Им, поэтам, — по сонету!
Лишь тебе — вся пылкость рук...

Не лови меня в объятья
У богемы на виду —
Обними меня без платья,
Я сама к тебе приду.

Не клейми меня изменой —
Постоянна, как прибор,
Я была морскою пеной,
Ты — мой берег, я — с тобой.

Не клянись, что мой навечно,
В клятвах кроется подвох:
Море жизни быстротечно.
В этой жизни ты — мой Бог.

МИЛОЙ

Миле Машиной

1

Ты обещал прийти
в самый кромешный час —
слов неписанных стих,
чувств не чаянных глас.

Можно ль в грохоте дня
поступить Твою узнать?
Тишью ль небес звеня,
света ль колебля гладь,

шёл, чтоб меня обнять,
нежностью глаз покрыть...
Жизнь от Тебя приняв,
вновь ощущаю нить —

связь меж мной и Тобой.
Вот как выглядит Спас:
этот огонь — живой!
Милых зелёных глаз.

2

Чудо твоей красоты
Не охватить умом.
Пусть этот мир — на слом,
Пусть алтари пусты —

Ты есть живой алтарь
Веры в вечный рассвет,
В цель огнепёрых комет,
В вещи Слова уста.

Каждою тайны чертой
Подобье и образ Творца,
Ты не сходишь с лица
Жизни, звенящей листвою,

Юности, торящей путь
К мудрости, вышедшей в свет.
Это ли не ответ
За всех, кто ума не имут,

Ибо прозрели всеьма,
Мгновение остановив,
Как от земной любви
Воистину сходят с ума.

ПРОЩЕНИЕ

Не хочу соблюдать никакие обеты.
Так упала звезда — ты моя и точка!
Посмотри на весну — и увидишь лето,
Это ради него взрываются почки.

Разбивается сердце, капли вторя, —
Не её ли, весенней, мы живы властью?
Я влюбился в тебя себе на горе,
Но впервые, похоже, настолько счастлив.

А синицы лучи заплетают в гнёзда —
Может, это намеки, нам с тобою данный?
Я бы весь этот мир бомжам бы роздал,
Если б ты не была его вечной тайной.

Если б словом «прощай» попросить прощенья
Мы могли, чтоб отмыть от обиды души!
Я уже не словами — я птичьим пенем,
И листвою, и ветром к тебе: послушай!

Мне дышать без тебя абсолютно нечем,
Потому что незачем, понимаешь?
Мне теперь до доски вспоминать твои плечи,
Невозможно-волшебную обнимая...

Но свеча всё горит во мне, не сгорая, —
Та, что ты поставила между прочим.
Помнишь, милая, мы вышли из рая?
Я опять хочу туда. Очень!

* * *

Как жаль, что я не хиромант:
так нужен повод взять твою руку...
Конечно, можно просто взять и наплести с три
короба,
но всё-таки как хочется пройти твою судьбу по
линиям жизни и сердца!

ТАК СЛУЧИЛОСЬ

Так случилось, сантиметрах в 70 от плоской ещё
земли, которой не было края.

В те дни солнце никогда не заходило, будущего
ещё не было, время вообще никак не членилось,
ощущалась лишь длительность, которая и была
тобой.

Всё вокруг служило декорациями, и если бы
некоторые из них не пахли, о них тоже нечего
было бы сказать.

Однажды ты проснулся, потянулся и сел в кро-
вати. Затем сунул ноги в тапки и пошёл искать
родителей.

Справившись с порогом и выйдя во двор,
встретил такое же сонное утро, как ты сам, и за
компанию пошёл с ним под солнце сушиться
после дождя. Родителей найдём потом.

Но пройдя лишь шагов 12 и заглянув за угол, вы
поняли, что всё, пришли.

Судя по запаху, здесь только что разорвался
снаряд, начиненный сиренью, озоном, ландыша-
ми и виноградом, который, по идее, пахнуть ещё
не должен.

Это было против всех правил — декорации
ожили, а время остановилось совсем.

Ты нащупал в кармане шорт заводной ключ,
сжал его крепко в кулаке и улыбнулся: никто не
запустит время заново, пока ты не перепробуешь
по очереди все молекулы этой сочной жизни на
бескрайней Земле.

ПОЭЗИЯ:
ЗА границей

ПОЭЗИЯ: ЗА границей

Людмила КОЗЛОВА

Бийск, Алтайский край, Россия

Родилась в г. Никольское Вологодской области. Окончила Томский государственный университет и аспирантуру. Кандидат химических наук. Автор 20 книг поэзии и прозы, лауреат краевых литературных премий имени В. М. Шукшина (1991), Л. С. Мерзликина (2003), Славянского общества (2005), Н. М. Черкасова (2010) и Первого международного литературного конкурса имени С. В. Михалкова (2008), премии Алтайского края в области литературы (2010). Публикуется в краевой и центральной периодике. В 2010 году в № 28 журнала «Новый берег» (Дания) опубликована её повесть «В Бухенвальде».

Публикации последних лет: в международном журнале искусства и критики «Клаузура» (вып. 2, 2011), в журнале «Алтай» (2011), в журнале «Современная литература мира» (Нью-Йорк, 2012, № 55).

Руководитель и издатель книжной серии «Блиц» для молодых авторов (2002–2005), редактор и издатель журнала «Огни над Бией» (с 2004 года по настоящее время). Член Союза писателей России с 1994 г.

ПАМЯТИ СЫНА

Слова значат не то, что ты хочешь сказать,
Поверь мне — совсем не то.
Гляди в глаза, но никогда не смотри назад,
Даже если пройдёт сто
Нескончаемо долгих лет.
Нет правды в словах, мой Амивелех,
Нет её, мой Тутанхамон.
Слышишь, звенит вместо слов смех,
А может быть, колокольный звон.
Никогда не смотри назад, мой Амивелех,
Никогда, мой Тутанхамон.
Тысячи лет пройдут вместо ненужных слов
В шёлковой тишине.
Твой самоцвет, твой Дух — твой золотой улов —
Станет спасеньем мне.

* * *

Где правда, брат?
Она в далёком прошлом —
Ты помнишь бухты сказочных морей,
Ты — рулевой, похожий на Гавроша,
И капитан отважный — мастер Грэй.
Где правда, брат?
Была ли правда наша?
Полынный мир замкнулся в горький круг.
Весёлый, умный пёс дворовый Яша —
Волшебный наш,
смешной и верный друг —
Взошёл с тобой на палубу матросом,
Почуя дух далёкого пути,
Но он не знал,
что в мире всё непросто,
и кораблю до места не дойти.

О ДИВНЫЙ НОВЫЙ МИР

Сквозь музыку и пляски, и сексапильный смех
Проросший шепоток в мозги внедряет сказки.
И зреет, зреет счастье, пригодное для всех.

Придумали «Плутархи», лишённое прорех,
Сколоченное ратью железных иерархий,
Конвейерное счастье и шоколадный грех.

Земля у Края, братья, погибельно чиста!
О, дивный новый мир! Тесны твои объятия,
И пламенем Геенны горят твои уста.

* * *

Всё — по чину, заслужено, выдано точно:
Амуниция в пору и царствие Тьмы.
Этот мир разлагается быстро и сочно,
Протеиновой пульпой становимся мы.

Протеиновым фаршем ползём сквозь решёта,
и надгробием трона довольны вполне.
И встречает нас кто-то Потусторонний.
Ну, что ж — на войне, как на войне.

* * *

Если вы о Любви —
это посвист вчерашний,
Что такое Душа —
не припомнит никто.
Мир Земли будет мстить вам —
и долго, и страшно,
И особенно,
если поймёте — за что.

МЫ ЖИВЁМ В ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ МИРАХ

Лабиринты событий и сонмы племён
В параллельных мирах, пролетающих мимо...

Мы пройдем коридорами разных времён,
Чуть коснувшись друг друга незримо,
Узнавая рисунок любимых имён.

Тонкий отзвук какого-то странного эха
Полоснёт, словно скальпель, срывая слезу.
Это бесы играют снежинками смеха,
Это жизнь человечья висит навесу.

ДОМ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ ДЖЕК

Вот миллион — брошенные дети,
Знающие всё на этом свете:
Это — чашка,
это — ложка, это — кашка.
Это фраза любимая:
«Дай поесть!».

А это — взрослые,
забывшие слово «честь».

* * *

Зачем мне знать,
Что значит «аз»,
что значит «ять»!
Но знала даже до потопа —
Слепым удобнее молчать,
Немым цветов не различать,
Передвигаться автостопом,
Храня в секрете цель пути,
По складкам местности ползти,
Прикидываясь Пенелопой.

Тогда, конечно, будет шанс
Не впасть в свирепый декаданс.
Но, зная умные секреты
И каждый мерзкий поворот,
Жила всегда наоборот.
Я вредина — всё дело в этом.

ГДЕ ЭТО БЫЛО

И прошли миллионы непрошенных звёзд
Мимо нашей Земли, мимо горя и слёз.
Только где-то вдали, в невозвратной дали,
Исступлённо кричит паровоз.

Это крик, это в прошлое брошенный крик —
Тот чужой, этот свой, миллионы гвоздик —
Революции стон — как поток вековой.
И святой или грешный её Рулевой.

Ты стоишь, паровоз, на запасном пути,
В мире слёз, в море роз — позади ль, впереди?
Льют дожди, постепенно в снега преходя.
Много, много снегов. Много, много дождя.

РЕВОЛЮЦИЯ — 17

Здравствуй, огненный
вечер смирный.
Здравствуй, облако запредельное
Над всемирной душой заката.
Русь объята огнём гибели,
Верой в силу пролетариата.
Ядовитые да похмельные
Силы адские Душу выпили.
Русь объята огнём гибели
Над всемирным костром заката.
И рыдает слезами куцыми
Смерть — ребёночек революции.

БЕГУЩИЕ В БУДУЩЕЕ

Где мы были, и где же ныне —
Мы в пустыне позорной бродим,
Стали странными да иными,
Неживыми мы стали, вроде.

В той пустыне на небе мутном
Беспросветная стынь годами.
Мы, Бегущие в поле лютом,
Стали мёртвыми поездами.

ХРАМ

Золотые цветы на обоях, золотые листы.
Фонарями прострелена тьма за окном.
Мы чисты, словно голос гобоя, чисты,
Даже кровь обернулась Христовым вином.

Много, много вина — разлитое море вина.
Пьём — никак не напьемся — из чаши судеб.
Мало нас, да и родина наша — одна:
Это тело Христово — преломленный бурею хлеб.

Где же тот, кто так долго разглядывал тридцать
монет?

Он икону недавно в уста целовал,
А теперь — пустота, ни иконы, ни инока нет,
Только отблеск в бокале карминово-ал.

* * *

Назад несутся звёзды зимней ночи —
То пламень Тьмы, то орды городов.
Весь мир летит, не думая о прочем,
И к счастью, и к гибели готов.

В скелете тишины гуляет ветер,
И в сквозняке — холодный неуют.
Сегодня каждый, каждый на примете,
Но жизнь теперь — за деньги выдают.

УРАНОВОЕ ВРЕМЯ

Брату Николаю

Мой милый друг, мой славный брат любимый,
Вселенский шторм, вселенский вихрь гудит.
Урановое время мчится мимо,
Сдвигая толщи литосферных плит.

Все звёзды ниц упали до рассвета
В безумный сон, в безбрежный адский ноль.
И вместо четырёх симметрий света —
Ракетный ветер, скрежет вещей пуль.

Весь этот год — кровавый след в тумане
Среди цветов, плодящих злую мглу.
Неужто люди — инопланетяне,
А жизнь — прыжок в кипящую смолу?

ЖАННА

Когда опять расстрига-жизнь проймёт,
Музейный сумрак — холодный валидол:
Она тайком ласкает пулемёт —
Ей нравится его ребристый ствол.

Быть может, Жанна, может быть, Жеймо,
В тройном тысячелетии она
За амальгаму времени в трюмо
Уходит от пожизненного сна.

Пусть имя Жанна жжёт сердца людей,
А пулемёт горяч, но молчалив,
Трассирующий ветер-лицедей
Играет за окном ветвями ив.

Ты знаешь, ей фатально повезло,
Словами Жанны Время говорит,
Зовёт печаль воинственно и зло,
Как сотни предвоенных «Рио-Рит»*.

* «Рио-Рита» — танго танцевальных площадок
СССР в довоенное время.

* * *

Плохой батут, плохие акробаты,
Работа их по-школьному скучна.
Унылый клоун, сальные дебаты,
Униформисты — пьяные солдаты.
Дешёвый цирк — такие времена.

Дешёвый сказ о рыбаке и репке.
Но главный номер — вечен на земле,
И когти зверя выверено цепки.
Но всё ничто — стальные прутья крепки,
И тигр послушен в номере — алле!

На самом деле всё страшней и проще:
Свободы нет, в душе не видно зги —
Как только промахнётся дрессировщик,
Тигриный коготь вынесет мозги.

* * *

Спаси меня, О Ангел мой,
Живому — одиноко.
Мне нравится твой взгляд прямой —
Твоё мужское око.
Мне одиноко, но с тобой
Душа не смотрит в бездну.
Пусть будет страшно, будет бой,
С тобой — я не исчезну!

ДИЛИЖАНС

Вселенский инфернальный транс,
Картельный сговор монополий.
И декаданс, как дилижанс,
Везущий раненых чрез поле, —
Последний шанс последней воли,
Последних мозговых усилий.
Всё так похоже на Россию!

Куда ты едешь, дилижанс?

МОЛИТВА

Вечный Сторож сторожит века —
Пахнет временем ветра ток.
Синим колючим зрачком василька
Смотрит вслед мне
Хранитель Бог.

Зоркий Сторож сторожит версту —
Солнечной тенью под ноги лёг.
Я иду, тороплюсь, расту.
И со мною спешит
мой Бог.

Сторож верный, в сиянье дня
Горизонт — золотой каймой.
Точку в небе — найди меня,
Помоги мне, о, Ангел мой!

НэоИдолы

И тошно, тошно воем — боем,
Как навсегда, как смерть и вечность,
Кричит убогое и злое.
И в клочья рвётся человечье.

Одежды низложив к подножью
Креста, содома и разрухи,
Язычники, как злые духи,
Куют колючки стрел сварожьих.

Кричат и множатся приметы,
И чёрной шерстью — брюхо ночи.
Их дух сатанаилский волчий
Хозяин требует к ответу.

ОХОТА НА ОРЛА

*...избежать клюва Орла.
К. Кастанеда*

Этот пернатый на небе дремлет,
В чреве его исчезают дни.
Орёл, поедающий Время,
Верни мне сына,
братьев,
родителей,
Всех верни.

Сюда, на это моё крыльцо,
Через это зеркальце,
через кольцо
Любви,
Всех до единого!
Их золотые дни!
Немедленно мне верни!

В глубинах цветка звеня,
Вселенную сон обрёл.
Тихо в омуте дня.
Не спрячешься от меня —
Я слышу тебя,
Орёл.

НАДЕЖДА АЛЛИЛУЕВА

Жизнь — безобразный и грубый микс
Цветения лотоса и страха тления.
Хочешь, буду маленькой буквой Икс
В ужасно сложном твоём уравнении?
И вот однажды, мой милый друг,
Родится программа простого решения.
Буква Икс в перекрестье остывших рук
Совершит самосожжение.
Ты превратишься в действительное число,
Величину интегральную.
«Я такой же, как все,
просто мне не везло!» —
Скажешь фразу исповедальную.

Виталий КУЗНЕЦОВ

Новочеркасск, Россия

МАСТИ НЕБЕСНЫЕ

Масть закатная: черви и буби.
Карты брошены на кровать.
Очень жаль, что банально и грубо
Нам приходится умирать.

Масть прощальная: пики и крести.
Чёрной краской мазнула кисть.
Ведь вчера ещё были мы вместе,
А сегодня — поди разберись!

НЕ МЫ

Кому мне звонить?
Немы телефоны,
И живы, пожалуй, не мы.
Устал я любить —
Мы просто знакомы
Как раньше, в начале зимы.

Живу в Новочеркасске — столице донского казачества. По отцу — донской казак. Отец из Вёшек — родины Шолохова!
По матери — туляк.
От казаков взял вольнолюбие и некоторую лень в быту. От туляков — упорство, стремление к тщательности исполнения мелочей.
Я — воплощение понятия дилетанта.
Мой дилетантизм проявляется в том, что среди поэтов я — поэт. Среди шахматистов — шахматист. Среди футболистов — футболист. Трудно поверить, читая некоторые мои стихи, что я член Новочеркасского клуба юмористов имени деда Щукаря.
Счастливым отец взрослого сына и сына-первоклассника.
От автора

ЧТЕНИЕ

В детстве читал книги впрок —
Мудрость копил вековую.
Верил, настанет мой срок —
Всё испытаю вживую:
Выйдут мои корабли
Прямо в открытое море,
И очертанья земли
Станут невидимы вскоре;

В будущее поплыву
Следом героев великих:
Светлый блистательный лик их
Явится мне наяву!

Рядом с героями книг
Видел себя героем:
В Риме сражался и в Трое,
Прошлого тайны постиг.

С будущим время сверял,
Думал, — взлетаю, читая,
Но, беспрестанно мечтая,
Зря только время терял.

Сгнили мои корабли —
В днищах их столько пробоин!
Сам я давно уж не воин:
Ярость, упорство ушли.

Жизнь ведь почти прожита.
В будущем нет мне награды,
В будущем мне и не рады —
Стала химерой мечта.

Книги теперь для меня —
Кладбище прошлых ошибок...
Мир ускользающ и зыбок.
Ветра в нём нет и огня!

Нина ЛЁЗЕР

Лейпциг, Германия

Родилась в далёкие дохрущёвские времена в городе Харькове, окончила Харьковский политехнический институт. С 1974 живёт в Лейпциге. В 2004 г. вышла в свет её книга «Целебная вода». Печаталась в альманахах «Пенаты» (2003–2011) «Polus — Крым» (2005), «Чувства без границ» (№ 17), «Три желания» (№ 42), в Литературном журнале «Союз Писателей» (2012, № 1), в сборниках проекта «Библиотека современной поэзии» и в альманахах. Финалистка поэтического конкурса «Пушкин в Британии 2007» в Лондоне. В 2008 г. попала в число финалистов-прозаиков того же конкурса.

УКРАИНСКОЕ

*...В тихий шелест, в южный город,
в тёплый пояс...
Семён Кирсанов*

«В тихий шелест, в южный город, в тёплый пояс»
Поспешу,— но не присвою, не займу...
Потому что, если сердцем успокоюсь,
Низко в пояс буду кланяться ему.

И по нраву, и по силе... всё здесь впору
В нём живущим, как и тем, кто в нём гостит.
Предлагать умеет щедро этот город
Даже то, что в нём украдкой шелестит.

Этот мир как будто плотно опоясан
Милым мне благоуханьем пирожков,
Он позволит наблюдать у бочки с квасом,
Как певуч родник похожих языков.

Всё как будто предсказуемо и внятно,
Пряно, мятно... и хмелеет голова.
Не поверю, если скажут: «Моря нет в нём».
Если нет, то в этом он не виноват.

И не будет никакой альтернативы
У меня, чем просто так от счастья млеть,
Услаждая душу ласковым мотивом
Песни южной... самой нужной на земле.

ПОЕЗД I

Перекроив свиданья на прощанья,
Дни разболтав, как сахар в кипятке,
Замкнёт меня в себе и укачает,
Все буквы убаюкает в строке.

Вдруг сна лишит, растянёт остановки,
Добавит час и, час не разменяв,
Вернёт обратно. Поезд... поезд снова
Так мало вам оставит от меня.

Каприз, пустяк, несобранность игрушки,
Излом луча сквозь дырочку в листке;
Завивки раскрутившиеся стружки,
Make-up в потоках влаги на щеке...

ГОРОШИНА ПОД МОИМ МАТРАЦЕМ

*Мне её подарили во сне
Константин Случевский*

«Мне её подарили во сне»
(им дарить её было не жаль мне),
чтоб мои на ней бёдра лежали,
эпидермис мой белый, как снег.
Ждали,— если проснусь в синяках
на матраце, кричать стану громко,
будет в теле опасная ломка,
и смогу я почувствовать, как...

Вот возьму и почувствую, как
на горошине плохо мне спится,
будто я на крючках или спицах,
будто вяжут меня из клубка
грубой шерсти, как будто во сне
из меня выют верёвки тугие.
Только стан был мой лёгок и гибок
и спалось на горошине мне

мирно так, упоительно так...
как способен спать ангел безгрешный.
Был бы там под матрацем орешек —
стал бы плоским, как медный пятак.
Не посмел бы он сну помешать...
Видно, слишком уж я толстокожа,
посему и на прочих похож он...
милый мой — не король и не шах...

МНЕ ЗАПАХ ВСПОМИНАТЬ...

Мне запах вспоминать не запретишь,
как петь не запретишь весёлым птахам.
Да, насморк у аллергика как тишь
в оглохшем ухе,— не шепчи про запах...
как мышь в но(зд)ре, как авитаминоз
и всё другое, с чем не стоит путать.
Готовь же сам ответ на свой вопрос...
Не разбавляй экзотикой строку ты.

В апреле пахнет разве что нарцисс,
и прячет запах дремлющий шиповник.
Не пахнут валерьяна и анис...
и — редкими сигарами — любовник.
В твой старый сад смотрю... на клумбы, на
травинки, на росу в травинках узких.
Пилюля долголетия— она
ничем не пахнет и совсем безвкусна.

НАВАЖДЕНИЕ

Это было вчера или станет свершившимся после,
встретит мглу фейерверк, исчезнув
свой блистательный залп.
Я уйду от тебя, сяду в тот затерявшийся поезд,
что увозит в тоннель, а потом не привозит назад.

Он, пропавший давно, прозевавший часы
и перроны,
он, впусивший в себя чудаков, погрузившихся
в транс,
будет дымом укрыт, убаюкан вознёй полусонной,
и туманом залит, и забыт, и упрятан от глаз.

Потеряю билет, и кондуктор не спросит билета,
и отпустит меня в этот дым, протирая глаза.
И в него я уйду от тебя, как от знойного лета,
так умеют скрываться улитки, ужи...
и гюрза.

ВОПРЕКИ

Как будто всё кругом спокойно, спокойней, чем
в ином романе.
И чемодан ещё не собран, и... не разобран
чемодан.
Каренин бодр, доволен Вронский, и нет
депрессии у Анны,
И объезжают всех влюблённых, гремя железом,
поезда.

Но только ей нельзя вернуться туда, где шум
и праздность бала,
Морфин не лечит, всё пропало, она — не друг,
не мать уже...
Без цели Анна, без маршрута... всем телом
падает на шпалы
В том самом месте, где, пожалуй,
переписать пора сюжет:

Ах, если б не было вокзала, и весь состав
застрял бы в поле
Среди ромашек и гречихи, былинки, мяты,
колосков.
Сказал бы он, она б сказала: «Я вас люблю,
чего же боле...
Я вас люблю — и в этой роли не надо ездить
далеко».

ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИК ОТ СЧАСТЬЯ

Волосы нежные, шёлк голубой...
(В генах дефект, очевидно, у девочки.)
Кудри срезая на память в альбом
Куклам влюблённым, пришедшим под вечер
к ней,

Смотрит Мальвина загадочно вдаль.
Слева — Пьеро бледнолицый, упитанный.
«Завтра четверг, а сегодня среда».
Не о чем ей говорить с неначитанным.

В мягкость лугов улеглись облака,
В них распластались, наполнились жижей их.
И Буратино сухая рука
Справа легла вся в колючках нестриженных.

Месяц прозрачен, почти как слюда,
Рядом с Медведицей хочет возвыситься.
Ах, Карабас, где твоя борода?
Где твоя гладкая скользкая лысина?

Сонный Азор, зная цену беды,
Лапу спасая, под кресло удрал-таки.
Роза упала... Роняют сады
Всё, что в них есть: розы, груши и яблоки.

КОШАЧЬЕ ЧЁРНОЕ

кошачья чернота чердачного оттенка,
ни искорки кругом, ни пятнышка вокруг.
поймай и замурай её в четыре стенки,
дикарку замурай в Малевича дыру.

в квадрате черноты сидят четыре мыши,
стерильные зверьки... и все белы как снег,
кошачья тьма придёт и каждую оближет,
всех сразу поглотит, а... может быть... и нет.

забудь, что кошка здесь, и страх исчезнет тоже,
а если не исчез — гони его взащей.
в крошечной темноте, придуманной для кошек,
естественна боязнь не кошек, а мышей.

ПОЕЗД II

Чайная ложка запрыгала в танце,
Будто с колёсами в сговоре нынче.
Снова уехать, опять не остаться.
Это привычка...

Тусклый фонарь на пустынном перроне
Тьму разгонять обучался едва ли.
Чьё-то дыхание и чьи-то ладони
Кто-то оставил.
Остановить бы движенье берёзок,
Что за окном в хороводе несутся,
И задержать эту жизнь на колёсах,
Будто проснуться.

Но у колёс жизнь своя, им, пожалуй,
Не до тоски человеческой тяжёлой.
Поезд внимателен к рельсам и шпалам,
Важно, чтоб шёл он...

Владимир МЯЛИН

Москва, Россия

Родился и живёт в Москве. Член СП России. Участник антологии современной русской поэзии «Созвучье слов живых». Публиковался в газетах «Народный учитель», «Учитель Узбекистана» (1986), в журналах «Русский писатель» (Санкт-Петербург, 2011, № 4, 5). «Московский Парнас» (2010, № 2; 2011, № 2; 2011, № 6), «Бег» (Санкт Петербург, 2011), «Арион» (2011, № 4; 2012, № 2), «Волга» (2012, № 1, 2), «Интерпоэзия» (2012, № 1), «Европейская словесность» (Кёльн). Автор книги стихотворений «Из ближнего рая» («Московский Парнас», 2010)

* * *

Паровозы гудят, паровозы гудят.
Над столицей гудят паровозы.
Пар морозный клубя, мои годы назад
В снег идут паровозный, белёсый.

Паровозы стоят, паровозы молчат
И бегут, спотыкаясь, белея.
Ты, зима моя, этих скулящих щенят
Приюти, накорми поскорее.

Ты, зима, приюти, обогрей, накорми
Эту к рёбрам приставшую кожу.
Этих рыжих дворняг, эти ржавые дни.
Этот пар, на дыханье похожий.

* * *

Смутный друг мой в промозглom дворе,
Чем торгуешь в мышиной норе? —
Может, каменным запахом лестниц?
Или всё же милей тебе сыр? —
Обжигает твой вечный тандыр —
Солнце хлебное и полумесяц.

Я и солнце, и месяц куплю.
Я, признаться, мучное люблю.
Да и как без вина и без хлеба
В тесноватой коморке своей
Разделять одиночество дней
С потолком облупившимся неба?..

* * *

День как день — подметён и подстрижен,
Дышит сдобой, ванилью... Но вот,
По Ольховке, вдоль каменных хижин,
На колодке калека идёт.

Трезв почти и в шинели вороньей,
На дворняжий шажок от беды...
И когда его время уронит,
Подрастёшь и поднимешься ты.

Станешь ростом с соседа, пожалуй,
Что за стенкой стучит молотком;
Станешь трезвым и правильным малым,
Словно чирик, заплнёшься стихом —

В серой клетки на уровне века,
Где и моль, и трамвайная ржа...
И не раз ухмыльнётся калека,
Как костыль, твою песню держа.

* * *

Как на горе — корона из лучей,
Ты светишься над музыкой моей —
Кремнистой, поллой, ветреной, живой,
И ласточки летают над тобой.

Фью-ить, фью-ить — кричат они во сне...
А ты тихонько клонишься ко мне:
Наклонена волос твоих копна,—
И музыка к тебе наклонена...

* * *

Там, где расходится натрое ствол,
Тополь воронье гнездо приобрёл;
Так моя радость, меж строк заперта,
Небо лохматит подобьем гнезда.

В дом её зимний ворона летит
С веткой потешной надежд и обид,
Хочет в гнездо родовое вплести,
Хочет вздремнувшее счастье спасти.

Только у счастья особенный дом:
Между стволов оно — в сердце твоём —
Всё совершает извечный обряд:
Кормит крикливых своих воронят.

* * *

Есть в мире ласточка и флейта:
И голос твой... Но в тишине —
Вагонов дрожь, узкоколейка
И снег стоящий, как во сне...

Квартал невидимый состава
И степь по обе стороны;
И тепловоз застыл устало
И спит под снегом до весны...

* * *

Моя зима населена тобой;
Берёзами, воронами, ветвями;
И зубками, как жемчуг голубой,
И, как улыбка, свежими губами...

Светись, душа. Не бабочки полёт
И не листка паденье и касанье —
Зима, зима, зима тебя зовёт,
Как голос, чистая, живая, как дыхание...

* * *

Осыпается ночь мотыльковым крылом,
Убеляет Ольховку мучица.
Ты не слишком грусти, что не светится дом
Не скрипит половица.

Что опасный зигзаг на подбитом стекле,
А на лестнице — стёртые камни,
И нелепая жизнь заскучала во мгле,
В невозможном и давнем...

Что звонок, онемев, чей-то слушает стук
В притворённые двери без ручек —
Что хранили тепло человеческих рук,
Верных встреч и отлучек...

Если брошенный chapelник в кухне найдёшь,
Черепок от маслénки, точноло...
Что дала тебе эта священная ложь —
Жизнь чему научила?..

Возвращаться туда, где бедлам и распад,
И лучами нездешнего света
Освещается всё — невпопад, наугад
По велению поэта...

* * *

*В пустотелой тыкке горит свеча...
Сергей Пагын*

Саломея, детка, не требуй казни;
В пустотелой тыкке глаза прорежь;
Там внутри от ветра свеча не гаснет
И смешит, пугая во тьме невежд...

Саломея, детка, не будет прока,
Коль в руках поднос с головой живой.
Ты танцуй, чернява и босонога,
С желтоглазой тыквенной головой.

Во дворе, под окнами, где мамыши
Кличут-ждут домой сыновей своих,
Тёмным светом и ветром своих кудряшек
Разжигай игрушечный ужас в них.

Андрей НАСОНОВ

Краснодар, Россия

И вот она, устав от ожидания
иль, может быть, дьяволом науськиваема,
натянет на уши мохнатые наушники,
и ты останешься в недоуменье, будто сломан,
с упавшим и ненужным дохлым словом.

* * *

У тебя пронзительные квадратные глаза
и длиннющие пластиковые ресницы.
Ты суха и жилиста, как лоза,
на которую нацеплены разнообразные ситцы.

У тебя маленькая недоразвитая грудь,
Но распахнутая для обозренья, радуйся!
И ты нервная и подвижная, словно ртуть,
выкатившаяся из разбитого градусника.

Избыток чудес, удивительные стразы,
прекрасные ногти на зависть Крюгеру.
Татуаж и пирсинг, как следы заразы.
Ты идёшь в ночь добывать свой уголь.

И всё в тебе: ты стерва и шельма,
и люди надоели тебе до ромбиков,
ведь ты самая продвинутая и задушевная
модель нового поколения гламурных роботов.

УШИ ЖЕНЩИНЫ

Уши женщины должны быть заняты
серьгами, клипсами или попсовой лабóй,
солнечным словом зáлиты
и, наконец, тобой.

Не оставляй их полукружъя тусклые
в пустыне житейской толкотни,
а лучше развлеки простым искусством
милой, очень нужной болтовни.

Уши женщины должны быть заняты.
Только зазвонят словесные ключи,
они встают как уши зайкины,
будто ты их кнопкой включил.

И слушает она и ртом, и телом,
и впитывает всё до звука,
и кажется, владеешь ей, как темой,
но взгляд её в стрельбе лукавей лука.

И ты уйдёшь весь в перламутр раковин,
твой трёп поселится в них моллюском маетным.
Не покидай ты сих пределов лаковых,
ведь уши женщины должны быть заняты.

ТВОЯ ОСЕНЬ

Спелый листопадный лес,
как весы застыл.
Падает лист, чувствую вес
его. Я был
в перекрёстке лунных квадратов и знаков
как пришедший откуда-то знахарь.
Собирая кусочки проявленного ветрами мяса,
возвращал любимое тело — мне было ясно,
тебя разорвали другие мужчины.
Я отгоняю их, перепончатокрылых,
над телом, лежащим на листьях талых,
я заклинаю, чтобы ты встала.
Листья засыхают. Листья обугливаются.
Как-то однажды ты оуклилась.
Ты просто смотрела теле, читала, вязала.
Пронеслись тени самолётов, поездов, вокзалов.
Когда потом стояла передо мной
крылатая, как нагая,
сказала: «Помнишь Осень?
Я стала совсем другая».

Ольга ОЛГЕРТ

Кёльн, Германия

Родилась в г. Целинограде (сейчас — г. Астана). С 1998 живёт в Кёльне. Публиковалась в журналах «Дети Ра», «Сибирские огни», «Литературная Вена» (Австрия), «Эдита» (Германия), «Нива» (Казахстан), «Под небом единым» (Финляндия), «Иные берега» (Финляндия), «Семь искусств», «Тёмная лошадка», «Второй Петербург», «Лава» (Харьков), «Южное сияние» (Одесса), «Новое русское слово» (США), «Форвертс», «Пять стихий», «Интеллигент», в альманахе «Светочъ», антологии «Земляки», «Четвёртое измерение», «Форма огня».

Автор книг «Игры на облаках», «На южном побережье января», «От третьего лица». Победитель международного берлинского литературного конкурса в номинации поэзия (2010). Редактор международного литературно-художественного журнала «Европейская словесность» (Кёльн).

* * *

Твоя планета — без дверей
И окон, где же ты ночуешь?
Твой голос, сделавшись добрей,
Венчает мысль мою ручную.
И ускользает хрупкий миг,
Где ты когда-то был моложе,
И кажется, что тесен мир,
А обернёшься — нет прохожих.

* * *

Вращается мир — невесомый и хрупкий,
И мы засыпаем в яичной скорлупке,
Себя разделив на слова и поступки
Упавшим закатным лучом.

Там бродит сверчок по истлевшей бумаге,
И сны обнажают бумажные шпаги,
И где-то за окнами доктор Живаго
К рассвету весной увлечён.

Блуждает луна по неспящим аллеям,
И я растворяться в печали не смею,
И в небо неслышно ползут скарабей
И тают, и тонут во мгле.

Там тянется ввысь, высотой околдован,
Твой день, что остался без света и крова,
Чтоб утром найти путеводное Слово,—
Бродить по весенней земле.

* * *

Там взрывало пространство и резало темноту
Сердце щедрого Бога, и, странный обет нарушив,
Улетала печаль, и кричали ей вслед «Агу!»
То ли призраки, то ли пропахшие горем души.

Зимней ночью метельной, спешащей
за снежным днём,
Там, где дремлют сердца, где сомнения спят
на полках,
Возвращались к себе и мигали святым огнём
То ли люди, а то ли зажжённые Богом ёлки.

* * *

И долог миг, и тень твоя промокла,
И дождь слепой прядёт слепую нить...
Смотри на жизнь — она стучится в окна
И просит пить.

И что ты ей предложишь, чем заманишь
В проём полураскрытого окна?
Мне жизнь твоя, как лодка в океане,—
С небес видна.

Где в ночь стремится рейнская регата,
И длятся дни разбуженных умов.
И видят сны уставшие солдаты
Бесстрашных слов.

И кружится — высокая, земная
Мечта моя над именем твоим.
И что ещё случится с нами, знаешь?—
Мы победим.

* * *

Пусть дремлет мир, и ночь за ним следит,
А ты меня до срока не буди,
Я сплю на алебастровой груди
Июля — винодела и стилиаги.

Звучит орган, и музыка плывёт,
Там капает с небес закатный мёд,
И я вдыхаю запах мятных нот,
И сон скользит за строчкой по бумаге.

Где мысли моря плещутся у ног
Мечты моей, смотрящей на восток,
Пропахший виноградом Лангедок
Расстёгивает блузку южной ночи.

Там помнят сказки средние века,
И я бегу — янтарная река,
Там к волнам счастья льнёт твоя рука,
И целый мир в тебе сосредоточен.

* * *

Говорят, на Мальдивах сейчас тепло,
Там гуляют по кронам времён рассветы,
Говорящие волны там строят плот,
Из потерянных строчек морских поэтов —
Кашалотов, что в небо плывут гурьбой,
Рассекая сомнений высоких пену.
Там, наверное, встретимся мы с тобой —
Мотыльковые дети одной вселенной,—
Разноцветные мысли, осколки снов,
Что роняли по свету сердца и листья..

Мы, наверное, снова пойдём в любовь
Босиком, по планете сверчковых истин.
И нырнёт под ночную волну восток,
Прижимаясь боками к судьбе бессонно,
И тропических туч огневой божок
Убаюкает нас ледяным муссоном.
Где туземцы любви отберут весло.
У печали, что ночью читает мысли.
Говорят, на Мальдивах сейчас тепло.
Только вряд ли теплее, чем в наших письмах.

* * *

В окно стучатся души вишен,
Как будто помнят нас с тобой,
И чей-то голос в сердце слышен,
И чей-то всхлип над головой

Взлетает пением синицы,
Пройдёт лишь миг — и ты взлетишь,
И что-то важное случится,
Обнимет ветер спины крыш,

Сорвутся листья с птичьей ветки,
И станет миг на век похож,
И плащ заплаканной соседки
Возьмёт в химчистку тёплый дождь,

Очнутся радуги под снегом,
И корм найдёт бессонный стриж,
И ты, узнавший цену небу,
Со мной, земной, заговоришь.

* * *

Вот ты на тротуаре прошлых дней,
Вот мы с тобой — дорогу переходим,
Где мокнет плащ цветного небосвода
И дождь над миром слаще и сильней.

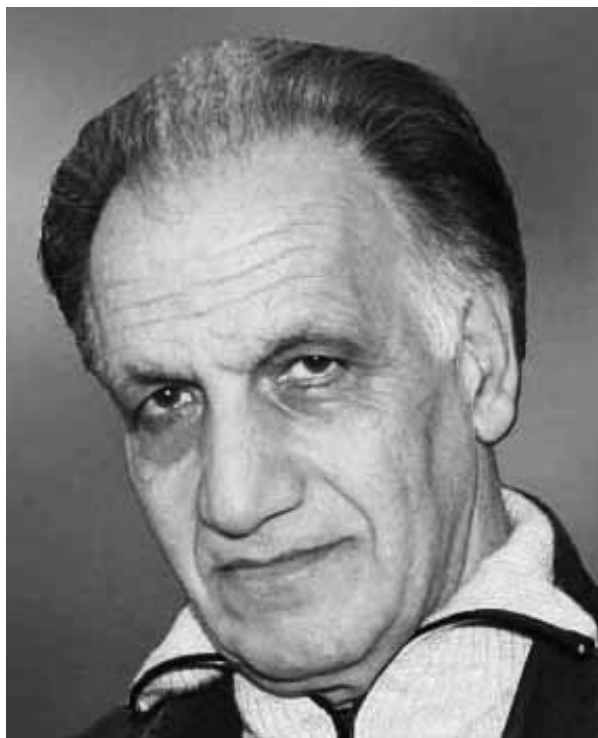
Там тени лет за окнами стоят,
И длится миг — загадочный и пёстрый,
Там женщина стоит на перекрёстке
Всесильного ночного бытия,

И кажется, что грусти больше нет,
И новая беда придёт не скоро...
А женщина стоит у светофора
Своей судьбы и ждёт зелёный свет.

Анатолий ЧЕКУЛАЕВ

Новочеркасск, Россия

ВЕЧЕРНЯЯ ИДИЛЛИЯ

Поздний вечер запутался в двориках
На окраинах города N,
И улёгся поспать возле домиков
У исписанных руганью стен.

В тишине закудахтала курица,
Вдалеке ей ответил петух,
И молчит бесфонарная улица,—
Для неё свет надолго потух.

За дворами сосед матюкается,
Видно, снова предался вину;
Две соседки никак не налаются,
Как дворовые псы на луну.

А луна, торопясь между тучами,
На дежурство ночное спешит.
Спать готовлюсь с надеждами лучшими,
Чтобы каждый был счастлив и сыт.

До утра заключив перемирие,
Две соседки утихли у стен...
Всё же есть вечерами идиллия
На окраинах города N.

* * *

А мне горластая ворона
Накаркать вздумала беду,
Что на просторах небосклона
«Свою звезду» я не найду,

Не попаду в «пределы рая»,
И «плод запретный» не сорву,
Проступки многие скрывая,
Не смою грех, пока живу...

Не знала глупая ворона,
Беспечно сидя на суку,
Что мне жар-птица благосклонно
Всё посулила на веку!

ГОДЫ

А годы мчатся напролёт —
Год Тигра, Год Овечий...
Когда же, всё-таки, придёт
Нормальный, человеческий?

Не просто так рождались мы
Быками да Стрельцами —
Неправдой травятся умы
Годами, месяцами.

И смута длится до сих пор —
Год Лошади, Собаки...
Не звёздный круг, а скотный двор!
Ну как же тут без драки?

Годам цветы бы я раздал —
Год Ландыша, Год Мака...
И шар земной бы процветал
В соцветьях Зодиака!

Юлия ФАЛЬТЕР*Москва, Россия***URBIS ET ORBIS MARGO**

Край мира и города — тихо — внемли́:
слуху чуткому, оку...
долу — мраку усталой земли,
дрёме вечерних окон

распахнул неведомый Бог
ширь вселенских морей, и
каждая волна, каждый вздох
дорог разливанных, деревьев

шёпот и мокрых огней игра —
будто о некоей тайне...
светлый в сумерках лиственный крап
и дождя лопотанье.

А встреча, и память, и нежная тьма
душу взметаю́т волною
к истинам за краем ума
снова... а предо мною —

высвечены фонарным теплом,
в тонком горят зените
косо упавшие на стекло
капли — алмазные нити...

СТЕМНЕЛО

и я брожу в домашней тишине,
в прихожей тёмной и своём же сне,
и в спящем зеркале, в просвете из окна,
и вздохом шороха ответит мне стена

на тихое шараханье, шатанье
в отсутствии: как будто где-то там я,
а здесь лишь тень — идёт за чашкой чая,
на кухне этот свет глухой включает,

дыша румянцем неподвижного пространства,
его глубоким чутким постоянством
и в сердце засыпающего дня
его покой нетронутый храня

так незаметно лишь движенье на часах —
в бетонном чайнике согрелись небеса,
и на вечерней тишине густой
душист и крепок сумерек настой

* * *

Парить
ввечеру в дыханьи огней,
очертаний ватных

Царить
в бездонных провалах меж дней
как коты среди сугробов кроватных

И в бетонности,
в сетках пространства железных
Всей бездомностью
кутаться в эти бездны

Соседнему дому не отвечая-
Свет не включая...
Времена тихо умерли.
Взгляд утонул в чашке чая.

Это Таинство сумерек,
наступление молчанья.

в нём канет щепотка дня —
раствори как сахар меня

* * *

издалека
дождливый хор,
дорога как река,
костёр,

слеза —
травинки свежий срез,
гроза,
темна сирень небес.

* * *

Я улыбнусь воспоминанью —
живому взгляду издали,
мечте и светлому свиданью,
я закружусь душой над этим
недвижным танцем улиц, зданий,
в текучем, отражённом свете,
румянце моря и зари.

И северною бледной розой
ветров душа здесь расцвела,
протяжный взмах солёный, росный —
над мглой, деревьев сетью чёрной —

вздых вод твоих её вознёс на
высоту всех непокорных,
всех выше вознесённых глав,

клубов бездонной тверди грозной
касаются её крыла...

* * *

Стали вдруг прозрачны времена
И тонки перегородки сна.

И бездонны наслоненья лет:
Как вода, забылились на свет.

В окнах выются солнечные пряди.
Отражён весь мир в небесной глади.

Беспросветен некогда и груб,
Гулкую он обретает глубь.

Пропасти домов и лики комнат.
Всё, что мы, и что о нас всё помнит.

Мой ли голос где-то там средь бликов,
Среди этих лёгких, светлых криков...

Уж мои беспечно бродят сны
Где-то между жизнью и иным.

На краю её, на берегу,
Я, дитя, навек в закат бегу.

На исходе сумеречных Зон
Так горит граница, горизонт...

Ну а здесь толпятся вокруг меня
Запахи, напевы, имена,

И сопровождают в пёстрый день
Чуткую рассеянную тень,

Словно ангелы...

* * *

В пространстве есть незримые ходы,
Тенистый свод, стрельчатый взлёт на небеса.
В земле моря и в воздухе сады.
Дворцы в дремучих вечеряющих лесах,

Когда смежаются, как вежды, зыбь и твердь,
И солнце — ангела румянец — разлилось.
Пылинок, водомерок круговерть...
И ты, сновидец, путник, чуткий гость,

Прими златую чашу — этот час,
Вином заката упоющий бездны глаз.
И в шар времён пресуществляется вода.
Заветный град на ясном дне пруда.

Сень снов — родные дикие узоры.
Заоблачная башня в тёмных мхах.
Седые волны трав в небесные просторы
Через поля бегут, как шёпоты стиха.

Зде издетства душе обещана обитель.
За сонным горизонтом бытия
Сей неусыпный светоч, искру Я
На высотах своих зажжёт Зиждитель.

И над зубчатыми стенами ночи,
В рассветной просини, несомы тишиной,
Войдём мы в вихри, вереницы точек,
Горящих у окраины земной.

ПОЭЗИЯ: хрестоматия

ПОЭЗИЯ: хрестоматия

Катерина КВИТНИЦКАЯ

Киев

Екатерина Юрьевна Квитницкая-Рыжова (1946-2007).

Замечательный киевский русскоязычный Поэт второй половины XX – начала XXI вв.. Лауреат международной Пушкинской премии.

Род. в Киеве в семье профессора медицины. Окончила ф-т иностр. языков Киевского ун-та (1968). Работала редактором в изд-ве «Дніпро» (1969—84).

Печаталась как поэт с 1964: журнал «Радуга». Автор кн. стихов: Козырная карта. Киев, «Факт»,

* * *

В том доме, где жила моя душа,
Теперь живут другие постояльцы.
Их жизнь имеет право состояться.
И я не захотела им мешать.

Течение их будничной воды
Могла бы запрудить моя плотина.
Я здесь жила. И, стало быть, платила
За смех веселья и за плач беды.

Пусть и они заплатят всё сполна.
А может быть, судьба простит долги им.
Зачем же им чужая ностальгия,
Чужие сны, чужие имена?

Преступно будет преступить порог
И навязать им прежнюю картину:
Как тень моей плиты печёт пирог,
Тень паука свивает паутину.

Как тень мужчины отворяет дверь,
И тень меня его целует нежно,
И тень ребёнка ползает в манеже.
(Всё это, впрочем, может быть теперь

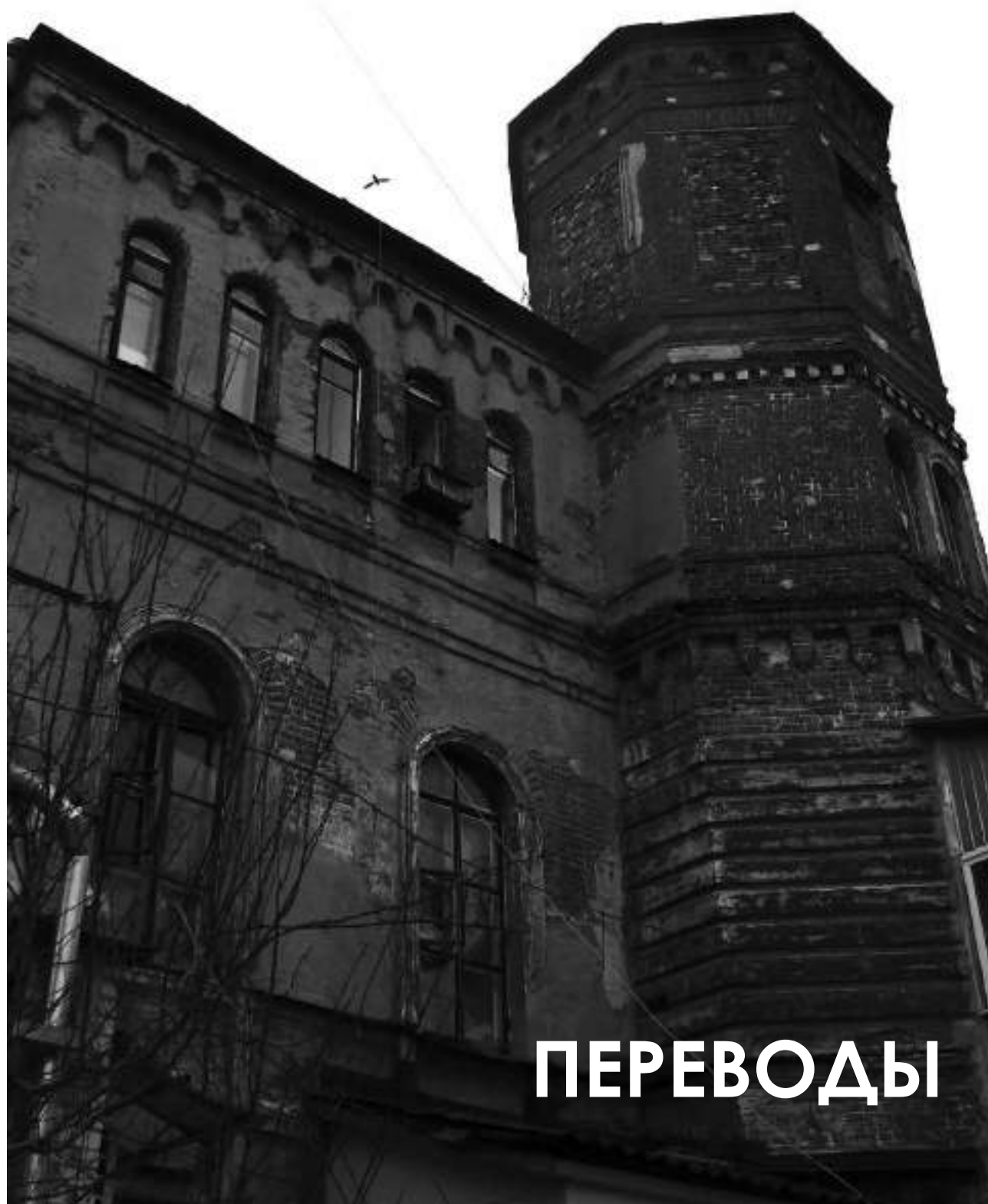
У них самих. Вполне похоже, но —
Иные думы, драмы, драки, даты).
Я нынче тать ночной, я — соглядатай,
И мой удел — заглядывать в окно.

И домовым шуметь у них в трубе,
И вздохами вращать их вентилятор.
Но ни благословеньем, ни проклятьем
Не смею я напомнить о себе.

...И я сбежала прочь, как от погони...
Простилась с ними до скончанья дней...
И водоросли памяти моей
Качались в цветнике на их балконе...

ПЕРЕВОДЫ

ПЕРЕВОДЫ

Дмитрий ЖУКОВ

Харьков

Публикуемая пьеса в семи сценах являет собой достаточно любопытный и редкий в современной литературе пример удачного перевода автором своего произведения на иностранный язык. Продолжение. Начало см. в ЛАВЕ XVI.

The forsaken legacy: the redemption path

Scene I: Light and Darkness

Part III: More than blessing

Storyteller light

The Varangians' king is in the temple of the Allfather. His thoughts are troublesome. His troubles are thoughtful. People appeal for the help of their king and the king calls upon the gods. He, who must decide, needs a council? He, who must choose, needs a piece of advice? He, who must act, waits to submit to the inevitable? He, who is supposed to be a chosen one, is he lost?

Viking

Great Father, I pray that you heed my words.
106 My thoughts tear my mind apart. My spirit is like

Утраченное наследие или путь искупления

Сцена I: Свет и Тьма

Часть III: Благословение Одина

Рассказчик

Храм Одина сияет в славе бога и отца варяжского народа. Король, скорбящий в храме том, зовёт отца и молит бога. Скорбит, отчаявшись, король. Народ к нему взывает. Король молчит. Ему решать, а он совета просит у богов! Ему повелевать, а он не знает, что сказать суровому народу! Ему ли ждать судьбы вердикта? Он — избранный. Ужели он утратил веру и надежду?

Викинг

Отец, молю тебя, услышь и отзовись словами мудрости, не грома рокотаньем, не вспышкой

a storm of vengeful fury that deprives me of self-control. What is happening to me? Never before have I had such strange feelings. Embarrassing inner turmoil that makes me think that I am a mere shadow of my former self. My people, have they lost their faith in me? I can see sorrow in their eyes. They seem more like dead than alive. My wife. My dear sweetheart. The love of my life. She knows something yet she hides it from me. Great Father, there were days when I believed that I could change everything, to make the world around me better not the way I see it, but the way it should be. You taught me. You gave me strength and powers. My eyes were open and I could see and heed you. I never sought the ascendancy among my people, I only followed your will. What have I done wrong to deserve such a detachment?

Storyteller light

A statue of the great god. A golden statue in the middle of the temple is imperial and omniscient impending wisdom and calmness. Odin, the Allfather. Thunder god and protector of the Varangian people. Somewhere distant the storm is approaching. Yet the god hears those prayers. The storm will clear anxious mind, the wild wind will encourage and give the strength, and the lightning will strike down the doubts lurking in the heart. The sky shatters, the thunder roars, the waves of seas and oceans rise and touch heaven. The god descends. Lightning discharges impregnate the Odin Temple. And the Thunder god appears. The Allfather touches his champion's shoulder. Viking raises his head and the Thunder God speaks.

Odin

No, my child. As a hermit. As a king. As a husband. As a father and as a son. You have done your duty and even in my world there is no one who is as kind as you are. Who is as worthy as you are. A king among the mortals. A hero among the gods. We are proud of you. You are not a shadow. Though, you may become the one. It is time for you to leave those dear to your heart. The last heroic deed of yours you must fulfill.

Viking

(bends his head)

What would you have me do?

Odin

(lamentably smiles)

Always ready to do your duty. It is not sorrow or sadness that you see, but a premonition of your future. The future of your kind. And ours as well. For the universe is now at stake. You see them dead, because you have a special gift. Soon enough

молнии, не ветра лютым дуновением со скандинавских берегов. Тех бурь, что рвут меня — волков голодных стаи, загнавшие добычу в лес глухой и тёмный. Врезаются клыки в живую плоть!

Я ж смерть из сил последних прочь гоню! Внутри грохочет мыслей гром, и я не слышу сам себя! Огонь в душе танцует дикий танец! Где я и что со мной? Ужели я не я?! Постыдное смятение! Лишь тень бывшего я. Лишь тень осталась от меня. Народ утратил веру в короля. Во взглядах лишь печаль немая. Избранница моя, супруга дорогая, утаивает правду от меня. Отец, прошу ответь! Ведь знал я прежде дни и верил, и верой вдохновлял варягов. Ты силой одарил меня! Ужели отнял ты её? Ужели провинился я? Ужели оступился я? И не заметил — предал я тебя! Однако ж, очи видели мои, а разум прежде постигал и следовал я за тобой без страха и сомнений. Величия не жаждал никогда! Так отчего же наказал меня ты так жестоко?

Рассказчик

Горячие слова молитвы! Достигнут ли они небес? Прорвут ли оборону чёрных туч, град громового бога стерегущих? Иль статуя, из золота сверкая, останется глуха к молитвам короля? Бог грома и отец варяжского народа, своею силой и рукой он направляет смертных. Ползёт вдали гроза и застилает небо голубое чревом тёмных туч. Но всё же слышит Один — бог молитвы и слова, хоть короля, хоть смертного любого. Грозой очистит разум от тревог и сил придаст. Блеск молний тьму рассеет в сердце, а взор поникший воем ветра вдруг взбодрится. Огнями небо, вспыхнув, задрожит! Раскатом грома громким небо отзовётся! Моря и океан небес коснутся, рассеяв тучи мрачные солёною водой! И снизойдёт на землю бог. Коснётся Один королевского плеча и прочь уйдут тревоги и сомнения.

Один

Нет, сын мой. Отшельником и королём. Отцом и сыном. И равно мужем верным, любящим и честным ты долг исполнил свой перед народом сердцу бога грома дорогим. Нет в мире этом человека, кто добротой своей тебя бы превзошёл. Достойнее тебя нет человека в этом крае. Среди людей известный королём, героем стал среди богов. И мы гордимся этим. Не тень ты, нет. Однако ж, можешь ею стать. Пришла пора оставить свой народ, семью, очаг. И в путешествие последнее пуститься, в котором ждёт тебя твоя судьба, как прежде верная жена ждала тебя.

Викинг

(склонив голову)

Я жду приказа.

all the nightmares and visions will become so real. The Great Evil has reawakened once again and now threatens to devour and absorb the realm of yours. You already have started feeling it. Seeing it in those visions of yours that unravel the consequences of the evil which had not taken place yet. Sensing it in any breath of life which is crying out and pleading for our protection. Fate it seems is not without a sense of irony. You always believed that your kind depends on us who you call gods, who you pray and worship. Apparently, it us who depend on those who we call the ones. Yes, you are chosen. We will live or die and it is you who must choose between life and death.

Viking

The duty you ask. Hardly can I accept such responsibility.

Odin

Then we are doomed. For in your soul I can now see doubts that lurk waiting for the moment to strike. Dark sides of your soul. In the time of crisis we are witnessing even a man of courage becoming so fragile. Yet that is not the way of your nature. You have never fallen back before. Why do you choose to give up now when your world is at stake? The hardest challenge cannot scare you off, can it? Poor child. It is not the courage that you have lost. Neither is the reason that you are aging. Once I saw a boy that came up to a tree which was burnt as the lightning stroke it. This tree was the biggest one the boy had ever seen in his life and many people gathered beneath its great branches that sheltered them from the freaks of nature, paramours carved tender words leaving the glyphs of their love on the bark and it could never hurt the tree. Now, the tree was neither dead, nor alive. The boy sat and touched its roots which were charred. The moment the boy touched them he felt how the tree painfully sighed. But not because it was dying, but because no one would ever find a place to hide from the storm, no lover would ever share his tender thoughts and hopes with his silent friend and guardian of his dreams. The boy asked the Allfather to take his own life and breathe it into the tree, so that the tree could favour people again. Not only was the tree touched by this request. And the Allfather dared not refuse this sincerest asking. Since you were a boy, I have known that a great and powerful warrior resides in your soul. The warrior that will sacrifice even his soul not simply his life in order to save not just a tree but the universe. And the whole universe itself will never be worthy this sacrifice for the universe is in your heart. Once you had that power. Once I thought that you would never lose it. If you had lost your faith, if you believe that the galaxy is not worthy the sacrifice you once were ready to display to a tree, then let it be so. This temple is no longer my home and the tree must perish.

Один

(печально улыбнувшись, молвил)

Так, значит, ты готов! Тогда открою тебе правду. В глазах людей своих увидел ты не скорбь и не печаль. Судьба сама тебе открылась. Ты не пророк и не провидец, но дар сей дремлет глубоко в твоей душе, и видеть можешь ты порой всё то, что мы скрываем от людей простых. Однако я лукавлю. Теперь судьба сокрыта и от нас, богов. Твой мир — лишь малая часть мира, лежащего за гранью граней. Но зло совет себе гнездо везде. Видение твоё в часы молитвенного бдения — знамение, что зло явилось в этот мир. Свой подвиг, что прежде совершил во имя своего народа, теперь тебя прошу я совершить во имя всех народов. Ты, Викинг, избран был судьбой, но думал ты всегда, что жизнь твоя лишь нам, богам, принадлежит. Но нам, как и тебе, судьбою уготовано служить другим. Отныне ты решишь: жизнь или смерть!

Викинг

О, Один, от человека слишком много просишь ты. Едва ли я смогу решить и выбор сделать.

Один

Тогда, пожалуй, мы обречены. Своим ответом ты поверг себя, не мир. Сомнением — отравленным клинком себе нанёс ты рану. Но яд тот — это тьма. И не лишен её никто. Порою самый смелый утратить может веру. Но в глубине твоей души живёт надежда на спасенье. Её лишь нужно пробудить. Бесстрашие питает вера. Вот что утратил ты! Мне помнится мгновение, когда ребенок веру мне вернул в народ варягов. И мужество ко мне вернулось, когда дитя, исполненное сострадания, к древу, просило слёзно жизнь его забрать и древо оживить. То древо испокон веков служило алтарем влюбленным. Любой, застигнутый грозой, искал убежище в ветвях его могучих. И, кров найдя, спокойно засыпал. Но бросила гроза мне вызов, неутомонная и своевольная сестра! И поразила древо молнией своей. И сжёг кору огонь небесный, оставив раны страшные на теле древа, заставив древо с болью в голосе вздыхать. Теперь его все сторонились. Обуглившиеся корни влюбленных больше не прельщали. Избитые дождём холодным и сломанные ветром диким ветви стонали по ночам и в непогоду. Укрыться там никто бы не посмел. Вздыхая, древо умирало. Я помню детский взгляд и помню детские молитвы, и плач, с которым ты ко мне взывал. Ты древу жизнь вернул. Ему надежду подарил. В меня же веру ты вдохнул! Но отнял всё теперь, пустив сомненье в сердце. Жестоко отнял всё король скорбящий, чем одарило нас всеильное дитя, которым был когда-то ты.

Viking

Forgive me, Father. Forgive me.

Odin

Sometimes, we believe our burden is too severe.
But it is a rough road that leads to the heights of
greatness and we become honorable only when we
are looking for honor. Failure is not so hard when
you find strength to rise and go on. Keep on fighting.
Never give up. He, who surrenders hope, surrenders
life.

(to be continued...)

Викинг

Прости меня, Отец. Прости.

Один

С годами бремя давит всё сильнее. Но нелегка
дорога, ведущая к величию души. Лишь в поиске
мы обретаем знание. Коль оступился, поднимись.
И выбрав путь, тропинок узких сторонись.
Утративший надежду, теряет смысл жить.

Продолжение следует...

Анатолий Якубов, Владимир Мотрич, Геннадий Котовский, Мария Коротаева, Виктор Ударов

Юлия ФАЛЬТЕР

Москва, Россия

Юлия Фальтер — молодой поэт, переводчик, эссеист. Живёт и работает в Москве.

Вильгельм КЛЕММ

Лепестки

Лепестки с бесконечного древа
Никнут, нежно и неиссякаемо,
Большие хлопья беззвучного снега.

Птицы падают, стаи, что слетают вниз,
Бабочки покачиваются на глубоком сером фоне,
Вниз и мимо.

Пена покойно падает с высоких фонтанов.
Все книги мира, порванные на клочки,
Рука гиганта раскидывает в бездонность.

Жемчужные слёзы, стекло и светлее стекла —
Все мысли падают, а песок и прах вслед за ними
Сыплется дальше.

Дальше

Часы протягивают друг другу руки
Без спешки и без передышки,
Выстраиваются в дни, зоны и вечности,
Смеркаясь в воспоминанье и несвиданье.

Blossoms

Blossoms from an unending tree
Sink down, softly and inexhaustibly,
Great flakes of noiseless snow.

Birds fall, flocks that fly down,
Butterflies sway on a deep gray background,
Down, past.

Foam falls calmly from high fountains,
All the books of the world, torn into small shreds,
Are scattered by a giant`s hand into the
bottomlessness.

Pearl-tears, glass and clearer than glass —
All thoughts fall, sand and dust after them
Running on.

Weiter

Die Stunden reichen sich die Hände
Ohne Eile und ohne Ruhe,
Reihen sich zu Tage, Aonen und Ewigkeiten,
Verdämmernd in Erinnerung und
Nimmerwiedersehen.

Тела расширяются, мечтательно растут,
Высятся бегущими гранями в тончайшие
пространства,
Клонятся вниз в бездонную мягкость,
Погружаясь обратно в тайны малого.

Движение идёт, ни на миг не прекращается.
Жизнь прорастает вперёд тысячью сладких
корешков.
Феникс поднимается из пепла. Крик
возвращается в грудь.
Душа без конца пробирается к Богу.

Свет

Свет, величественный и златой,
Встаёт своими мягкими, огромными стопами
На спокойную землю. И в голубую бездну
Моря окунает он лучистые колена.

По облакам простирает он любовь свою,
Истинную и в чистоте безмерной.
Его сердце — солнце, из чьих крепостей
Каскады огня ослепляют глаза пространства.

И на руках нежных качает он небо,
Что тянется всё тоньше и прихотливей.
Плечи тень укрывает.
Но лика его никто никогда не видел —
То, быть может, немислимая маска Бога.

Совет

Восход в облаках — великое барокко.
Яснозвёздная ночь — готика. Полуденное
солнце — античность.
Лунный свет сияет сквозь романские окна —
Но как выстроить час из перламутра,

Когда серебристые небеса нежно-нежно
 клонятся в розовое,
И зелень лугов окутывается сиреневым,
Когда прозрачность становится блеском,
 а форма — покровом,
Дуновеньем, мерцаньем; водой, тишиной,
 выщиною?

В. Ив.

Пусть в глубины снов погружаются светлые стены,
Колокола отлей прозрачные, в форме высоких парабол,
Несомые единой водяной колонной,
Что разлетится от первого слова, что ты прошепчешь.

Die Körper erweitern sich, wachsen träumerisch,
Ragen mit fliehenden Kanten in dünnere Räume,
Neigen sich abwärts in bodenlose Weichheit,
Zurücksinkend in die Geheimnisse der Winzigkeit.

Bewegung schwingt, hört niemals auf.
Das Leben pflänzt sich fort mit tausend süßen
Wurzeln.
Phönix entsteigt der Asche. Der Schrei kehrt
zurück in die Brust,
Die Seele drängt immer zu Gott.

Das Licht

Das Licht, grossartig und golden,
Setzt seine weichen, ungeheuren Füsse
In das ruhige Land. Und in den blauen Abgrund
Des Meeres taucht es die strahlenden Knie.

Auf Wolken breitet es seine Liebe aus,
Wahrhaft und in unermesslicher Reinheit.
Sein Herz ist die Sonne, aus deren Burgen
Feuerkaskaden die Augen des Raumes blenden.

Und mit zarten Händen wiegt es den Himmel,
Der sich dünner und edler weitet.
Seine Schulter verdämmern.
Aber sein Anlitz hat keiner gesehen —
Ist vielleicht die unausdenkbare Maske Gottes.

Rat

Sonnenaufgang in Wolken ist grosses Barock.
Sternklare Nacht ist gotisch. Mittagssonne antik.
Mondlicht scheint durch romanische Fenster —
Aber wie kann man bauen die Stunde
aus Perlmutter.

Wenn Silberhimmel ganz zart ins Rosa sich neigt,
Und das Wiesengrün sich lila umhüllt,
Wo Durchsicht zum Glanz wird, und Form
zum Schleier,
Hauch und Schimmer, Wasser und Stille und Höhe?

Lass klare Wände in traumhafte Tiefe versinken,
Baue durchsichtige Glocken, in Form
von hohen Parabeln,
Getragen von einer einzigen Wassersäule,
Die zerspringen würde beim ersten Wort,
das du flüsterst.

Ник КЕЙВ

Печальные воды

На дорогу смотрю я — вот бежит Мария.
Губы словно вишни, волосы золотые.
Мы спускаемся к реке, где плачут ивы,
Голые корни будут нам гнёздышком счастливым.
Они поднялись от изъеденной земли,
Да ползучими узами снова приросли.
О Мария, ты душу мою соблазнила
(И не отличаю добра от зла),
Навеки свела
в плен юного мира.

И пустил я жестянку сердца греметь
О тюремную решётку её рёбер.
И вот, локонами потрянув,
Девочка ступает в реку,
Закатывая над коленами платье,
Превращая эти воды в вино,
И кружево ивовых лоз её рукой сплетено.

Мария на отмели, смеётся, склоняясь,
Там, где стайка карпов снуёт,
Вспугнутая новой тенью, что отбросила Мария
На эти печальные воды и на сердце моё.

Пауль ЦЕЛАН

Псалом

Никто не вылепит ли нас заново из земли
и глины
никто не заговорит ли наш прах.
Никто.

Хвала тебе, Никто.
Во имя твоё хотим
мы цвести.
На-
против тебя, навстречу.

Ничто
были мы, есмы и будем
мы оставаться, цветя:
многие Ничто, —
Никому-Роза.

Пестиком душесветлым,
тычинками небесно-пустыми,
венцом красным
от багряного слова, что мы пели
над, о над
шипом.

Sad Waters

Down the road I look and there runs Mary
Hair of gold and lips like cherries
We go down to the river where the willows weep
Take a naked root for a lovers seat
That rose out of the bitten soil
But sound to the ground by creeping ivy coils
O Mary you have seduced my soul
And I don't know right from wrong
Forever a hostage of your child's world

And then I ran my tin-cup heart along
The prison of her ribs
And with a toss of her curls
That little girl goes wading in
Rollin her dress up past her knee
Turning these waters into wine
Then she platted all the willow vines

Mary in the shallows laughing
Over where the carp dart
Spooked by the new shadows that she cast
Across these sad waters and across my heart

Psalm

Niemand knetet uns wieder aus Erde und Lehm,
niemand bespricht unsern Staub.
Niemand.

Gelobt seist du, Niemand.
Dir zulieb wollen
wir bluhn.
Dir
entgegen.

Ein Nichts
waren wir, sind wir, werden
wir bleiben, bluhend:
die Nichts, — die
Niemand'srose.

Mit
dem Griffel seelenhell,
dem Staubfaden himmelswust,
der Krone rot
vom Purpurwort, das wir sangen
uber, o uber
dem Dorn.

Альфред ЛИХТЕНШТЕЙН

Лунный ландшафт

Око матери желто горит над нами,
Ночь повсюду, синий плат небес.
Пью сейчас её дыхание, знаю.
Книжица с картинками я весь.

То, что видят пёстрые сновидцы,
Ловят в сети окнами дома.
В свете улицы — машин роится,
Божьих коровок словно, тьма.

Mondlandschaft

Oben brennt das gelbe Mutterauge.
Überall liegt Nacht wie blaues Tuch.
Fraglos ist, daß ich jetzt Atem sauge.
Ich bin nur ein kleines Bilderbuch.

Häuser fangen Träume bunter Schläfer
Wie in Netzen in den Fenstern auf.
Autos kriechen wie Marienkäfer
Leuchtende Straßen hinauf.

Вагрич Бахчанян и Михаил Басов. Пулемет 1966 г.

ПРОЗА

ПРОЗА

Анжела АРСЕНОВА

Харьков

ДНЕВНИК ПАМЯТИ

В новое дно воспоминаний проваливаюсь, как в пересохшие балки моста, неловко оглянувшись на скрипучий голос досок, прогибающихся под памятью спешащих ног.

Оцарапанные запястья медленно проявляют синие полосы с ржавым краем, капельки крови и пота рожают щемящий вкус солоновато-кислой боли.

Где-то на макушке, ветром тополиного пуха, закипает живая боль.

Горячо поднимается струйка слёз, идущая из детства в невысказанные умолчания взрослости, прожигая бороздки будущего, срывает клапан отстоявшейся тоски.

Удерживаюсь на локтях, неловко взбивая невесомыми ногами сухой воздух, раскачиваясь в луче старого прожектора со скрипучим козырьком.

В сухой темноте проявляюсь узкой лентой, отрывающей моё лицо.

На весу удерживает лишь инстинктивный страх иной, большей, боли.

И борюсь, обречённо подтягиваясь, соскальзывая.

Прошное — безмолвный свидетель — всегда поодаль, записывает в темноте новые оплошности.

Когда просыпаюсь для новой жизни, пьёт мой чай.

Когда умираю, присваивает серебро и фарфор.

Я никогда не помню моих вещей, потерянных чужими на моих дорогах.

Но знаю: они вернутся.

Но возвращения их омрачены. Вместежде ежедневного узнавания, ведущего к разгадке, всегда запоздалой. Теперь я чувствую себя в цепи владельцев моей собственности — одной из многих. Это, как коготь, ложится на мои дни.

Иногда это отдаёт прошлым, никогда будущим.

Зацепившись за одно и то же спасительное слово, балансирую над параллелями рельсов, ускользая от резких реплик диспетчеров-невидимок. Невероятным усилием сосредоточиваюсь на том, чтобы проснуться перед самым отчаянным и бесповоротным падением.

Сотни раз удерживают на весу спасительные слоги невинного тепла, утверждающие границы сна, сужая их до размеров точки.

Только они со свистом проявляются в ушах, возникают из ветра.

Это означает, что жизнь снова открыла единственный пароль.

А посему, я какое-то время буду любить жизнь.

Когда всё окончится дождём на вылинявший мир с розовыми, закопчёнными стеблями жёстких трав.

Смотрю сквозь набухающие слёзы, пока они не вытекут в холодные скулы цвета осеннего песка.

Как славно пожалеть полустанок за один только разговор, осевший в тумане утра, за усталые певучие речи, всегда с несколькими нотками старости.

Согретое милостью покаянных слов сердце тает, как утренний юный ледок.

На мгновение угадываю станцию, отразившуюся в сырых зябких облаках, с проступающими предрассветными скворцами, заглядывающими в серые соцветия утра.

Трепетно равнодушно собирают они крошки прошлого страха, расправляют крылья, намоченные от синих дождей, пролитых на истрёпанные страницы судьбы.

Именно здесь, ближе к сухому переплёту, спят сырой ночью знакомые с детства грачи, скворцы и галки, дожидаясь отпущения предрассветных минут.

Только невеста откуда взявшаяся ворона без страха взглядывает в мои глаза, пока я мысленно целую горячий шершавый клюв её.

Жаркая улыбка восторга усиливается хлопаньем её крыльев, тяжело взметнувшимся чёрный комочек в небо.

В эти розовеющие мгновения сны не властны над пробуждением.

Зябко лежать на нейтральной полосе между жизнью и сном, нащупывая ломаные ракушки и прислушиваться к высыхающим ладоням, отпускающим песчинку за песчинкой.

Сегодня меня снова забросило на эту землю.

Вижу сутулую женщину, перебегающую железнодорожное полотно, перерезанное пронзительным холодным гудком электрички.

Мне никогда не удаётся рассмотреть её лицо.

Возможно, её зовут память.

Жизнь до рождения я провела в этих краях.

А поняла это только сегодня.

Узнаю себя в девочке, которая едва поспевает за женщиной.

Запоминаю спины, нырнувшие, после короткого замешательства, под состав, вздрогнувший мгновение спустя.

Чтобы, встав на колени, не прислушиваясь к всполошенному сердцу, вбежать на старый мост и увидеть всё по-новому.

Раз в год возвращаюсь на черешневый сквозняк моей родины.

Мысли торопятся из душного дыхания в рассвет, распростёршийся за перилами, вязнут в шорохе плотного тумана.

Вуаль немного сна, прорезаемая отблесками невидимых рельсов, готова откликнуться на любой свет.

Детские и женские голоса, пойманные в тончайшие сети, ворочаются и колются меж досок.

Только они, тонкие щепки брошенных слов изо дня в день ложатся в основание старого, как небо, моста.

Возможно, в этом тайна его прочности.

Вечером мост всегда тяжелее, чем днём — из-за усталости плотно уложенных теней, которые и есть воспоминание невесомого о плотном.

Каждый раз переживаю потерю: я обронила именно то, что, как неприметный вначале штрих, не позволяет лицу вполне проявиться, что с каждым пробуждением напоминает о себе всё чаще.

Возможно, это называется потерять лицо.

Но почему мы всегда утрачиваем самые характерные свои черты.

Возможно, для того, чтобы стать другими, потому что отстать — значит никогда не встречаться с теми, кого ещё любишь, стать неузнаваемыми теми, кто думает, что ещё помнит.

Поспевая за жизнью, как при переезде, забываю и бросаю то, что ещё недавно было дорого: мне никогда не удавалось поспевать за жизнью, прихватив все свои воспоминания.

Училась с детства: забудь, иначе застрянешь на каком-нибудь полустанке. Здесь редко останавливаются поезда.

Но кто-то непременно собирает то, что напоминает о нас, прежних.

Ведь я никогда не находила брошенное на прежнем месте.

Семечко тёплых стран прорастает в брюшке серой пичуги.

И лишь в иной, параллельной жизни, которую я проживаю с мыслью (а если бы я не упустила ту или иную возможность) семечко из глиняного горшка бережно пересаживаю в тёплую землю весеннего сада.

Я другая под крепким тенистым деревом. Крона его полощется в небесах, ветви разговаривают с ветром, кора слушает сладкий сок, бегущий до вершины.

Десятки лет висит скрипучий мост в центре воспоминаний.

Он переброшен из тёплой родины в пасмурные дожди гостей.

В день моего тринадцатилетия за прокопченный остов перил зацепился мой белый бант.

Дважды в год от него рождаются белые голуби.

Они выют гнёзда неподалёку, под мостом.

Когда я возвращаюсь сюда в белом сне, пред-рассветные птицы с пучком розового света в голове с тихим клёкотом парят в слоящемся воздухе, образуя дорожку.

Год от году легче переходить через белый мост, потому что голубей становится всё больше.

Поэтому птичий мост плотнее деревянного.

Мне не трудно идти в компании близких, которых с каждым годом всё больше.

Если в далёкие времена они ждали моего возвращения в своих городах, то теперь любые расхождения не препятствие.

И они ждут у самого сердца.

А поэтому дорога к ним длиннее, а встреч не бывает никогда.

Чем тяжелее оттого, что не всегда успеваю схватить их за руку, тем легче на белом мосту, потому что теперь они легче воздуха.

Каждое лето большая семья, в ореоле бабочек и пчёл, раскачивает шаткое основание повисшего над жизнью моста.

Он выдержит тонны светлых улыбок — воздушных поцелуев на прощанье — до нового лета.

Труднее всего удержать единственное слово, выпавшее, как леденец, в пух моста.

В этот миг солнечный луч прожигает дырочку в мягкой сосульке, повисает на нитке памяти.

Раз в год, невидимые для всех (лишь три мгновенья), над мостом появляются розовые облака, и тёплые глаза смотрят в оплывающий глаз леденца.

Я могу парить, пока они собирают фантики ликующих слов раннего тепла.

Ведь в первое мгновенье я вижу леденцовое сердечко на своей груди (словно издалека), во второе — перестаю видеть себя, а в третье — различаю их, струящихся в горячем воздухе.

Так что их улыбки поглощают всё, кем они стали после смерти, которая есть окончанием прошлого и зерном иного.

Они располагаются в порядке, напоминающем знакомый иероглиф.

И на исходе последнего мгновенья узнаю забытое слово, которое, как ключом, открывает предчувствие ночных страхов.

Пока я прихожу в себя, они прощаются клоками розового тумана, брошенного на ветер, как неосознанное до времени пожелание встречи, а слово истает на моих губах, пересыхает, забывается.

Это слово... погоди, я могу припомнить. Нет, не может быть. Это всё меняет в корне.

ЗНАКОМАЯ

Она всегда вращается вокруг тебя как спутник. Послушать её — живёт отдельной жизнью, но очень близко.

Беспокойно инспектирует твою жизнь в поисках лёгкой поживы.

Никогда не находит причины любви других — к тебе, — но хочет знать, почему так любят, хочет быть любимой.

Она примеривает твою жизнь, как плащ, откладывает, покупает похожий.

Пользуется твоими советами, как обновлениями, всегда недолго, потому что зарастает своей привычной жизнью.

Её наряд — яркие тряпки из секонд-хенда, которые уже в примерочной натягивает на себя, чтобы тотчас измениться.

Она быстро живёт, не изменяясь.

Перетекая из одной крайности в другую, она продолжает носить прежнее лицо. И чувствует, что лицо должно изменяться.

Её одиночество, злословие, зависимость от тебя проявляется в изворотливом сквернословии, в котором её лицо словно успокаивается.

Она находит себя в умопомрачительной площадной брани, на которой сосредоточивается как на поиске шпилек, рассыпанных на полу.

И эта брань будто бы должна защитить её от жёсткого мира.

Именно так она притягивает к себе отвратительную жизнь, из которой она как будто бы мечтает вырваться, как муха из патоки.

В ней много от базарной торговли — ловкой, бойкой.

Я хочу перестать думать о ней.

Я надеюсь простить её и себя и проводить её за пределы моего дома, моей семьи, моей жизни и моих мыслей.

Я поручаю её добрым силам этого мира и перестаю беспокоиться, опекать эту взрослую, дерзкую женщину.

Я хочу забыть тревогу, беспокойство, душевные потери в связи с ней.

Я её отпускаю к ней самой.

Я забываю её неблагодарность, оскорбления, зависть, проклятия и угрозы, её чёрные мысли и всегдашнюю хорошо скрытую недоброжелательность, беспомощную вороватую привычку обкрадывать моё время, мысли.

Я освобождаюсь от её — всегда наготове — обвинений в том, что, по её мнению, достойно порицания.

Я отдираю её прилипшую жизнь от себя, как коросту, отрециваюсь, как от порчи, отворачиваюсь от тоскливых глаз.

От неё — раскладывающей пасьянс из мужчин с учётом обстоятельств и материальных выгод.

Я отмываюсь от её томных, приманчивых для неё, пустых приключений свободной женщины, у которой мне ничему не хотелось бы поучиться.

Я знаю, что кровь не наследует родства, и отрекаюсь.

И не хочу думать о том, что по-прежнему люблю её тёплой детской любовью.

* * *

Я думаю о ней отстранённо, словно в пол оборота повернувшись к её по-девичьи отчаянной попытке вмешаться в густую вязкую жизнь, обволакивающую всех, кто замешан в нашей затянувшейся семейной истории — и решительно изменить её.

Почему я так отчётливо вижу эти усилия переделывать всё тщательно и добросовестно, словно от этого зависит важный приз — сама жизнь её?

Ведь мне нет никакого дела до женщины, так последовательно-бестолково повторяющей все мои прежние ошибки.

Но я вижу, словно в зеркале, — её, торопливо бредущую вверх по монотонно гудящему эскалатору, идущему вниз.

Женщину, которая уже догадывается, что человеку свойственно совершать непоправимые ошибки.

Лишь под вечер догадаешься — все подарки распределены утром.

И ты был последним в длинном списке, да и то не ты — твоя неловкая фамилия. Торт съеден гостями, конфет не хватило на всех.

А поощрительная улыбка управляющего праздником означает лишь вежливое напоминание — нельзя быть таким навязчивым.

Молочные реки с кисельными берегами — великодушно приглашение в реальную, без иллюзий, новь, в которой лучшие надежды оборачиваются самыми горькими воспоминаниями о несбывшемся.

Сахарный сироп, поглотивший шершавые клубнички, застывающие в эмалированном тазу — это всё, что случилось с нами, если трезво оценивать середину лета и сносные цены на фрукты.

Запасливо подготавливаются банки и крышки — иногда зима приходится на осень.

Хорошо сваренное варенье держит в клубничках свет.

Тут важно не передержать.

Бесполезный совет — после варки ягоды не должны изменить цвет.

Многим по вкусу густое коричневое варенье.

Компоты — не их стихия.

Эта молодая женщина, похоже, больше других пострадала от безжалостных, поначалу привлекательных отношений (мой бывший муж — она — их ребёнок). Результат — его новая жизнь с ней и без неё — ищи ветра в поле...

Может быть, она так старательно дозванивается в мою жизнь, что догадывается: все мы — участники одной трагикомедии.

Поэтому никто из персонажей не должен надолго исчезать из поля зрения остальных: бесчеловечно бросать оставшихся в беде.

А может, она просто подозревает, что я подскажу выход из тех мест, из которых, на самом деле, нет возврата.

Этим летом в переплёт попала она.

Всегда некстати, она терпеливо и вежливо просит вернуть зачитанную мелодраму, к которой я давным-давно потеряла интерес.

А ей не терпится дочитать последние страницы.

После разговора с ней я всегда чувствую облегчение — мои прежние непомерные страдания давно остались позади.

И я с достоинством несу свой возраст, который даёт мне право быть свободной от пустяков.

Я словно вижу её ночь (отражение моих ночей), в которой она самоуверенно раскладывает будущее на квадраты — далеко идущую жизнь.

Ещё отпущено ей верить в бесконечность жизни, и я не в силах разочаровывать её: это вечность, в которой она надеется взять реванш за тяготы, которые, по большому счёту, вовсе не являются наказанием.

Они и есть будничная жизнь.

С возрастом понимаешь — могло быть и хуже.

При этом она кажется девочкой на окраине вечеряющего мира, печально прижимающей к груди куклу, подаренную ветреным мальчиком, который никогда не отвечает на звонки.

Душу её я увидела в Свято-Рождества-Сергиевом храме, когда она, обречённо прильнув к моему бывшему мужу, напряжённо-внимательно всматривалась в группку поющих детей из воскресной школы.

Её побледневшее от волнения лицо и невидящие глаза навсегда объяснили все её печали.

Только благоразумие удержало меня от попытки примирения: «Мир между нами...»

Зачем тревожнения? Она ждала первенца.

У неё было такое трогательно-беззащитное лицо со старательным макияжем. Теперь уже навсегда милое девичье лицо, которое я могла бы полюбить в бессмысленно-страстной попытке выручить из беды во что бы то ни стало.

Александр ЗАРХИН

Харьков

Родился в ноябре 1952 г. в Харькове. До 5 лет жил на ул. Чернышевского. В пять лет родители перевезли меня жить на Холодную гору, тогда — в район частных домов и садики. В 1972 г. поступил на мехмат ХГУ. Три года в школе, затем два НИИ, потом несколько совсем уж смешных работ (продавал всякое), потом — журналистика (закончил редактором агентства «STATUS QUO»). Сейчас на пенсии. Жил и работал только в Харькове. Печатался в альманахе «Бурсацкий спуск» (Харьков, 1992 г.), лит. газете «Зарубежные задворки» (Германия, 2009 – 2011 гг.), журналах «Союз Писателей» (Харьков, №.12) и «Что, Где, Когда» (Харьков, октябрь 2010 г.). Лауреат премии Масельского за очерк «Учеба подходит к концу» (2011). От автора.

Два года назад я купился на это «как остальные», и он растоптал меня. Он был сильнее всех и чувствовал это. Один из двух он забил мне пяткой, метров с двенадцати, беспощадно — вниз и в противоход. Я был заморожен и подавлен этим концертом. Поэтому, когда после матча он подошел, похлопал меня по плечу и сказал: «Ничего, научишься!», — я даже не понял, что произошло.

Он был в сборной, когда я еще играл во дворе. Он был нашей иконой, учителем. Удар с характерной подкруткой мы учили по нему. Конечно, все мы мечтали играть с ним, но против... — дикая мысль. И вот два года назад я оказался в воротах против него. И он меня растоптал.

После того матча я встретил его в городе.

Я был в том состоянии, когда подумать о чем-то невозможно. И вдруг он, а рядом — девушка, оживший хрусталь над телом кошки. Они прошли мимо, а я... Я сделал то, чего не делал никогда: остановился и по-звериному, подробно осмотрел девушку. Они сразу вернули меня в себя. Я понял, что пристрастен, что завидую. Но почему? И тогда я вспомнил «еще научишься», и мне показалось, что на моем плече выступили следы его пальцев. Я почувствовал, что мое нутро изменило очертания и устремилось куда-то.

Два года я несся к этой дуэли, и вот ее день настал. Мяч, подгоняемый ревом стадиона, снова и снова двигается к моим воротам. Крики, как слепые птенцы, налетают на меня и падают тут же, во вратарской. К концу матча вокруг гора криков. Ладно, потом уберут, сейчас некогда — белое пятно на краю и навес, жестокий, за спину.

Я еще пячусь, но уже понимаю, что так не достать, надо прыгать. Отталкиваюсь и лечу назад, будто выворачиваюсь наизнанку, чтобы удвоить длину. Несколько мгновений мы с мячом летим, потом я выбрасываю руку и пальцами чувствую мяч. «Ничего, еще забьешь, но не сегодня!» — шепчу я, поднимаясь. Он не слышит моего шепота, он, как всегда, спокоен, будто не ноль-ноль и не две минуты до конца.

ДУЭЛЬ

рассказ

За ночь ветер сменился жарой, раскаленной неподвижностью. Из-за заборов свисают стебли винограда, на клумбах стоят толпы цветов, все молчит, будто прикрыв глаза. Воздух, несколько дней натянутый спешкой, устало расслабился и застыл. Кажется, что последним порывом ветер все подбросил вверх, и оно так и осталось висеть в жаркой тишине.

Два дня ветра и один самолет назад, когда меня окружало гулкое сумасшествие, я не знал, что такое неподвижность. Откуда я мог знать?

Я шел по коридору, а там, в конце, мир должен был взорваться стадионам. Еще момент, и чужой стадион бросится на меня тысячеголовым хищником. Вот! Он, как всегда, не долетел. Пространство между лапами уменьшилось до беговой дорожки и поля.

День дуэли. Странно, что я так мало запомнил! Сначала надо было сдерживать рвущиеся к нему глаза. Смотреть раньше времени я не хотел, но, может быть, он не играет? Под действием этой слабости глаза уже рылись в белых футболках. Вот он. Несколько секунд понадобилось, чтобы осознать обычность увиденного. Он такой, как остальные, почти такой. Но он есть. Теперь легче, можно не смотреть.

А через минуту... Я не понял, что показывает этот секундант в черном. Пенальти?.. За что?

На меня обрушивается жара, враждебность стадиона и усталость. Неужели все было зря, два года плюс 89... нет, уже 90 минут? Неужели теперь меня не хватит на одну секунду! Они совещаются, но я знаю, что бить будет он. Пот застилает глаза, перчатки, кажется, сейчас соскользнут с рук... Стоп! Ведь все просто: вот он готовится к удару, а вот я. Мне надо сделать так, чтобы он не забил. Делаю судье знак: секунду! Судья кивает, и я начинаю вытирать пот. Обычный вратарский жест, но все вытирают рукавом, больше нечем, а я, не торопясь и в упор глядя на него, снимаю перчатку и обнаженной ладонью откровенно, неприлично, подробно вытираю лицо. Он не пенальтист. Положение обязывает бить от души. В угол — опасно, можно промазать...

Вот и свисток. Он разгоняется, я делаю движение вправо, но остаюсь на месте и вдруг вижу, как мяч летит мне в голову. Руки! — и почти с той же скоростью мяч летит назад, к нему. Вот он его привычно принимает, обрабатывает, я готовлюсь к новому удару, но вдруг кто-то сбивает меня с ног. Я еще не понял, я не понял, что это наши игроки. Сквозь просветы я вижу его, он растерян, не знает, что делать с мячом... Теперь я понял — все кончилось. У меня никогда не будет такой девушки, будет другая. Я не люблю кошек.

И только после душа, самолета и кучи поздравлений до меня доходит, что он — мой учитель и именно этого я не мог ему простить.

Сегодня наступила неподвижность. Сухими губами она неторопливо шепчет что-то, похожее на заклинание. Я разбираю отдельные слова: ветер, два года, к цели, никогда... Я чувствую себя безвольно плывущим в жаркой тишине. Я болен. Это болезнь превращения. Я превращаюсь в память, у меня ничего не остается, кроме нее.

ВОСПОМИНАНИЯ О НАСТОЯЩЕМ

рассказ

В соплях я тогда была вся-превся, прикинь, буквально с ног до головы! С мальчиком одним рассталась тонким-звонким. Он меня кинул, в смысле — бросил, а этот как раз звонит. Жена у него, видите ли, в командировочку уехала. Такая фишка. То да се, ля-ля-тополя, приходи в гости.

Пришла. Это ж тогда еще было, в Союзе, типа в другой жизни. Смотрю, а у него и волосы, и глаза, и борода, ну все какое-то коричневатое, чисто как у Иисуса Христа. А я ж на него, ты понимаешь, никогда не смотрела в таком ракурсе!

Вообще, теперь, когда сидишь тут, в комнате с видом на Средиземное море, и смотришь, как катер тянет хвост белой пены, пора вникнуть, что

там было. Отсюда всем видно: Совок — огромный коммунальный туалет. Но вот особенность восприятия: когда сам живешь в туалете, вони не чувствуешь. И я не чувствовала, чем я хуже? Выпила, расслабилась, а тут он еще стал трогать пальцами мои уши и губы. У меня чуть крышу не снесло! Сажу, как больная, вот-вот свалюсь, в смысле — в объятия. Правда, долго терпеть он не дал. Полез под юбку, я отпала и опомнилась уже после всего.

Я ему говорю:

— Ты — классный мужчина!

А он мне:

— Моя жена тоже так считает.

Я ему:

— Похвала жены — высшая похвала.

А он:

— Сначала ей было со мной никак.

— А потом?

— А потом я стукнул ее головой о стенку.

— И что?

— Ну, она и проснулась.

Конечно, я поняла, что он прикалывается, и начала ему рассказывать про свой законченный роман, ну про того... Он слушал-слушал, а потом опять меня взял. Я пришла в себя и сказала, что теперь того мальчика презираю. А он меня — еще раз. Без лишних слов. Трахнул — и в Кемерово. Ну, уснул, то есть.

Короче, досмотрели сновидения, а утром же мне захотелось закончить рассказ! Тот урод, говорю... Так он и тут пасть мне замазал. Ему, видите ли, показалось, что он и есть тот урод. Смотрю, сумочку мою со стула снял и осматривает. Тоже еще, экспертиза! Вертит и приговаривает: «Тот — урод, я — урод, и оба хотят пасть отдельно. От тебя», — и мне сумочку сует.

Конечно, его категоричность была мне неприятна. Но у меня тоже есть законная гордость! Да и его понять можно. Человеку надо было элементарно изменить жене. Потрахалясь — и назад, в лоно семьи, как говорится, и личной собственности. Уходить, конечно, было в облом, но я взяла себя в руки, вошла в положение и ушла. А что было делать!

Через два года мне сказали, что его семья свалила в Штаты. Все, кроме него. Эх, думаю, была ни была! — и позвонила. Он ответил, что сегодня не может. Я позвонила завтра.

Он тоже не мог. Смог только через неделю. Ладно, говорит, приходи.

Ну, привет-привет, выпили вина. Я ему: почему ты остался тут? А он: тут мне лучше. Еще выпили. У меня, говорю, с тех пор целая жизнь прошла. Ну и стала же ему рассказывать за жизнь! Вроде, нормально сидим, я рассказываю, а он вдруг говорит:

— Я не понял, что изменилось?

Ну и вопросик! Только я рот раскрыла, а он еще:

— Ты на себя со стороны смотреть умеешь?

— Нет, — отвечаю, — пусть другие смотрят.

— А что больше любишь — слушать или говорить?

— Слушать. Не люблю болтать!

— Ну, — говорит, — тогда слушай, пойдем в кафе. Кофе что-то хочется, а у меня нет.

И мы поперлись аж в центр, чтоб он попил кофе. Выпили. Сидим. И тут я возьми да и ляпни, что еду в Израиль. А он:

— Думаешь, тебе станет лучше, если ты перенесешь себя на юг?

Прикидываешь, следовательно нашелся! Что ответить? Если ты патриот, так это ж надолго! Хотела ему исполнить быль про ковыль, но, ты вникни, он и тут меня сделал. Можешь, говорит, сразу представить, что мы в Хайфе. Или в кайфе. Опять, то есть, прикололся. Ну, в общем, хи-хи, ха-ха, поздно уже, он, вижу, инициативы не проявляет, а решать надо. У нас, говорю, два варианта: или поехать ко мне пить чай, или к тебе — допивать вино.

Он на меня как глянет!.. Как на моль. Все, думаю, щас пошлет. Но нет, не послал.

— Неужели, — говорит, — целых два?.. Тогда уж лучше вино!

Короче, слово за слово, приехали к нему, выпили, и после вина он таки мной овладел. А после сел, уставился на шмотки и говорит:

— Дурацкое занятие... Одевайся, я тебя до метро провожу.

И начал туда-сюда ходить, собирать мою одежду. Чисто, как на колхозных полях. Возьмет шмотку — и бросает мне, на диван. Я говорю:

— Давай останемся у тебя!

— Нет, одевайся.

— Но это же глупо! Давай поедем ко мне!

— Одевайся, по дороге поговорим.

То да се, оделись. Вышли, идем. И тут он вдруг:

— Встречаться с тобой я больше не могу.

— Почему?

— У меня ничего для тебя нет.

— А мне ничего и не надо.

Идем дальше. Молчим. А напряг растет!

— Давай, — говорю, — побудем вместе до моего отъезда!

Молчит.

— Давай я никуда не поеду, останусь с тобой!

Опять молчит. А потом как крикнет:

— Езжай!

Я аж шарахнулась! Отскочила и вижу, что мы уже на платформе, а из дырки прямо на меня лезет поезд.

И вот, прикинь, только двери открылись, он опять говорит «едь» и легонечко так подталкивает меня. Внимание, мол, на старт. А я в шоке, ничего не соображаю, как кукла втискиваюсь в вагон, поворачиваюсь, двери съезжаются, там, за стеклом, он стоит, тут все дергается, начинает реветь, а я стою и чувствую, что сама сейчас зареву.

И вот еду я в этой толпе, реву, остановиться не могу, в окне темно, вокруг плятятся, но я же не же-

лезная! Они таращатся, а меня от этого еще больше колбасит. Короче, выскочила на следующей, что делать — не знаю, а тут обратный поезд.

Не помню, как меня переключило, но вернулась я к нему. Давлю звонок, а в башне — только бы впустил!

Он впустил. Осмотрел мое лицо.

— Садись, — говорит, — хочешь чаю?

Села.

— Я боялась, что ты не откроешь. У тебя выпить есть?

— Есть, — говорит, — чай.

Ну, чай, так чай. Взяла чашку и пью, чисто как дура. А терять-то все равно уже нечего. Дай, думаю, рискну, испытаю судьбу в последний раз. Собралась с духом и как с моста:

— Можно я останусь?

И тут же смекнула, что зря тренькаю. Он и не глянул. Вообще к окну отвернулся.

— Ты, — говорит, — призрак. Нет тебя.

Встал со стула, пошел в другую комнату. Слышу — открыл форточку, закурил. А я уже никакая. Сижу, браслет по руке двигаю туда-сюда-обратно. Состояние клиническое: ни умереть не могу, ни выжить. И, чтоб хоть что-то сделать, снимаю тот браслет, отшвыриваю, не останавливаясь на достигнутом, снимаю все остальное, пешком иду в другую комнату и с разбегу, со всей дури прижимаюсь к нему всем телом.

Думала, не выдержит. Выдержал. От неожиданности, правда, повернулся конкретно, как оттолкнул. Я чуть не упала, а он стоит, смотрит.

И я смотрю. Из форточки дует. Минуты две так простояли, а потом он опять отвернулся и говорит:

— Оденся, призрак.

— Да, — говорю, — ты прав.

Вышла, оделась.

— Я, — говорю, — живу, как в кошмаре!

Слышу, он даже от форточки не отошел. Стоит там, дым пускает, аж свистит.

— Уходи, — говорит, — пожалуйста!

Ну, я и ушла. Сколько же можно унижаться! Иду по улице и вдруг, блин!.. Да я ж у него браслет забыла! И, прикинь, только до меня это дошло, как слышу сзади:

— Стой!

Стала. Обернулась — летит, окрыленный разлукой. Сразу видно — по делу. Короче, догнал, тормознул и палец свой мне сует. А на пальчике том мой браслетик болтается.

Ну и хер с ним. Пусть сидит там, в самом большом сортире! В моей жизни с тех пор изменилось практически все. Прикинь, вон Средиземное море, а вот я сижу. Там катер ползет к берегу, а тут мне один человек должен позвонить. Минуты, как говорится, ожиданием полны. Но этот-то уж точно позвонит. Сто процентов.

Сергей КАЧЕЧКА

Харьков

УНИКАЛЬНОЕ СРЕДСТВО (*Russian Fairy Tale cover*)

Пар из чашки, наполненной зелёным чаем, медленно поднимался вверх и растворялся в воздухе. За этим мини-круговоротом воды в природе уже несколько минут, в ожидании охлаждения напитка, наблюдал томным взглядом мужчина средних лет в очках. Чашка стояла на столе в кабинете психолога Степана Александровича Уточкина. Собственно, мужчина в очках и был вышеупомянутым Степаном Александровичем. В кабинет к нему на приём зашла очередная пациентка — в сером брючном костюме «в полоску» и белоснежной блузке. Когда она быстрым шагом подходила к столу доктора, её ярко-рыжие волосы развевались, словно рассыпали искры огня. На бледном лице выступал румянец, блестели изумрудные глаза, а пухлые губы слегка дрожали...

— Мы с мужем поначалу, как поженились, жили душа в душу. А сейчас его как будто кто-то подменил. Утром я спешу на работу, готовлю завтрак, нужно ребёнка в детский сад отвести, а он в это время дрыхнет! Мне надо одеться, сделать макияж, а я не успеваю! Кричу ему ласково: «Андрюша! Вставай! Надо Ирочку отвести в садик!». А он спросонья отвечает грубо: «Отстань от меня! Дай мне поспать!». Представляете! Я ему слово, а он мне — два. Я ему — пять, а он мне — десять. И буца в квартире поднимается, и в итоге ребёнка уже поздно в садик отводить, и на работу я опоздала... И он у меня такая свинья! Я пытаюсь бороться с чистотой по дому, а он и посуду не моет, и полы не моет, и пыль не протирает...

«Наверное, имела в виду бороться за чистоту», — подумал Уточкин. — Та ещё точильщица

ляс. Хотя её болтовню компенсируют роскошные жгучие рыжие волосы...»

Степан Александрович только сейчас осознал, что уже несколько минут беспардонно рассматривает грудь третьего размера своей пациентки, но, похоже, та была всецело поглощена своим монологом.

— Ведь он бывает и ласковым, и нежным... — продолжала она, — но иногда на него что-то находит, и он становится каким-то грубым. Постоянно грызётся с ним. Что вы можете посоветовать, доктор?

Степан Александрович усталым движением снял очки, вытер пот со лба, водрузил «оптику» на свой нос и ответил:

— Вы знаете, то, что вы мне сейчас рассказали практически, абсолютно идентично тому, что я много раз слышал от других своих пациенток, и в несколько другой форме — от пациентов. Вы знаете, есть одно уникальное средство... Мне его коллега привез из Японии в очень маленьком количестве. Но специально вам я, так и быть, пропишу.

— И что за средство?

— Это уникальная жидкость, в которой сконцентрировано огромное количество натуральных добавок, различных витаминов. Не содержит генно-модифицированных организмов. Вы знаете, совершенно уникальнейшее средство. Релаксационный эффект. А сейчас я вам его принесу.

Он вынес пластиковую бутылку. На красном фоне упаковки «отливали золотом», как предположила женщина, японские иероглифы. Субстанция в бутылке выглядела абсолютно прозрачной.

— В случае, — продолжал врач, — если муж снова начнёт ругаться, то вам следует набрать в рот этой жидкости. Ни в коем случае не глотайте. Держите лекарство до тех пор, пока не придёт состояние спокойствия. Вместе с вами успокоится и муж...

Через неделю пациентка вернулась с сияющим от счастья лицом.

— Степан Александрович! Большое вам спасибо! Ваше средство творит чудеса! Как только Андрюша хочет сказать мне что-то обидное, я вашего лекарства сразу в рот набираю, он сразу же замолкает и успокаивается вместе со мной!

Через пятнадцать минут счастливая женщина вышла из кабинета, доверху нагруженная новыми партиями уникального средства. Психолог нажал на кнопку вызова секретаря.

— Да, Степан Александрович?

— Катенька, помните, у нас в шкафу в коридоре стоял ящик с пустыми бутылками?

— Это на которых вы две недели назад зачем-то наклеили этикетки с китайскими иероглифами?

— Да. Они самые, — Уточкин радостно потёр руки, — наполните их, пожалуйста, обыкновенной водой. Я, кажется, придумал, как можно делать из неё неплохие деньги...

Игорь КОЛТУНОВ

Київ

ТРЕТЮ, І ПО ДОМАХ...

Кременчуцькі балкони старих хрущовок, у їхні колодязі видно провінційні артерії міста, блаженних перехожих, які йдуть не замислюючись над майбутнім і не сильно переймаючись остаточним пунктом призначення. Тут у бурштині межчасся збереглися забуті у мегаполісах характери, породисті люди радянської епохи, яким так і забули повідомити про капіталізм і супермаркети. У їхніх квартирах і досі старі книжки у шафах пахнуть шоколадом та смертю.

Серпневе сонце завжди помирає на горішніх поверхах. Серпневе сонце ніколи не питає дозволу зникнути. У старому холодильнику «Донбас» у кременчуцького пенсіонера-науковця завжди є чим пригостити гостей. Вода пліщється і її склад змінюється на очах, коли їй кажеш слово «спасибі». Вона стає ніжнішою і, хай простить Венідікт, медовою стає вона вже після третьої, а третя, як відомо, завжди найсвятіша. Третя, як відомо, завжди — просвітлення!

Я славлю бруківку, що під ногами стелиться, славлю дощі, що на короткому старті, славлю старенький «фіат», що під брюхом мого балкону проїхав, і не замислився, що побачений був, що іде в безодню буднів, з яких ніколи не вибереться. З яких просто нікому з нас не світило вибратися...

ОСАННА! ЛІТО

Блаженне пивне забвіння. Морок денний? Щось чув про нього? Солод, хміль, хміль, солод, різницю відчуваємо? Ні? А різниця є.

І просякнуті мирром прозорі спіднички перехожих киянок, і осяяні сяйвом безпосередності голоси столичних безпритульних. І усе тут добре, навіть доторки до сенсорних клавіш священні, бо задоволення приносять. Помирає бруношульцівське літо, морозиво «Лакомка» ніхто не купує, всі всотують священне літо, пору, коли одяг, тягар, коли під сентетичними майками розбруньковується дівоче літо. Будьте щасливі молоді і красиві, стрункі і спянілі, світ ваш, лише нахилиться і підіймиться. Осанна!

Лишилось ще хвилин 30. І хай тільки спробує автор сказати, що не жив

ПАННОЧКА З ЧЕРВОНОЮ ПАРАСОЛЬКОЮ

В'єтнамська продавчиня на галасливому ринку сказала їй: коли йде дощ, і всі східні боги закривають обличчя долонями аби не намокнути, на цій червоній парасолі проступають візерунки. І ось що на ній зображено:

Шляхетні східні пані кидають віяло до ніг хоробрих самураїв, які знічено замирають у передчутті солодкого щастя під кронами сакури. Таких парасоль більш ніде немає, таких парасоль ви не знайдете навіть за дитячим ринком.

Вона віддає все, що було у кішені, і ціле східне царство потрапляє до її дівочого наплічника. І поки водій автобуса рахує решту, декому з пасажирів здається, що він чує мелодію східних дзвоників і удари мечів благородних бусідо, що ударами схречуються за честь незайманої Сацумі.

Промінь сліпить очі крізь листя дерев, коли під її пальцями фікус отримує більш просторий глиняний горщик. Уночі вона пахне молодою кукурудзою. Привиди шанобливо ховаються, коли її вії здригаються перед ранковим прокиданням. Вона показує пальцем у небо, і за мить там з'являється літак — літак, який, попри все, збереже наші душі від смутку.

Передчуваючи веселку, на місто падає дощ. Під дахом ховаються сполохані голуби. Лише після третьої блискавки над Нею розкривається червона парасоля. Сьогун підіймає меч, і ледь чути, як на підлогу падає дерев'яне віяло. На розкритому червоному полотні розпочинається стара як світ казка із щасливим кінцем — казка, яку не бачить ніхто, окрім Того, хто дивиться згори.

Геннадий КРЕЙМЕР

Ганновер

Креймер Геннадий Юрьевич, поэт, историк культуры, участник Набоковского проекта Б. Бойда «Ada online». В конце 2012 года в изд. «Симпозиум», СПб, издан его перевод книги Брайана Бойда «Ада Набокова: Место сознания во вселенной».

ЗАПИСКИ ИЗ-ПОД ЁЛКИ

На той стороне озера семья (каникулы, дача, ягоды). Искупалась (мостки, сходни: здесь такое повсюду). Я решил не мелькать, притаился. А они сели на прибрежную скамейку и уселись сидеть. Такую неторопливость я встречал раньше только в самых сонных странах (Прованс, Андалузия). Но всё по порядку. Пока они сидели, я прошелся по берегу (своему), поел черники, с удовольствием обнаружил морошку, тоже поел. Они оставили сушиться мокрые вещи, и пошли в лес. Так что теперь искупаюсь я. Не знаю, может быть, их спокойствие объясняется воскресным днём. Кажется, и людей стало побольше (надеюсь, так будет не всегда). Сейчас в третьем месте, (если первое — моё, а второе — главное, со сходнями) с прибрежного камня (я был на нём утром) по очереди прыгнули две тётки и собака, совершенно одинаковым образом (утром я с него сам прыгал так же, иначе не получается).

В сонных странах лень проявляется иначе, чем, скажем, в Германии. Там (в последней) всё делается с толком. Если он сидит целый день

на озере, то это из любви к природе и здоровью. А чтобы, не загорая и даже не глядя на давно не замечаемое море, сидеть на берегу на солнцепёке в черной куртке и ничего не делать — такую мудрость встречаешь только «на юге».

После бессонной ночи я вылетел из Г. на рассвете (летел маленьким дряхлым самолётиком с пропеллерами, грязными креслами, забитыми клозетами и замученными стюардессами, очень вяло исполнявшими традиционный предвзлётный танец), через час был в Копенгагене, где почти 2 часа должен был ждать пересадки. Я нашёл приют в углу зала на диванчике, на который какие-то мерзавцы проливали липкие напитки, а плиточным краем пользовались как пепельницей, но мне было всё равно, только боялся заснуть.

В середине предыдущего предложения мои путевые заметки подверглись крещению кроплением. Какая-то полоумная овчарка в сопровождении своей хозяйки совершает ежедневный круиз вплавь, высаживаясь во всех точках озера, пригодных к высадке. Выйдя ко мне, она отряхнулась, взяла в зубы самую большую палку (метра 3) и стала бегать по моей полянке, а я, значит, прыгаю в стороны; она потопталась грязными и мокрыми лапами по моему коврику, по тетрадке и в общем ушла. Нет, это — не «обретенный рай».

В Хельсинки я прибыл еще одним самолетом, подумал, что было бы забавно потерять в пересадках багаж, погулял по городу в сторону «информации», получил ее, и пошел пешком в сторону Lohja, город, который я выбрал заранее, километрах в 50-ти от столицы (больше, впрочем, похожей на уездный русский городок плюс электрификация всей страны). Я шел пешком сначала вдоль залива (в который попутно окунулся, вода — ледяная), потом по скучной окраине, где я спросил у доброй тети дорогу. Она ответила, что Lohja далеко, а вот вдвое ближе есть Nurmí, ничуть не хуже. Я продолжал идти, рассчитывая взять автобус, когда надоест. Проходя какими-то сомнительными лугами (параллельно дороге в Turku, где водятся автобусы), я был встречен двумя личностями с собакой. Один был пожилой, с болезненным румянцем и с виду не вполне нормальный, другой молодой, косоглазый, очень толстый, флегматичный и тоже едва ли здоровый.

Старший говорил со мной только по-фински, а младший лениво переводил. Речь шла о проповеди Евангелия всей твари. Я назвался христианином, и, мне показалось, они чуть приуныли. После более традиционных вопросов старший сказал: но ты ведь не русский, а кто? Когда я ответил, он стал буквально скакать, как Давид перед Ковчегом, и после того, как я отказался от предложения переночевать у них дома (на противоположном нужному конце города), я отправился дальше, напутствуемый благословениями на меня и на гонимый народ Израиля. Когда через некоторое время я вышел к остановке, автобусы долго на меня не реагировали, проносясь мимо. Я обратился к велосипедисту растафарского вида (оказался алжирцем), который сказал просто: да они тут расисты подспудные; ты не блондин, так что ступай лучше на паровоз. Однако следующий автобус остановился; правда про Nyrigi ничего не знал, по-английски не говорил, но взял с меня 2-20 и повез. Когда я заметил, что еду не туда, я подошел к нему с вопросами, но он только остановил автобус, не торопясь достал расписание и стал искать. Я думал, пассажиры меня линчуют. Ничуть не бывало. Все терпеливо сидели, и наконец он указал на остановку через дорогу (т.е. в обратную сторону) и я вышел, не скрывая досады. Он уехал. Я остался один в каком-то унылом пригороде. И тут случилась странная вещь, вдруг объяснившая смысл всего этого зазеркалья.

Передо мной стоял велосипед, очень старый, очевидно брошенный, очевидно на ходу, с надутыми колесами, и вдобавок элегантно опиравшийся на кочергообразную подножку. Я оглянулся, хозяина не увидел, сел и поехал.

День склонялся к вечеру («и преклонился есть день...» — помните?), когда я увидел надпись Nyrigi; еще немного проехав, решил свернуть, мол, озеро от меня не уйдет. Ехал я всё вверх, въехал в какой-то поселок, на окраине которого и заночевал под какой-то вышкой. Утром, съезжая с горы, я окончательно заплутал, и после ходьбы через лес вышел еще в какой-то поселок, где у молодого финна спросил дорогу к озеру. Он снабдил меня картой, из которой стало ясно, что я сделал изрядный крюк, и вернувшись на дорогу, должен буду еще раз въехать в Nyrigi.

Найдя озеро, я начал выбирать места. Как и можно было ожидать, это оказалось совсем не просто.

[Только что подошла группа школьников, остановились на камушке в 2-х метрах от меня, и громко разговаривая и сплевывая, стали курить, а теперь ходят вокруг. Ушли. Искупаюсь — продолжу. Станные все-таки эти финны, и школьники, и собаки.]

Ну вот. Наудачу сворачивая в разных местах с дороги к озеру, я обнаружил, что или подхода к воде — нет, т.е. тростники, болото, или есть, но там уже стоит дом со всеми удобствами. Наконец

я увидел в изгороди, отделявшей озеро от дороги, калитку без замка и надписей.

Войдя в эту калитку, я увидел слева от ведущей к воде тропинки пригодное для жилья место на огромном камне, высоко над озером, а прямо по тропинке вниз — спуск к мостку со сходнями. День, и два прожил я с видом на озеро (это действительно очень красиво, томительные, медленные закаты и т.д.); купался я, используя этот самый мосток, у которого подозрительно лежал чей-то ковш, рыбный садок и два флакона от солнечных ожогов, будто мы где-нибудь в Валенсии. Никто не приходил.

На соседней даче тоже никто не реагировал ни на мое купание, ни на костер, и я решил обосноваться, т.е. для начала закупить еды.

Задумав обогнуть озеро с севера, чтобы потом выехать на дорогу западнее, я уперся в конец дороги, и спросил людей, гулявших в саду, как мне быть. Крупный парень, английский которого звучал как родной, спросил, откуда я: «не могу уловить твой акцент». (Сам он оказался голландцем). Когда я предложил отгадать, он сказал: Италия. Я удивился: не может быть, чтобы я звучал по-итальянски. Он говорит: да нет, просто с виду так. *[Это, между прочим, немецкая черта: не слушать, а смотреть.]* Хозяин дачи проводил меня по тропинке до дороги и я, хоть и попетляв, через пару часов доехал до магазина (он обещал мне 15 минут). Обрато я ехал примерно так же: на свою восточную сторону озера с юга был бы большой крюк, там дорога сильно уходит на восток, а потом возвращается под острым углом, все это километров 5. И вот я — у своего угла (северного), но забыл, где была тропинка; поехав не туда, я был окликнут бабой, копавшейся в огороде. По-английски она не говорила, но долго меня куда-то вела (вот, думаю, добрая, не понимает, но ведет, а я к этому времени был от финнов в полном восторге).

Приводит она меня к соседнему участку, зовет кого-то. Очень неспешно выходит старый стройный финн, лучащийся добродушием, с волосками, равномерно растущими из подбородка и из носа. Я ему объясняю свою проблему: забыл тропинку, а он все так же лучась и не спеша говорит: никакая это не проблема (а я уже таю от благодарности). Значит, едешь сначала сюда (показывает трясутым пальцем дорогу, по которой я приехал), потом по большой дороге и т.д., то есть посылает меня целиком вокруг озера обратно, что, учитывая еще пару км, которые я сделал вдоль этой западной стороны, составит уже 7. Я говорю, да я здесь уже был утром, я ж отсюда пришел, здесь тропинка. Он говорит: нет. Я говорю, мне люди показывали. Он говорит: из Таиланда? (В общем, кошмар нарастал быстро.) Здесь, видишь ли, частные владения, и лучше тебе не упрямяться (он начинал сердиться), мы за это живем, умираем и платим, и прийти отсюда ты не мог. Я в отчаянии сел на

землю (очень устал), а он спокойно встал за моей спиной, и спешить ему, очевидно, было некуда.

Посидев так минут 10 (а солнце садилось), я увидел людей на соседнем участке и устремился к ним, взывая о помощи: спасите меня от этого сумасшедшего, мне тут 100 метров пройти, а он меня посылает вокруг озера, да еще и стоит над душой. А старичок тут как тут, следит, значит, чтоб беспорядка не вышло. Они посоветовались и сказали, что он прав. Он же, вдохновясь, стал на меня покрикивать про собственность и соседей. Я попросил не кричать. Он заорал громче. Я спросил, чего ему от меня нужно и кто он вообще такой. Он еще громче заорал: а ты кто такой?

Одновременно я хотел заехать ему в рыло — при свидетелях, которые только того и ждали — и оценивал переход всего диалога в Балаганово — Паниковскую сторону. Трезво сообразив, что платить финский штраф финской полиции мне не выгодно, я позорно удалился. Отъехав метров 100 я пошел карабкаться по склону (камни, бурелом, мох, сучки), чтобы все это обойти и вернуться на исходную. Я вернулся, попал еще на один участок, на который как раз зашла тетка из семейства вынесшего вердикт, я обратился к ним, они не понимали, тетка же на мои моления сказала, что я устану еще больше, если их не послушаюсь, монолингвисты же улыбались и ничем помочь не могли [«и все было страшно, как в младенческом сне», — помните?]. И я пошел еще раз в обход их драгоценных владений по бурелому, царапая ноги и проваливаясь между поваленными стволами, часто неся велосипед на себе и чудовищно потев (затарился на неделю, о чем еще предстояло пожалеть). Через полчаса этого ужаса я опять очутился на задах этих четырех — пяти домов, где я уже был, но ошибся *driveway*-ем. И вот впереди я вижу молодую пару с картой в руках, явно сворачивающую на искомую тропинку. В это же время справа от меня я вижу в огороде бабу, с которой вся эта сцена началась и которая медленно начинает проявлять любопытство. Я бегу к моим спасителям, лихорадочно ныряю на тропинку и захлебываясь пересказываю им давеча пережитое. Перед нами проволоочная изгородь, справа от которой гладкая тропинка, а слева — не гладкая. В правой я узнаю то, куда мне нужно, но они говорят: это чья-то собственность, а вот тут — недалеко. И я малодушно иду с ними, сразу же глубоко протыкаю голень; их дорожка — такой же бурелом и все это уже было. Я говорю: нет, мне сюда, извините; они говорят да тут всего “a few” сотен метров. Я говорю: благодарю покорно и — наутек. Пропотела рубашка страшно, и на следующее утро (суббота) я на утреннем купании ее прополоскал, да там на скамеечке и оставил сушиться. Самое время появиться хозяевам, — думал я, кипятя воду для чая. Действительно, приходят хозяева, видят чуждую футболку, поднимают глаза и видят на своем участке дым, а больше всего на свете финны боятся лесных пожаров, а такого сухого лета не

было 45 лет. Что было следствием свиданья, увы, не трудно угадать. В самую жару я вынужден был искать другого места со всеми своими покупками. И вот я здесь, в окрестностях городка Veikkola (произносится с запинкой между обеих k). Здесь и менее чопорно и уютнее и ягоды есть (там-то всё выгорело на солнце). А нашел я это место, попросту заблудившись во время поездки в магазин.

И вот теперь я ухитрился еще раз заблудиться точно так же и попал куда хотел. Я подозреваю, что в такой близости от столицы это место — лучшее. Но, какая тоска, Цинциннат! Ведь я отправлялся искать потерянный рай, а он бывает только потерянный, и это сказано давно и не мною.

Понедельник. Сегодня первый не выходной день здесь. Поглядим, чем он отличается. Вчера поставил палатку. Во-первых, ночами холодно (поспал в палатке, всё равно холодно: дело в граните, на котором я сплю, он прикрыт тончайшим слоем мха, и ночью остывает как ледник, надо было наковырять моховых подушечек в лесу и уложить, а теперь лень). Во-вторых, я не делал этого лет 15 (!) и теперь, залезая в нее, испытал душераздирающее прустинское откровение (был, правда, готов: *‘expected revelation’*).

Идея, что в акте обретения времени время исчезает, и становишься неуязвим и бессмертен, звучит натяжкой, но любому кто пережил это — очевидна. В общем, в свои расселины вы приняли певца, граниты финские, граниты вековые. Когда я, переезжая в субботу, повторно заблудился, дорога кончалась каким-то отелеподобным заведением. Там под зонтиками пили пиво трое парней лет 20ти, и им я сказал, что моя карта кончается ровно на этом месте.

Только чуть погода я заметил, что они в стельку пьяны, как, по-видимому, и все окружающие. Несмотря на это, они меня усадили, стали расспрашивать, и один приволок из отеля распечатанную бумажку с картой тропинок, а другой — из машины что-то типа желтых страниц (только зеленые) с подробнейшей картой региона (третий, самый толстый, просто не мог встать). И вот когда я с третьим остался вдвоем, из-за соседнего столика что-то урчал пожилой финн в черных очках, едва ворочая языком.

Продолжение следует...

Анна МИНАКОВА

Харьков

Двадцатисемилетний харьковский музыкант Анна Минакова — член Национального союза писателей Украины и Союза писателей России, в литературе более известна как поэт, автор трёх книг стихотворений и рисунков (экспонировались в Москве, Питере, Харькове, Париже, Джерси-сити), лауреат Всероссийской премии им. С. Есенина (2005) и многих других премий; дипломант Международного форума славянских искусств «Золотой витязь» (2012).

ЛЕСТНИЦА

I

Мы, четверо, вышли из стекляшки метро на универе, дождались первой Рождественской звезды и запели: «Добрий вечір тобі, пане господа-арю... хе-хе. Давайте-ка ещё разик. Добрий вечір то-о-о...— Не, лучше средний голос я петь буду, а то что-то не звучит.— Добрий вечір то-о-обі, пане господа-арю... бу-га-га-га-га. Ну и фальшь, господа! Хе-хе!»

И мы пошли колядовать.

Поначалу на нашем пути не было жилых домов — сплошные университеты, гостиницы, магазины и офисы, и людей вокруг тоже не было. И мы шли, шли, шли... Вдруг откуда ни возьмись — огромный дом. Вообще-то, если честно, я тут приврала, что дом этот появился вдруг и откуда ни возьмись, ибо мы с Мушкой прекрасно знали, что наши ноги в процессе блуждания по скользким безлюдным улицам рано или поздно приведут нас к этому дому и этому подъезду, и мы остановимся перед этой вот дверью. Мушка бледнеет. Тиша с Алинкой, ничего не подозревая, нюхают потеплевший воздух и задирают головы: там, у жителей почти уже родного дома, тянутся цветы герани за оконный переплёт. «Давай войдём,— говорю я Мушке,— поколядуем ему».

II

На металлической серой двери его подъезда, суровой ледяной двери, стоял кодовый замок. Казалось бы, эка диковина — из десяти кнопок выбрать три нужных. Мы сразу — как умные — бросились варьировать и комбинировать, искать кнопочки, истёртые частыми прикосновениями добрых жильцов. Однако кнопки были, метафорически говоря, на одно лицо, видно, пыльца с пальцев милых жильцов не хотела оседать на холодных кнопках. А может, до нас сюда ломались толпы чужих, неверных, которые, подобно нам, теперешним, оббивали пальцы, полируя ненужные, неправильные кнопки, и заламывали руки пред неумолимым холодом безмолвствующей его двери. Да, и мы, открывавшие ранее десятки таких же, ёлки-палки, бесхитростных кодовых замков, ощутили полное бессилие, продолжая всё же шарить по кнопкам.

— Не выходит, друзья!

— Давайте ещё попробуем!

— Пойдём в другой подъезд, а то на нас уже люди смотрят, много людей.

— Та то они автобус ждут. Кому мы нужны?

Но руки опустились как-то сами собой, и мы, опечаленные, поплелись прочь, минуя горящие окошки.

III

Так, плетясь, мы очутились около первого подъезда того же дома и решили открыть «ну хотя бы для начала» первый подъезд. Без особой радости наши ведущие взломщики — Алинка и Тиша — подступились к новому замку. Замок раскололся моментально, чем поприбавил оптимизма в наших рядах. Мы представили, как вот щас поднимемся на лифте на самый последний этаж, позвоним в самую красивую дверь, нам откроют добрые люди, мы spoём им свою колядку, и они отсыплют нам конфет и мандаринов. (Конфет уже хотелось.)

«Щас, щас мы вызовем лифт», — сказали мы, выплёскивая снова нарождающиеся на наших губах интонации колядки.

Неожиданно из-за сомкнутых створок лифта донеслось: «Люди! Помогите! Я застряла!»

Мы прислушались. Дальше из глубины лифта последовало унылое, но обстоятельное разъяснение, куда нам пойти и кого позвать. Мушка крикнула: «Да-да, вы не волнуйтесь, мы придём, мы позовём, да-да!» Мы нетактично заржали. Мушка сказала нам: «А вы представьте, как ей там, этой тёте... Праздник уже, а ей там темно и страшно».

IV

Следуя указаниям Тёти-сидящей-в-лифте, мы отправились на поиски слесаря — в подъезде с весьма внятными координатами (кажется, 19-А) — и не могли найти. Ходили вокруг да около. На очередном витке блужданий между восемнадцатым и двадцатым подъездами мы, притомившиеся, остановились и думаем — может, спросить у кого, у сенбернара, вон, который снег лапами гребёт, у жирного голубя, у примороженной лужи, ещё у какого-нибудь человека, или так и будем крути наматывать, а до конфет, до шоколадных, до мандаринов — дело не дойдёт. Ой, а что это за дверь, такая невзрачная, облезшая? Опа! Да это же наш 19-А подъезд! А давайте-ка заглянем, давайте позовём дядю-слесаря! У-у-у, вот это мрак, да тут же хоть глаз выколи (лучше не надо), мамочки, ступеньки! разве что серой и палёными шкурами не разит! Эй, Мушка, ты куда? ты где скрылась? что там, есть что-нибудь?

Там был слесарь, которого Мушка извлекла из мрака, из Тартара, из Аида. И мы пошли колядовать. А слесарь отправился спасать Тётю-сидящую-в-лифте.

V

Затем мы долго и плодотворно колядовали во мрачных подъездах.

VI

Наконец, полные мёрзлых шоколадных конфет, собравшие немного денежек, доедающие мороженые бананы, мы подошли к тому самому его подъезду. Людей вокруг почти не было (видно, дождались-таки своего автобуса). А вот кодовый замок — был. Я думаю, в глубине своей замочьей души он смеялся нам в лицо. Вот так: «Ха-ха-ха». «Скрипя сердцем», но веруя, мы подступились к нему. Когда что-то в механизме чудесно щёлкнуло, мы решили, что щёлкнулись сами (и освободились от земных бед), до того это было неожиданно и милостиво. Дверь приотворилась.

VII

Вы думаете, нас там встретил огнегривый лев и синий вол, исполненный очей, и иже с ними? На первый взгляд, внутренности подъезда были самыми обыкновенными. И на второй. И на третий. Но мы с Мушкой знали: там, на каком-то этаже, там не только... там даже золотой орёл небесный, чей так светел взор незабываемый. Мы пропели «Радуйся!» несколько раз, оттачивая певческое мастерство: хотелось ведь перед ним не облажаться. И поднимались по лестнице, гадая, как оно всё будет:

— Ой, он точно подумает, что мы бешеные-дурные!

— А представьте, выходит он в носках вязаных полосатых, в футболочке, и кричит: «Па, тут колядовать пришли!» — а мы поём мерзкими своими голосами.

— На каком он там этаже?

Лестница светлела и просветлевала с каждой ступенькой.

— А вдруг он занят сейчас, и не захочет нас слушать?

Кажется, Тиша с Алинкой давно уже всё поняли.

— Ой, а может, не будем? А может, вернёмся, поручик Голицын?

И подошли к двери.

— Нет! Нет! Я не пойду туда, нет! не буду петь, а-а-а! — так сказала Мушка и заполоскала белыми ладонями. — Нет! Нет! — и бросилась куда-то вниз, во тьму.

Я взглянула на дверь. Дверь сияла.

И внутри у меня все прояснилось, устаканивалось и потихоньку возликовывало.

— Ну что, все настроились? Дайте «ре», как там «ре»?

— Ре-е-е!

Звоним? Звоним.

Там зашебуршали замком, появилась щелочка, и хлынул свет. Выглянул очень усатый дядя (Отец!) и недоуменно на нас уставился.

Мы бодримся.

— Колядовать можно? — говорим.

— Нет, девочки, не надо. — Дверь закрылась, и всё как-то сразу померкло.

Мы спускаемся по тёмной лестнице, подобрав Мушку между третьим и четвёртым этажом, и выходим в морозную ночь.

Может, и хорошо, что нас не пустили. Да, хорошо. А то как услышал бы он наше фальшивое пение... У них там, небось, хорошо поют. Чистенько, красиво.

Эмилия ПРЫТКИНА

Харьков

ГОСПОДИН N

День первый (начало)

Если бы вы спросили у новых жильцов пятого подъезда, дома номер тридцать четыре, который находится по улице Гриневского в самом центре города X., что они думают по поводу соседей, проживающих на втором этаже, в квартире номер три, они бы ответили, что в этой квартире обитает странная семейка.

Владелица квартиры — Новикова Мария Мироновна: пенсионерка со странностями, которая то передвигается в инвалидной коляске не без помощи своей тезки Марии, то самостоятельно разгуливает по двору на своих двух.

Социальный работник — Ушкина Мария Владимировна: ответственная и самоотверженная женщина лет пятидесяти, которая ухаживает за Марией Мироновной и... Впрочем, нашлись бы злые языки, которые сказали бы, что она не просто ухаживает и вовсе не самоотверженно, а «пасет трешку в центре», потому что только из корыстных побуждений можно годами терпеть не только Марию Мироновну, но и...

И наконец, тот самый «и». Сын Марии Мироновны — Новиков Андрей Андреевич: тридцатилетний мужчина, с виду нормальный, чудачества

в допустимых пределах, однако, пару раз в год посещает «санаторий», говоря языком казенным, психиатрическую больницу номер пятнадцать. Называет себя Господином N, а мать свою — Марией Антуанеттой.

Еще вам рекомендовали бы строго соблюдать три НЕ:

не бросать окурки и пустые бутылки в палисадник у входа в подъезд.

не поливать цветы на подоконниках в пролетах между этажами.

не менять перегоревшие лампочки в самодельном фонаре с надписью «Прожектор перестройки», который висит над козырьком у входа в подъезд.

Все эти заботы любезно возложил на себя Господин N, который и палисадник разбил, и цветы расставил, и прожектор смастерил. А еще он пишет картины. И периодически выставляет на всеобщее обозрение: развешивает на стенах все в том же подъезде. Но о картинах поговорим позже, потому что эта тема достойна отдельной главы.

Так вот, в общем и целом, жильцы сказали бы, что семейка странная, но безобидная.

Но если бы вы по какой-то причине решили копнуть чуть глубже и заглянули бы в квартиру номер семь, к инвалиду и ветерану ВОВ — Кушенко Дмитрию Михайловичу, который одним из первых получил ордер в далеком 1950-м году, он был сказал, что Мария Мироновна не женщина со странностями, вовсе нет. Она самая настоящая дура, потому что предпочла ему — ветерану и инвалиду (мало ли, что ногу оторвало, остальное-то на месте), главному мастеру цеха, члену партии и уважаемому человеку, беспартийного тунеядца и пьяницу. И кто она после этого, если не дура?

Но если бы вы не поленились и поднялись еще одним этажом выше, в квартиру номер десять, и поймали бы дома пенсионерку Мацюкову Ольгу Петровну, которую поймать практически нереально по причине бурной общественной деятельности, вы бы узнали, что Мария Мироновна Новикова вовсе не дура, и не странная, а глубоко несчастная женщина, которую угораздило влюбиться в художника — Новикова Андрея Николаевича по кличке «тю-тю-крыша», который сначала возлюбил ее так красиво и нежно, как бывает только в кино, а потом бросил так уродливо и грубо, как бывает в жизни. И ладно бы бросил одну. Но ведь сына оставил. Такого же беспутного тю-тю-крышу.

А если бы вы решили заглянуть к Марии Мироновне и поинтересовались бы ее биографией, она бы улыбнулась и ласково сказала: «Пошел на х-й, мил человек! И без тебя проблем хватает!».

Да, Мария Мироновна была знатной матерщинницей, даром, что проработала сорок лет в библиотеке. Но если бы вам посчастливилось пообщаться с ее сыном — Новиковым Андреем Андреевичем, он бы охотно поделился с вами историей своей жизни. Например, такой.

Первой просыпалась Мария Антуанетта — без будильника, ровно в 6:30. Когда это исчадие ада выезжало на своей коляске из комнаты, половицы в квартире начинали подрагивать, как перед землетрясением. Так Господин N просыпался каждое утро — под грохот половиц.

Сначала она подъезжала к «зоне общения с богами» — сантехническому помещению площадью три квадратных метра. Потом отравляла флюидами ядовитых духов «зону памяти» — коридор, заставленный уходящими в потолок шкавами, в которых господин N хранил все, что было связано с детством: книги, первые рисунки, высохшие акварельные краски и кисточки, колесо от трехколесного велосипеда и звоночек от него же, метрику и обмылок, которым тридцать лет назад натирали его розовое тельце. И много милых сердцу вещей, расстаться с которыми не представлялось никакой возможности. Благо, Мария Антуанетта не возражала: чем бы сынок не тешился, лишь бы не дурил.

Через «зону памяти» Мария Антуанетта перемещалась в «зону изобилия» — на кухню. Иногда заглядывала в «зону осмысления» — гостиную или в «зону развития личности» — комнату Господина N, но чаще торчала в своей комнате — «зоне уныния», перебирая старые альбомы с фотографиями или тряпье в шкафу.

Идея поделить квартиру на зоны возникла после просмотра передачи по Первому национальному каналу. Это была одна из тех передач средней паршивости, которые наспех стряпают в телевизионных студиях, чтобы скрасить унылые вечера среднестатистического обывателя. Тут тебе и фен-шуй православный, и йога славянская — все в кучу. Набегается человек за день, надумается, наработается. Какие уж тут умные передачи. Доползти бы до дивана, посмотреть что-нибудь незамысловатое и спать.

Обычно Господин N долго клацал пультом и срывал свое раздражение то на Машке, то на Марии Антуанетте.

— Уж и кабельное провели, а смотреть все равно нечего. Совершенно нечего, — сокрушался он, — А ведь 90 каналов, за которые каждый месяц лично я плачу шестьдесят гривен. Целых шестьдесят! Из своей пенсии! А на шестьдесят гривен можно купить кило мяса — отборнейшей телячьей вырезки или свиной отбивной. Или два кило курятины. Но курятину лучше не брать, особенно фабричную, потому что кур кормят всякой дрянью и обрабатывают химикатами. Я видел по телевизору.

Господин N любил делать то, что Машка называла «полез на броневилок Ленина изображать».

Как он преображался в такие минуты! Заводил назад плечи, разводя их до боли в искривленном сколиозом позвоночнике, поднимал вверх подбородок так, что две жилы на шее вытягивались тугими ветками, между которыми в такт речи перекачивалось адамово яблоко и взирав на мир из-под пушистых ресниц, прикрывавших болотного цвета глаза с белоснежными, без единой прожилки орбитами. Глаза были гордостью и силой Господина N, и даже такое никчемное существо как Машка, терялось, когда он смотрел на нее в упор и шептала в сторону: «Дурак-дураком, а глаза так и смотрят в душу! Дьявольские глаза, отцовские, что ту скажешь».

Обычно, произнося речь, он косился в сторону Машки или Марии Антуанетты, а в их отсутствие, на пыльные, в мушиных следах стекла серванта, которые были ничем не хуже живых собеседников, а местами и лучше, поскольку не имели привычки раздражать его пустым трепом и едкими замечаниями вроде тех, которые любила отпускать Машка.

Особо зло она шутила по поводу волшебного кристалла, который Господин N купил за десять гривен на барахолке у пьяницы: «Ценный прибор для гармонизации пространства, продаю исключительно по причине невыносимо горящих труб!».

Господину N так приглянулся кристалл, что он купил его без раздумий, хотя и заподозрил владельца во вранье. Как могут гореть трубы, если в них течет вода? Вот разве что нефть. Тогда, конечно, могут.

Мария Антуанетта кристалл не одобрила, а Машка и вовсе сказала, что это скол пробки от графина и «нехрен этому п-здюку деньги давать».

Передача о зонировании пространства заинтересовала его по двум причинам. Во-первых, в тот вечер он работал с кристаллом. Обычно это происходило так. Господин N очищал его в соленой воде строго 11 минут, приговаривая при этом: «Очищаю тебя водой священной: слезами морей и океанов!». Потом протирал его бархатной тряпицей и досушивал в песке — снова 11 минут: «Очищаю тебя землей священной: вышли мы из нее и в нее же уйдем!». Потом садился в кресло, поднимал кристалл над головой так, чтобы свет от люстры бил сквозь стекло, переливаясь мириадами искр, и сидел неподвижно 11 минут: «Очищаю тебя светом священным: силой, жизнь дарующей!».

После чего кристалл был готов к работе, а именно, очищению пространства от негативной энергии. И вот тут начиналось самое сложное. Господину N остро не хватало завершенности ритуала. Каких-то правильных, важных и торжественных слов, которыми он сопровождал предыдущие действия. Не скажешь же: «Очищаю тебя,

уборная». Нет, не скажешь. А если не уборная, что тогда? Что вместо кухни? Коридора? Вот слово «гостиная» еще куда не шло, но не то. Не, не то.

Господин N провел не одну бессонную ночь, размышляя над этой проблемой, и решил, что пока будет гармонизировать пространство в целом. Да, так и будет говорить: «Очищаю тебя, пространство, силой кристалла волшебного!». Пока так, а дальше видно будет.

И вот тебе удача — вечерняя передача! О зонировании пространства! Об очищении и гармонии! То, что доктор прописал!

Это была первая причина, побудившая его интерес, а вторая...

Вторая была очень интимного характера. Передачу вела не какая-то там «тощая стриженная швабра» (так Господин N за глаза называл Машку), а настоящая женщина: дородная блондинка с идеальной, по мнению Господина N, фигурой «песочные часы». О, как волнующе и тревожно поднималась и опускалась ее грудь, когда она складывала губы соблазнительной дудочкой, задувая огонь свечи для очистки зон. Как плавно двигались округлые бедра, туго-претуго (того гляди треснет) обтянутые материей, похожей на кожу змеи. Как мягко и чарующе двигались ее пухлые пальцы, когда она поправляла белокурый локон, спадающий тугим завитком вдоль по щеке к шее. Какая же она была сочная, аппетитная, настоящая женщина, а не какая-то там швабра, прости господи.

Господин N знал толк в настоящих женщинах. Он досконально изучил их изнутри по анатомическому атласу в художественной школе: разобрал до самых тонких сухожилий и косточек, до мельчайшего капилляра.

Изучил их и снаружи, по Альбомам Великих Художников Эпохи Возрождения. Пышногрудые, в складочках и ямочках, они волновали воображение Господина N так сильно, что он часами гипнотизировал понравившуюся репродукцию и гладил ее, гладил, лаская пальцами и глазами. Собственно, однажды и догляделся до дырки на животе Данаи. И сквозь зияющую дыру с лохматыми краями мужчина в черном, из синдигов, посмотрел на него свысока и обвинительно. Точь в точь как преподаватель, который заставил Марию Мироновну оплатить школе порчу ценного альбома. Скандал был — еле замяли! Мария Мироновна пожаловалась Машке, которая только-только начинала маячить на горизонте, а та, недолго думая, предложила отрезать «пипстик» или выбить дурь ремнем. До ремня дело не дошло. Ограничились недельным арестом, лишением карманных денег и строгим выговором: «Узнаю, что живую бабу руками мацал — собственными руками пипстик оторву!».

Он и не мацал. Только любовался. Издалека. Например, в ЦПКиО имени Горького, куда выходил погулять теплыми весенне-летне-осенними

вечерами и пообщаться с одним из своих малочисленных друзей — пенсионером Иосифом Казимировичем, который жил в соседнем доме.

— Да вы эротоман, Андрей, — говорил Иосиф Казимирович, наблюдая за тем, как его друг провожает взглядом очередную Данаю.

— Отнюдь, просто люблю это дело. Ну, вы понимаете, о чем я, — нарочито спокойно отвечал Господин N и осторожно косился, оценивая реакцию собеседника. Убедительно ли сказал? Не заподозрил ли Иосиф Казимирович, что на самом деле нет никаких дел, кроме тех, о которых и говорить-то стыдно?

— Понимаю, — вздыхал Иосиф Казимирович, — сам когда-то любил.

И вздыхал он так тяжело, так искренне и так обреченно, что Господину N становилось неловко за свое вранье.

— Да пустое это на самом-то деле, — говорил он, похлопывая друга по плечу.

— Как знать, как знать....

В общем, женщина в телевизоре Господину N понравилась, идея о зонировании тоже, и ритуал очищения наконец-то обрел завершенность.

И на следующий день Господин N решил наконец-то очистить квартиру по всем правилам: в честь праздника, который сам и сочинил, назвав «Великий Праздник Всемирного Счастья».

Но кому великий праздник, а кому повод поругаться.

Мария Антуанетта с утра пребывала в препаршивейшем расположении духа. Судя по грохоту половиц и ее настойчивому перемещению сначала в коридор, потом в гостиную, снова в коридор, на кухню, в спальню, в коридор, в гостиную, предстояло землетрясение мощностью не менее десяти баллов, а то и все двенадцать. Об этом свидетельствовал и тот факт, что передвигалась она на своих двух — быстро и уверенно. А такое случилось только тогда, когда Мария Антуанетта была чем-то взволнована или рассержена.

Сначала она сорвала свою злость на Господине N. Взяла и обидела человека ни за что, когда он выходил из «зоны общения с богами», неся на вытянутой руке магический кристалл.

— Уж и поссать без него не может! Тьфу! — взвилась она.

— Я не ссал, а занимался очищением зоны. Что до ссання, мон шер маман, хочу заметить, что с ним все в порядке. Равно как и с прочими функциями и процессами, регулярно происходящими в моем организме. Я могу продолжить свое занятие?

— Знаешь, Андрюша, — «мон шер маман» прищурилась и пытливо посмотрела на сына. — Мне иногда кажется, что тебе не совсем правильно диагноз поставили. Нееееет. Ты ведь не дурак. Ты умнее нас всех. Просто ты, сученыш паршивый, любишь надо мной издеваться. Любишь ведь, да? Любишь? Над родной матерью любишь издеваться?

Последнюю фразу она провизжала противным фальцетом и сорвалась на кашель.

— Нет, мон шер маман, — невозмутимо ответил Господин N, — я не издеваюсь над вами. Напротив, гармонизируя пространство, я забочусь о вас в том числе. Ведь гармоничное пространство оказывает непосредственное влияние на состояние наших душ. Что касается моих диагнозов, вам, бесспорно, виднее. Я не по собственной воле под этими диагнозами расписался. А будь моя воля, не расписывался бы вовсе.

— Дурак ты, Андрей, — махнула рукой и скривила губы в усмешке. — Ну вот почему ты так стал разговаривать? Выкать, моншермаманкать. Слова какие-то мудреные придумал: пространство, гармонизация. Откуда это все? Где вычитал?

— Вам не угодить, — развел руки Господин N и тяжело вздохнул, — слово матерное скажу — не так. Вежливым быть пытаюсь — снова не так. Каким же мне быть?

— Каким ... Каким тебе быть ..., — машинально повторила Мария Антуанетта, опустила глаза и о чем-то задумалась, а через несколько секунд вынырнула из своих мыслей и махнула рукой: — Ладно. Иди. Балуйся со своим кристаллом дальше. У меня и так сегодня проблем хватает.

Потом пришла Машка. И Мария Антуанетта поздоровалась с ней не так, как обычно, а сухо и кратко. Ей тоже досталось на орехи за грязь на кухне, пустой холодильник, груды белья в ванной, а потом было предложено пройти на кухню — поговорить.

Господину N велели погулять. Например, сходить за молоком.

— Но там холодно, к тому же, я еще не закончил очистку зон, — возмутился Господин N.

— Тогда иди в свою комнату и не шляйся под дверьми! Иди, кому сказала, пошел вон! — рявкнула Мария Антуанетта. — И если я увижу тебя под дверью, богом клянусь, ты об этом пожалеешь!

— Не имею привычки подслушивать, — обиженно шмыгнув носом, Господин N поплелся в свою комнату и хлопнул дверью так, что посуда в шкафу задрожала.

Провались они сквозь землю со своими тайнами! Пропади пропадом! Вот еще не хватало, бабские секреты подслушивать! Да не выйду я из этой зоны, пока сами не попросят! Так рассуждал наш герой, нервно расхаживая по комнате.

Но любопытство принадлежит к тем порокам, которые имеют свойство обостряться до нестерпимого зуда. Причем, зуда не телесного, нет. Кажется, что зудит душа, да так сильно, что невозможно оторвать внимание от объекта любопытствования. Никак невозможно запретить себе думать о нем или приказать усилием воли думать о чем-то другом. Чем больше ты пытаешься убедить себя, что тебе никакого дела до этого чертового

объекта, тем сильнее зудит душа, подталкивая на необдуманные, а иногда очень опасные поступки.

И Господин N пошел на балкон покурить. Всего-то покурить, снять тревожность и успокоиться. Было начало марта, но затяжная зима не спешила отступать. Тут и там с покрытых охровыми пятнами ржавчины карнизов, подоконников и козырьков угрожающе свисали гроздьи сосулек, норовя рухнуть на голову случайному прохожему. Палисадник под подъездом был заснежен столь старательно, словно кто-то живой и незримый пришел в одну их холодных, темных ночей и укутал кустики и саженцы деревцов неведомым, пушистым одеялом — каждый своим, как любил говорить господин N — индивидуальным. Страхивая пепел с сигареты в жестяную банку из-под кофе, он смотрел на кухонные окна, которые располагались в метре от края балкона, и думал. Форточка была закрыта. Шторы наглухо задернуты. До него долетали только обрывки отдельных фраз, особенно, когда Мария Антуанетта переходила на свой фирменный противный фальцет, а Машка на густой бас, похожий на рев коровы.

Днем ранее он законопатил поролоном щели в окнах, из которых дуло так, что предметы, забытые с вечера на кухонном подоконнике, к утру покрывались инеем. И теперь, подкуривая третью сигарету, он думал о том, что поторопился с ремонтом. Слышимость была бы гораздо лучше. Он докурил третью сигарету, подкурил четвертую, докурил ее, подкурил пятую... Сходил в комнату и надел теплый свитер. Снова вышел на балкон. Подошел к краю, перегнулся через перила и вытянулся, заглядывая в окно.

В летнее время он бы не задумываясь встал на железные перилла, дотянулся правой рукой до открытой форточки и схватился за оконную раму. Потом перебросил бы правую ногу на карниз, перенес на нее центр тяжести, быстро подтянул левую ногу и схватился левой рукой за раму, как он не раз делал в детстве, когда Мария Антуанетта уходила из дома и запирала его в «зоне развития личности». А что? Шторы задернуты, никто ничего не увидит. Но форточка была закрыта, а на подоконнике возвышался сугроб высотой до половины окна. Господин N почесал затылок, подкурил еще одну сигарету и решил уж было отказаться от своей глупой затеи и заняться чем-нибудь полезным, как вдруг услышал надрывный крик Машки: «Это клевета! Богом клянусь, клевета! Это все ваш придурочный, прости меня господи!».

Он замер и стоял не шелохнувшись минут семь, пока сигарета в руке не превратилась в пепельную трубочку, упавшую в снег, когда он вздрогнул от очередного крика. На этот раз кричала Мария Антуанетта: «Маша, ты никогда не получишь...»

Во двор въехала машина с надписью «Вода артезианская», заглушив своим сигналом голос Марии Антуанетты. «Даже думать забудь! Ты думаешь, раз он...» (снова чертов сигнал!). «Мария

Мироновна, ну чем мне еще поклясться, чтобы вы поверили, что я... Я ведь видела, как он...». (голос Машки и снова противное «биииииииииии-и-и-и-и-и-иип»).

«Ну уж нет! Это уже ни в какие ворота не лезет! Раз они говорят обо мне, имею полное право знать!» — подумал Господин N, решительно встал на перила, потом схватился правой рукой за выступ рамы, лихо прыгнул в сугроб на подоконнике, уперся левой рукой в кирпичную стену и прильнул к холодному стеклу, больно стукнувшись лбом. Занавески распахнулись как портьеры в театре — торжественно и плавно.

И между ними, ровно по центру, Господин N увидел лицо матери: окаменевшее от неизбежности и ужаса лицо человека, стоящего пред другим лицом — смерти. И ему подумалось, что именно таким в последние минуты жизни было лицо другой, настоящей Марии Антуанетты.

«У меня все хорошо, не переживайте, мон шер маман!» — улыбнулся он, помахав левой рукой. Как вдруг потерял равновесие и полетел вниз, цепляясь за воздух. Летел он недолго, метра два и рухнул на спину в собственный палисадник, вернее, в самый высокий сугроб, под которым в тепле и неге, как младенцы в колыбели, дремали до весны саженцы винограда и тюльпанов.

«Умер, — подумал господин N, почувствовав тупую боль и жгучий холод в районе шеи. — Ну что же, Царствие мне небесное! Упокой Господь душу раба твоего Андрея Андреевича. Аминь!».

Он открыл глаза, и ослепительный свет накрыл его.

«Надо же, еще и в рай попал», — медленно опустил глаза и уперся взглядом в до боли знакомую крышу пятиэтажки.

«Ага, все-таки жив! А напугаю-ка я всех. Пусть думают, что я умер!».

Господин Н хитро улыбнулся, поелозил в сугробе, сложил руки на груди, закинул голову на бок и увидел торчащую из земли веточку, которая сломалась, когда он плюхнулся в сугроб. «Если уж совсем по-божески, то надо бы со свечкой», — подумал он, перекрестился, зажал в кулаке веточку и сложил руки на груди. Из подъезда выскочили Мария Антуанетта и Машка. Первая упала перед сыном на колени и завывала. Вторая медленно обошла усопшего, недоверчиво покосилась и больно пнула его ногой:

— Да жив он, жив, Мария Мироновна. Тут лететь два метра, да в мягкий сугроб. Вы посмотрите, как он левым глазом косит. Еще и руки на груди сложил, как самый что ни на есть настоящий покойник. Я-то видела, как он палочку примачивал, пока вы вниз бежали. А что это, многоуважаемый Андрей Андреевич, у вас в руках за палочка, а? Небось розги? Уж черти-то на том свете вас ими отдерут за все хорошее! И за то, что мать родную пугаете! И за то, что подслушиваете чужие разговоры! И за воровство! Уж как вас этими розгами за воровство отдерут-то!

— Это не розги, а свечка. Так положено, — невозмутимым тоном ответил господин N и открыл глаза.

Перед ним на коленях сидела мать, погрузив раскрасневшиеся от мороза пальцы в снежную вату. И ему стало так жаль эту растрепанную женщину с красными глазами и подрагивающим подбородком, что он чуть не расплакался.

— Мама, а если бы я умер по-настоящему, ты бы плакала?

— Чтоб ты сдох, дурак, — плюнула в сердцах Мария Антуанетта и махнула рукой. — Машка, помоги мне подняться.

— Значит, плакала бы. По папе ведь плакала.

Он запрокинул голову назад и глубоко вздохнул. Из раскрытых ворот рая струился мягкий солнечный свет. Искрился снег, искрился воздух, и Господину N казалось, что он тоже искрится.

— Все-таки интересно было бы убится по-настоящему и посмотреть, как оно там, — сел, потянулся и зажмурил глаза, — Но поживу еще! Здесь тоже интересно!

Продолжение следует...

Мотрич и Асташов.

СТАТЬИ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

СТАТЬИ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Михаил АНДРЕЕВ

Москва

ПОЧЕМУ ЖЕ НЕЛЬЗЯ БЫТЬ КРАСИВОЙ ТАКОЙ?

Когда мы слушаем полюбившиеся нам песни, то часто задаёмся вопросами: «А кто их авторы? Как им удаётся создавать настоящие хиты?»

За ответами на эти и другие вопросы казахстанский поэт и писатель **Николай Тимохин** обратился к известному российскому поэту-песеннику, лауреату премии им. Горького, лауреату премии Ленинского комсомола **Михаилу Андрееву**, автору многочисленных хитов: «Отчего так в России берёзы шумят...», «Тополиный пух», «Самоволочка», «Потому что нельзя быть красивой такой...» и др. Песни на стихи **Михаила Андреева** исполняют группы «Любэ», «Иванушки International», «Белый орёл», «Золотое кольцо», «Фабрика», «Корни», а также Вячеслав Добрынин, Михаил Шуфутинский, София Ротару, Александр Малинин, Дима Билан и др. **Николай Тимохин** беседовал с поэтом о его жизни и творчестве...

Н. Т. Михаил, в 1981 году в издательстве «Молодая гвардия» вышла в свет Ваша первая книга стихов «Лиственный свет». А уже через год Вы стали членом Союза писателей СССР. Это пример, достойный подражанию. Когда Вы почувствовали себя поэтом? Когда написали своё первое стихотворение? О чём оно было?

М. А. В детстве приходилось косить с родителями много травы, и первые поэтические наблюдения были такими: «трава на цыпочки встаёт, чтоб раньше всех увидеть солнце». Видимо, я вначале научился косить сено и ощутил себя при этом поэтом, а потом научился писать.

Н. Т. Иосиф Бродский, лауреат Нобелевской премии по литературе, написал в предисловии к Вашей книге «По материнской линии»: «Его стихи привлекают своей угловатостью, пристальностью и настороженностью взгляда на мир. Обладание подобными качествами делает присутствие этого поэта в литературе реальным». Расскажите об этом. Как Вы отнеслись к столь высокой оценке Вашего творчества?

М. А. Я в то время жил в Сибири, в Томске. Помню, открыл почтовый ящик, а там письмо. Я прыгал через несколько ступенек на пятый этаж. Радости не было предела. Потом текст этого письма перепечатывался в Москве, в центральных изданиях. Для всех это было что-то невероятное. Была в то время для всех трудная жизнь. Я тоже метался. Надо кормить семью. Единственная возможность заработать — ездить в Китай за вещами и у себя продавать. Но письмо Бродского распрямило мне спину. Я понял, что я на верном пути. Семья меня поддержала. Так я не бросил поэзию.

Н. Т. Фраза из Вашей одноимённой песни: «Потому что нельзя быть красивой такой» давно уже стала в народе крылатой. А всё-таки, можно ли быть красивой? И что лучше — красивая или умная?

М. А. Это стихотворение я написал в институте. По тексту виден юношеский почерк. Так любить мог только подросток. Но умная всё же лучше, это я понял через очень много лет. Я также понял, что любовь в жизни каждого человека — самое важное, самое главное. Это мы иногда забываем. Даже суп жена должна варить любимому с любовью, иначе научно доказано, что кристаллы воды изменят симметрию. Это вредно.

Н. Т. Что есть красота в Вашем понимании? Действительно ли красота спасёт мир?

И что делать тем женщинам, кто, может быть, не считает себя красавицей?

М. А. Красота, конечно, не спасёт мир. Плохой человек, вооружившись красотой, будет продолжать делать плохие дела, а хороший — хорошие. Женщин некрасивых не бывает. К примеру, когда они вынашивают ребёнка, они просто красавицы.

Н. Т. Михаил, когда я пишу стихи о любви, чаще всего у меня рождается какой-то собирательный женский образ. Ваше стихотворение «Потому что нельзя быть красивой такой» Вы посвятили какой-то конкретной женщине?

М. А. Это, конечно, конкретный человек. Красивая женщина. Когда-нибудь я расскажу очень подробно о ней, не пропуская ни одного сантиметра, в том числе и из её биографии. Эти стихи родились от невероятно сильной любви.

Я не находил себе покоя. Я метался, как колонок на льдине. Я не спал ночами. Потом всё это вылилось в стихотворение, которое вы все знаете.

Н. Т. В хорошей песне главное всё: и музыка, и стихи, и исполнение. И всё же, Михаил, чтобы она состоялась, что важнее? И о чём, на Ваш взгляд, сейчас надо написать, что сказать, чтобы эту песню запели все, а она стала хитом?

М. А. У «Любэ» есть песни на мои слова: «Главное, что есть ты у меня» и «Трамвай пятёрочка». В этих, как и в других песнях, есть душа, — это в песне главное. При этом музыка должна точно лечь на слова. Это невероятно сложно сделать. Если получается, мы от радости просто прыгаем, как дети. К сожалению, случается такое не слишком часто. То музыка лучше, то стихи величавее.

Н. Т. Ни для кого не секрет, что большинство современных песен «не страдают» глубоким смыслом. Об этом уже не раз писали и говорили неоднократно. И не потому, что перевелись поэты-песенники или общество стало менее образованным. А, может быть, от того, что в наше время больших скоростей и мгновенного принятия решений в различных ситуациях люди не хотят задумываться над текстами?

М. А. Если в песне нет высокохудожественного охвата мира, современности — песня долго жить не сможет, она надоеет в первую очередь самим исполнителям. Создать песню — значит разгадать какую-то важную для людей тайну. Песенный текст отличается от непесенного, как невоспитанный ребёнок от воспитанного.

Н. Т. Несколько лет назад Вы переехали жить в Москву. Одна из Ваших читательниц так охарактеризовала Ваше творчество: «...мне кажется, что в Москве у Михаила появился совершенно особый флёр в стихах, какой-то неуловимый подтекст...». Можно ли из этого сделать вывод, что «белокаменная» как-то по-новому повлияла на Вас? Или всё-таки связь с Вашей исторической родиной, Томском, неразрывна?

М. А. В Томск я приезжаю очень часто. Для меня не важно, где писать. Всё в голове и сердце. А их я вожу с собой всегда. Но много у меня стихов и песенных текстов просто из воспоминаний детства. Группа «Любэ» поёт на мои слова такую песню:

Что я в жизни успел? —

Дед сосчитать велел.

Я прошёл до конца
курс молодого бойца.

Место нашёл у реки,
где лучше клюют окуньки,
за руку сына водил,
правду ему говорил,
правду ему говорил,
хоть и не было сил.

Н. Т. Я знаю, что песни на Ваши стихи исполняют Вячеслав Добрынин, Михаил Шуфутинский, София Ротару, Дима Билан и многие другие звёзды российской эстрады. Есть ли у Вас исполнители, для которых Вы специально пишете песни? С кем из певцов Вам больше всего нравится работать и почему?

М. А. С Игорем Матвиенко мы написали более 30 песен. Дружим семьями с Расторгуевым и «Иванушками». Без общения трудно писать, да и жить. Общение в жизни — главный элемент. Когда я жил в Томске, Расторгуев с сыном специально два раза приезжали к нам в гости — поглубже изучить Сибирь. Уезжали на снегоходах далеко в тайгу. Огромные чувства охватывали нас. Я любовался своей родиной. Коля смотрел на огромную Россию.

Н. Т. В нашей короткой беседе невозможно вспомнить все Ваши известные песни. Но песня «Отчего так в России берёзы шумят...» — это своего рода, гимн России. Конечно, в одной песне трудно описать всю любовь и все чувства к своей родине. И всё же, что для Вас — Россия?

М. А. Россия для меня это и Сибирь, и Москва. Но главное — люди, одноклассники, с которыми я сидел за одной партой.

Н. Т. Михаил, откройте секрет, над чем Вы сейчас работаете? Что пишете?

М. А. Так получилось, что я пишу каждый день. Много замыслов. Я пишу не только песенные тексты, где надо для капризной музыки оставлять пространство, но и стихи. В начале 2013 года должна выйти очередная толстая книга.

Н. Т. У журнала «ЛАВА» большая читательская аудитория. И от её лица я хочу поблагодарить Вас, Михаил Васильевич, за столь интересную и незабываемую беседу. Что Вы можете пожелать, прежде всего, нашим друзьям — украинским читателям?

М. А. Друзья, любите близких, будьте терпеливее, внимательнее к ним. Им это необходимо. Я на себе всё это испытал.

Семипалатинск — Москва — Харьков
Декабрь, 2012

Станислав МИНАКОВ

Харьков

«ОТЗОВИСЬ МНЕ, РОССИЯ, КОЛЬ ЕСТЬ ЕЩЕ ТЫ У МЕНЯ!»

9 января исполнилось 90 лет со дня рождения выдающегося русского поэта Бориса Алексеевича Чичибабина. Вся земная биография поэта, соразмерная истекшему столетию, носившего в паспорте фамилию матери, Полушин, была связана — с перерывами на тюрьмы и войну — с Украиной, Харьковщиной.

Сегодня в Харькове одна из центральных улиц города носит имя Чичибабина, с 1995 г. создан Международный фонд его памяти, с 2001 г. учреждена городская литературная премия его имени, ежегодно проводятся литературные чичибабинские чтения и международный фестиваль современной поэзии памяти Чичибабина. К почину подключились и крымчане, которые в каждом сентябре наряду со шмелевскими, бунинскими и другими чтениями уже несколько лет проводят чтения чичибабинские.

В два зимних чичибабинских дня — кончины (1994) и рождения (1923) — 15 декабря и 9 января — у мемориального горельефа на улице Чичибабина возлагают венки друзья поэта, поклонники его творчества. Затем цветы приносят и на могилу поэта. И — звучат его стихи,

а также строки, ему посвященные, каковых уже силами разных поэтов скопился целый венок.

Близость к Рождественскому дню даты собственного появления на свет подвигла Чичибабина на такие строки (1980):

* * *

Я на землю упал с неведомой звезды,
с приснившейся звезды на каменную землю,
где, сколько б я ни жил, отроду не приемлю
ни тяжести мирской, ни дружбы, ни вражды.

Как с буднями, звезда, нездешним сердцем
сжиться,
коль тополи в снегу мне в тыщу раз важней
всех выездов и смут, певичек и вождей,
а Моцарт и Паскаль отзывней сослуживца?

....
И как мне быть, звезда, на каменной земле,
где телу земляка любя своя рубаха,
так просто обойтись без воздуха и Баха
и свету не найтись в бесколокольной мгле?

Как жить мне на земле, ни с чем земным
не споря?

Да будут сны мои младенчески чисты
и не предам вовек рождественской звезды,
откуда я упал на землю зла и горя.

Стихотворение является эпиграфическим к судьбе поэта, написано им в 57-летнем возрасте и отчетливо самоопределяет феномен, носящий имя Борис Чичибабин. Это он и есть — колокол «в бесколокольной мгле».

В знаменитом стихотворении «Сними с меня усталость, мать Смерть» (1967) Чичибабин воскликнул: «Одним стихам — вовек не потускнеть. Да сколько их останется, однако!» Действительно, никто не знает судеб, в том числе судеб поэтических строк. Однако во все современные антологии русской поэзии включены стихи Бориса Чичибабина.

Влияние на русскую литературу Чичибабин оказал далеко за пределами своего родного Харькова. Не только, разумеется, потому, что широкую (уже не андеграундную) известность он приобрел в последние годы «перестройки» и стал лауреатом Государственной премии СССР (1990). Кстати, беспрецедентный факт: награды поэт удостоен за изданную за свой счет книгу стихотворений «Колокол».

Можно твердо сказать, что именно присутствие в Харькове в течение нескольких десятилетий поэта Чичибабина создало условия для появления целой плеяды заметных современных

стихотворцев, почти все они и отмечены теперь чичибабинской премией.

Б. Чичибабин родился в Кременчуге, а школу окончил на родине художника И. Репина — в известном давними воинскими традициями городке Чутуеве Харьковской области, поскольку воспитывался в семье военнослужащего. Литературный псевдоним взял в честь двоюродного деда по материнской линии, выдающегося химика-органика, академика Алексея Чичибабина. В 1940 г. поступил на исторический факультет ХГУ, с начала войны служил на Закавказском фронте. В 1945 г. поступил на филологический факультет того же университета, но уже в июне 1946 г. был арестован и осужден на 5 лет лагерей «за антисоветскую агитацию». Как считал он сам, срок (действительно странный по тем временам) был по тем временам «смехотворным». Два года провел в тюрьмах — Лубянка, Бутырка, Лефортово. Остальное — отбывал в Вятлаге Кировской области.

Затем вернулся в Харьков, где и книги у него потом выходили, где его исключали из Союза писателей (те же лица потом и восстанавливали, спустя много лет), где он, окончив соответствующие курсы, долгие годы работал бухгалтером в трамвайно-троллейбусном управлении.

Выполнявший некрасовское наизидание, Чичибабин остался в наших сердцах и поэтом-гражданином, с тем «страстно поднятым перстом» (Достоевский), с истовством, подобным Аввакумову, утвердившим и скрижальные зековские строки: «Красные помидоры кушайте без меня...» (1946), и пробуждавшие нашу совесть «Давайте делать что-то!..»

Когда неразумная масса визжала и улюлюкала на обломках почившей Империи, не понимая, что любые скачкообразные изменения у нас ведут только к еще большему бесправию и притеснению человека, Чичибабин написал в «Плаче по утраченной родине» (1992): «Я с родины не уезжал — за что же ее лишен?» Вот две последние строфы этого стихотворения:

При нас космический костер
беспомощно потух.
Мы просвистали свой простор,
проматерили дух.

К нам обернулась бездной высь,
И меркнет Божий свет...
Мы в той отчизне родились,
Которой больше нет.

Огромная сила этого текста чуть ли не до слез взволновала знаменитого европейского филолога, весьма, кстати, ироничного человека Жоржа Нива, услышавшего, как Борис Алексеевич читал

его в доме-музее М. Волошина в Коктебеле. Потом Нива перевел два десятка стихотворений Чичибабина на французский. Кстати, книгу стихов Чичибабина, в переводе, издали в середине 1990-х и израильтяне.

Думается, новейшее время — непрерывнотекущих общественных катаклизмов и потрясений, эпоха все большего обнищания большинства и безоглядно-ненасытного жирования горстки, дорвавшейся до кормушки и кормила, «золотой век» эгоизма, алчности и спеси, убеждают нас в том, что не прейдет на Руси боль о простом, «маленьком человеке», поскольку именно она-то и есть сострадательна, а русскому человеку завещано быть на стороне гонимых и несчастных.

Вспомним стихотворение, опубликованное в большом трехтомнике Чичибабина, который вышел по кончине поэта (Чичибабин обильно опубликован преимущественно в посмертные годы). Это сочинение написано в октябре 1993 г., когда по указанию Ельцина, позже отдавшего приказ воевать в Чечне, было расстреляно здание российского парламента. Без натяжки можно сказать, что Чичибабина угасила именно эта эпоха — послесоветского безвременья, удушающих, мутных и мерзких 1990-х. Насмотревшись ужасающих телевизионных кадров, наобщавшись с друзьями, в прошлом советскими сидельцами-диссидентами, бросившимися строить моноэтническую (сегодня читай — нацистскую) Украину, Чичибабин кричал в телефонную трубку: «От этого я и подыхаю!» Умер он в середине декабря 1994-го, морозной зимой, словно закольцевав свой зимний, холодный приход в сей мир.

* * *

Вновь барыш и вражда верховодят
тревогами дня.

На безликости зорь каменеют черты воровские...
Отзовись, мой читатель в Украине или в России!
Отзовись мне, Россия, коль есть еще ты у меня!

Отзовись, кто-нибудь, если ты еще где-нибудь
есть, —
И проложим свой путь из потемок бесстыжих
на воздух.

Неужели же мрак так тягуче могуч и громоздок!
Я и при смерти жду, что хоть кем-то
услышится весть.

Две последние строки первой строфы актуализуют проблему русского поэта, живущего сегодня на Украине.

У Чичибабина немало стихов о русской истории (о городах древней Руси — Киеве, Чернигове, Пскове, Новгороде, Суздале), о русской словес-

ности (Пушкине, Гоголе, Толстом, Достоевском), мировой культуре («Не дяди и тёти, а Данте и Гёте / Со мной в беспробудном родстве...»), много замечательных лирических шедевров.

Часто цитируют его строки о малой родине: «С Украиной в крови я живу на земле Украины...», «У меня такой уклон: я на юге — россиянин, а под северным сияньем сразу делаюсь хохлом...» Реже вспоминают слова более жесткие, в целом пророческие, если смотреть на сегодняшнее и, не приведи Господи, будущее время:

Не будет нам крова в Харькове,
Где с боем часы стенные.
А будет нам кровохарканье,
Вражда и неврастения.

В следующем году исполнится 20 лет со дня кончины поэта Бориса Чичибабина. Понятно, что поэт такого масштаба — всегда пророк, но все же хочется обойтись без кровохарканья. Даже если реальная текущая ситуация всячески способствует худшим сценариям.

Убежден, что Борис Чичибабин был одним из посланцев, рассказавшим нам и о красоте нашей земли, которая без его возвышенного слова о ней была бы молчащей, недовоспелой, недопроясненной. Поэт оставил нам немало поэтических шедевров, в том числе таких как «Ночью черниговской с гор араратских...», «Судакские элегии», «Между печалью и ничем...» и других. А кто так много, вдохновенно и космично писал о снеге?

Завершу краткое юбилейное слово строфами из лучшего, на мой взгляд (наряду с «Элегией февральского снега»), из «снежных» стихотворений «зимнего человека» Бориса Чичибабина, «Сияние снегов»:

...О, сколько в мире мертвецов,
а снег живет нас.
А все ж и нам, в конце концов,
пробьет последний час.

Молюсь небесности земной
за то, что так щедро,
а кто помолится со мной,
те — брат мне и сестра.

И в жизни не было разлук,
и в мире смерти нет,
и серебрет в слове звук,
преображенный в свет.

Приснись вам, люди, снег во сне,
и я вам жизнь отдам —
глубинной вашей белизне,
сияющим снегам.

За этой дверью была
знаменитая Чичибабинская студия.

ЯРОСЛАВ СМЕЛЯКОВ: «ЧУТУННЫЙ ГОЛОС, НЕЖНЫЙ ГОЛОС МОЙ»

27 ноября 2012 г. история отмерила четыре десятилетия со дня кончины уроженца Луцка, русского поэта Ярослава Смелякова.

8 января 2013 г. исполнилось 100 лет со дня рождения поэта!

Ему в самом деле повезло больше, чем его друзьям-поэтам Павлу Васильеву и Борису Корнилову; где похоронены они — не знает никто. Васильев был расстрелян в 1937 г., Корнилов умер в лагере под Нарымом в 1938 г. Срок они получили втроём, «три мальчика, три козыря бубновых, три витязя российского стиха», но лишь один из этой троицы, Ярослав Смеляков, хоть и трижды отсидел, продержался до 1972 г. Корнилов, канувший в тридцать один год, подарил Смелякову свою книгу с надписью «Ярослав! Какие мы всё-таки славяне!» На что тот через четыре десятилетия ответил характерно: «Советские славяне».

Нью-йоркский харьковец Юрий Милославский, впечатлившийся смеляковскими железными катренами, должно быть, еще на литстудии у Бориса Чичибабина, поделился с нами (его очерк готовится к 100-летию Смелякова):

«На нём особенным образом проявилась вся условность количественного измерения культурного времени. Ярослав Васильевич умер, не добрав месяца до шестого десятка. А представлялся этаким грозно-чудаковатым пьющим старцем-мудрецом, — даже тем, кому он годился всего-то в старшие братья, этак с разницей в возрасте лет

в десять-пятнадцать. О нём писали стихи, о нём рассказывали уважительно-смешные анекдоты. У Ф. Чуева в одной из ранних книг, к примеру, находим следующее: «Я приехал в Москву, я пошёл к Смелякову. Он сидел в кабинете в осеннем пальто. Он стихи перечитывал, как участковый, и свирепо милел, если нравилось что». Всё это весьма показательно. Смелякову — поэту и понимателю поэзии — знали цену и те, кто его любил, и те, кто буквально ненавидел. Таковых встречал лично».

Вот другое суждение. «Эпоха родила нескольких замечательных поэтов: Заболоцкого, Твардовского, Мартынова, Слуцкого, Павла Васильева, — говорит Станислав Куняев в статье «Терновый венец» (1997). — Но Ярослав Смеляков отличался от них всех какой-то особой, совершенно истовой, почти религиозной верой в правоту, возникающей на глазах новой жизни. Его поэтический пафос был по своей природе и цельности родственен пафосу древнегреческих поэтов, заложивших основы героического и трагического ощущения человеческой истории с её дохристианскими понятиями рока, личной судьбы и античного хора».

Известно, что Василий, отец Ярослава, был весовщиком на железнодорожной станции, мать — домохозяйкой. О той жизни у Смелякова читаем:

Я родился в уездном городке
и до сих пор с любовью вспоминаю
убогий домик, выстроенный с краю
проулка, выходявшего к реке.

Мне голос детства памятен и слышен.
Хранятся смутно в памяти моей
гуденье липы и цветенье вишен,
торговцев крик и ржанье лошадей.

Первая мировая война перечеркнула прежнюю жизнь семьи и Отечества. Из прифронтового Луцка семья уехала в Воронеж, на родину матери, где Ярослав пошёл в начальную школу. Потом, по кончине супруга, Ольга Васильевна Смелякова отправила одиннадцатилетнего Ярослава в семилетку в Москву, к брату и сестре, учившимся в университете.

Смеляков читал и читал сызмальства Лермонтова и Есенина. Стихи начал писать лет с десяти. Приветивших его Эдуарда Багрицкого и Михаила Светлова счёл своими учителями. Немудрено: это были кумиры тогдашней молодёжи, мастера поэтического цеха новой страны — Советов. Истопник, дворник, помощник снабженца, чаще всего — безработный на бирже труда. Но всё же получил путёвку в полиграфическую фабрично-заводскую школу имени Ильича. Так что свою первую книгу «Работа и любовь» (1932)

Смеляков, уже будучи, по-булгаковски говоря, «полиграф полиграфычем», набирал и верстал собственноручно.

И вообще, на удивление: книги у него начали выходить одна за другой. Слышен сильный, талантливый звук в первом же опубликованном М. Светловым смеляковском стихотворении (журнал «Октябрь», 1931): «...И домна, накормленная рудой, по плану удваивает удой...». Он не мог мыслить иначе, ведь так думали миллионы:

Стремительно катится лава.
Прорублена в проблеск клинка
Посмертная Блюхера слава
И мёртвая жизнь Колчака.

Плоско? Одномерно? Всё ведь теперь видится ровно наоборот? Нет? Смеляков (читай — весь СССР) прав? А кто и когда сможет посмотреть на тот наш ужас стереоскопично? Может, в этом и есть весь вопрос и русской смуты, похоже, не прекращавшейся за 400 лет ни на секунду, а лишь скрывавшейся, словно невидимый огонь в торфе.

Потом, в 1938-м, он мыслил с таким же молодым остервенением, и тоже согласно с большинством:

Будь же проклята ложь тухачевских, якиров,
Восьмерых уничтоженных нами имен.

Сегодня нам уже понятно, что Гражданская война продолжалась, но переместилась на более высокий уровень. Прозорливцам было ясно — на духовном плане — уже тогда. «Погибшая Россия не спасётся в вашей взаимогрызне от отчаянности», — так, кажется, писал в своих заметках к последнему слову на суде в 1922 г. священномученик Вениамин, Митрополит Петроградский и Гдовский, вскоре расстрелянный мерзавцами и помрачёнными.

В 1934 г. Смеляков был принят в Союз писателей СССР, тогда же и собравшийся на первый съезд. А 14 июня того же года сразу в четырёх газетах — «Правде», «Известиях», «Литературной газете» и «Литературном Ленинграде» — прямо-таки

залпом грянула публикация Максима Горького «Литературные забавы», в которой было процитировано письмо некоего «партийца»: «Несомненно чуждые влияния на самую талантливую часть молодёжи. Конкретно: на характеристике молодого поэта Яр. Смелякова всё более и более отражаются личные качества поэта Павла Васильева. Нет ничего грязнее этого осколка буржуазно-литературной богемы. Политически (это не ново знающим творчество Павла Васильева) это враг. Но известно, что со Смеляковым, Долматовским и некоторыми другими молодыми поэтами Васильев дружен, и мне понятно, почему от Смелякова редко не пахнет водкой, и в тоне Смелякова начинают доминировать нотки анархо-индивидуалистической самовлюблённости, и поведение Смелякова всё менее и менее становится комсомольским. Прочтите новую книгу Смелякова. Это скажет вам больше (не забывайте, что я формулирую сейчас не только узнанное, но и почувствованное)».

Смеляков был арестован 22 декабря 1934 г. Следователь сказал ему на допросе: «Что же ты надеялся, мы оставим тебя на свободе? Позабудем, какие слова о тебе и твоём друге Павле Васильеве сказаны в статье Горького? Не выйдет!». И — «за участие в контрреволюционной группе» поэт был приговорён к трём годам исправительно-трудовых лагерей.

Первая «отсидка» Смелякова оказалась не очень долгой. Он ударно работал в тюрьме бригадиром, был выпущен досрочно в начале 1937 г. и переведён воспитанником трудовой коммуны № 2 НКВД, располагавшейся на территории подмоховского Николо-Угрешского монастыря, закрытого безбожной властью в 1925 г., а основанного в 1380 г. Дмитрием Донским в честь победы над Мамаем. На том месте Святому Благоверному князю, ведшему рать к Куликову полю, явилась икона Николы Чудотворца, и князь сказал: «Сия вся угреша сердце мое» («Это всё согрело сердце моё»).

Опальный Смеляков стал в Угреше ответственным секретарём новой газеты «Дзержинец».

В 1930-х г. у Смелякова случился роман с Маргаритой Алигер, посещавшей литобъединение вместе с ним, С. Михалковым, Л. Ошаниным. Интересна история с кольцом, подаренным поэте Смеляковым (массивное серебряное — череп с двумя скрещёнными костями). Ярослав сказал Маргарите, что пока она кольцо будет носить, с ним, Ярославом, ничего плохого не произойдёт. По словам Лидии Либединой, которой Алигер рассказала эту историю уже после смерти Смелякова, каждый раз, когда кольцо снималось с руки и терялось, с Ярославом приключалась беда. В пересказе Е. Егоровой финал этой мистически-запоминающейся истории звучит так: «Перед последним арестом Смелякова в 1951 г. кольцо надломилось и потом 20 лет пролежало в столе среди бумаг, но в день похорон поэта Маргарита нашла его целым, хотя сама в ремонт не сдавала...»

Перед войной молодой поэт написал цикл «Крымские стихи», публиковался в «Молодой гвардии», «Литгазете», «Красной нови». В ноябре 1939 г. был призван в армию Ухтомским райвоенкоматом, уцелел в Финской «незнаменитой» войне, вернулся в Москву весной 1940 г. Тогда же его приняли на работу в аппарат Союза писателей.

В 1941 г. Смелякова из резерва призвали в армию, зачислили рядовым во Вторую легкострелковую бригаду. Служил на Северном и Карельском фронтах. Ходили слухи о его гибели. Е. Долматовский написал трагическое стихотворение, посвящённое его памяти. Лишь Алигер верила, что Смеляков жив: вернувшись из эвакуации зимой 1942 г., она неожиданно нашла дома кольцо, подаренное Смеляковым, которое куда-то заделалось в её квартире перед отъездом в октябре 1941 г.

А Смеляков — очень быстро попал со своей частью в окружение, затем — в финский плен; каторжно работал на хозяина, обращавшегося с узниками крайне жестоко.

«Я вовсе не был у рейхстага и по Берлину не ходил», — сокрушённо писал он. А смог ещё и так: «И мёртвых нетленные очи, // победные очи солдат, // как звёзды сквозь облако ночи // на нас, не мерцая, глядят...»

Этих мощных стихов Смелякова уже никто не отменит («Судья», 1942):

Упал на пашне у высоты
суровый мальчик из Москвы;
и тихо сдвинулась пилотка
с пробитой пулей головы.

Не глядя на беззвёздный купол
и чуя веянье конца,
он пашню бережно ощупал
руками быстрыми слепца.

И, уходя в страну иную
от мест родных невядалеке,
он землю тёплую, сырую
зажал в коснеющей руке.

Горсть отвоёванной России
он захотел на память взять,
и не сумели мы, живые,
те пальцы мёртвые разжать.

Мы так его похоронили —
в его военной красоте —
в большой торжественной могиле
на взятой утром высоте.

И если правда будет время,
когда людей на Страшный суд
из всех земель, с грехами всеми,
трикратно трубы призовут, —

предстанет за столом судейским
не бог с туманной бородой,
а паренёк красноармейский
пред потрясённую толпой,

держа в своей ладони правой,
помятой немцами в бою,
не символы небесной славы,
а землю русскую свою.

<...>

И будет самой высшей мерой,
какою мерить нас могли,
в ладони юношеской серой
та горсть тяжёлая земли.

Наблюдение критика Л. Аннинского: «По возрасту и настрою Смеляков, конечно, должен был бы стать поэтом войны — не окопно-солдатской, какую донесли до нас поэты из поколения смертников, а войны, осмысленной стратегически и эпически, — какую описали дождавшиеся своего часа Твардовский и Симонов».

Кстати говоря, Смеляков сидел с «раскулаченным» братом Александра Твардовского Иваном. А в победном 1945-м Смеляков написал каменные строки «Моё поколение»:

Я строил окопы и доты,
железо и камень тесал,
и сам я от этой работы
железным и каменным стал.

Я стал не большим, а огромным —
попробуй тягаться со мной!
Как Башни Терпения, домны
стоят за моею спиной.

<...>

Я стал не большим, а великим,
раздумье лежит на челе,
как утром небесные блики
на выпуклой голой земле.

Вторая «ходка» Смелякова в советское заключение была прямиком из финского плена, в 1944 г. Через два года вышел, но на Москву для него был наложен запрет. Пришлось работать в многотиражке на подмосковной угольной шахте. В Москву ездил украдкой, в ней не ночевал. Принято считать, что первые послевоенные годы провёл в Электростали. Но Е. Егорова утверждает, что имеются свидетельства о прибытии его по этапу в Сталиногорск (ныне Новомосковский Тульской обл.).

Собрата вытащил из забвения К. Симонов, и в 1948 г. вышла книга Смелякова «Кремлёвские ели», собравшая до- и послевоенные стихи. Это, однако, спровоцировало в печати острую критику, дескать, сочинитель лишь внешне оптимистичен, а по сути — «всегда о смерти». В 1951 г. кто-то написал донос о застольной беседе, состоявшейся дома у Смелякова. И — новая статья 58-я Уголовного кодекса: 25 лет лагерей. Так в судьбу поэта вошло Заполярье, отнявшее немало здоровья, что и сказалось на жизненном ресурсе. «В казённой шапке, лагерном бушлате, // полученном в интинской стороне, // без пуговиц, но с чёрною печатью, // поставленной чекистом на спине», — таким был тогда Ярослав Смеляков, заключённый с лагерным номером Л-222.

С женой Евдокией Васильевной, с которой прожил два года, Смеляков развёлся ещё в преддверии ареста, чтобы не подвергать опасности репрессий. Его 74-летняя мать, потрясённая арестами сына, скончалась в Москве в 1952 г.

Как не отметить — пронзительное с самого начала, с первых строф:

Вот опять ты мне вспомнилась, мама,
и глаза твои, полные слёз,
и знакомая с детства панاما
на венке пордевших волос.

<...>

Все стволы, что по русским стреляли,
все осколки чужих батарей
неизменно в тебя попадали,
застреливали в одежде твоей...

Интересно, кто-нибудь спел эти строки? Или они и есть сама песня, не нуждающаяся в дополнительном мелодическом оформлении? А ведь много у нас ещё не спетых стихов!

В приполярной Инте зек Смеляков добывал доломит. Не переставая, как полагают, и как следует из его стихов, верить в советскую власть, считая «перегибы» частностями. В лагере он писал («Мы не рабы», 1952):

Как же случилось, что я, запевала-поэт,
стал — погляди на меня — бессловесным рабом?
Не в чужеземном пределе, а в отчем краю,
не на плантациях дальних, а в нашей стране,
в грязной одежде раба на разводе стою,
номер раба у меня на согбенной спине.

Амнистия, без реабилитации, пришла в 1955 г. Спустя десятилетие он писал о влетевшей к нему в окно птичке, ставшей предвестницей освобождения. «Воробышек»:

До Двадцатого до съезда
жили мы по простоте —
безо всякого отъезда
в дальнем городе Инте.

Вроде — простонародный, частушечный хорей. Эдакое продолжение Тёркина. Без упоминания — как жили, почему именно там жили. Всё в подтексте. Блестящее исполнение. Великий звук.

Л. Аннинский отмечает: «Вроде бы ложился путь Смелякову в лагерную поэзию... но он не стал и поэтом Гулага. Ни как Анна Баркова, вынесшая из зазеркалья поэтическую антивселенную, ни как Николай Заболоцкий, «Стариками» своими пронзивший в 1957 г. советскую лирику, ни как Анатолий Жигулин, привёзший из Бутыгача «Полярные цветы». Не стал «воробышек», возвестивший Смелякову конец срока, таким же поэтическим символом эпохи Оттепели, как «бурундучок», отпущенный на волю Жигулиным».

Одно и поразительнейших стихотворений Смелякова-сидельца — «Шинель».

Когда метёт за окнами метель,
сияньем снега озаряя мир,
мне в камеру бросает конвоир
солдатскую ушанку и шинель.

<...>

Но я её хватаю на лету,
в глазах моих от радости темно.
Ещё хранит казённое сукно
недавнюю людскую теплоту.

Безвестный узник, сын моей земли,
как дух сомненья ты вошёл сюда,
и мысли заключённые прожгли
прокладку шапки этой навсегда.

<...>

Вдвоём мы не боимся ничего,
вдвоём мы сможем мир завоевать,
и если будут вешать одного,
другой придёт его поцеловать.

Это уж точно не стихи атеиста, а уже того человека, который в стихотворении «Анна Ахматова» говорит о прощании с ней:

Не позабылось покуда
и, надо думать, навсегда,
как мы встречали Вас отсюда
и провожали Вас туда.

<...>

И все стояли виновато
и непривычно вдоль икон —
без полномочий делегаты
от старых питерских сторон.

По завещанью, как по визе,
гудя на весь лампадный зал,
сам протодьякон в светлой ризе
Вам отпущенье возглашал.

К смеляковским вершинам я отнёс бы
и «Слепца»:

...Зияют смутные глазницы
лица военного того.
Как лунной ночью у волчицы,
туда, где лампочка теснится,
лицо протянуто его.

<...>

Идёт слепец с лицом радара,
беззвучно, так же как живёт,
как будто нового удара
из темноты всё время ждёт.

Лишь изредка, неохотно, по настойчивым просьбам близких Смеляков рассказывал о годах в плену и в советских лагерях, признавался, что его очень беспокоила разлука с матерью, её страдания и лишения. «А что до меня самого, то это всё ерунда, были бы чернила да то, что этими чернилами можно писать, ведь моим истинным увлечением всегда были и будут одни стихи, и хорошее стихотворение делает меня счастливым вопреки всему остальному». Да, лишь после кончины, спустя многие годы, были опубликованы стихи, написанные Смеляковым в лагере, в 1953 г.:

Когда встречаются этапы
Вдоль по дороге снеговой,
Овчарки рвутся с жарким храпом
И злее бегают конвой...

«Однако лично пропахавший круги ада, Смеляков не остался в памяти поэзии человеком этого ада. А остался — поэтом рая, грядущего чаемого рая, поэтом той комсомолки, которую растила (и вырастила) для себя жившая мечтами о будущем Советская власть» (Л. Аннинский).

Сносились мужские ботинки,
армейское вышло бельё,
но красное пламя косынки
всегда освещало её...

— писал Смеляков о «делегатке» в сороковые годы, как видим, уже тогда набрав колючего, но и жертвенного вселенского воздуха в легкие. Настолько порождённого жжением бытия, что указывать тут на «профессионализм», «мастерство» как-то и неловко. И, по сути, — сила жжения такова, что на задний план уходит политическая злоба дня, «красный» пафос, в коем мы все росли. Кто-то вспомнил в связи с этими строками А. Платонова. Добавлю в этот ряд К. Петрова-Водкина. А может даже и Д. Шостаковича. Потом Смеляков скажет с нестираемой правдой прямооты о кладбище паровозов — ясно, но и метафорически:

Больше не раскалятся
ваши колосники.
Мамонты пятилеток
сбили свои клыки...

<...>

Градусники разбиты:
циферки да стекло —
мёртвым не нужно мерить,
есть ли у них тепло.

Вторая семья, созданная Смеляковым с поэтессой и переводчицей Татьяной Стрешневой, была счастливой: вместе с супругой он как родного воспитывал её сына от первого брака.

В 1959 г. вышел поэтический сборник Смелякова «Разговор о главном». Пришли слава и официальные должности: член Правления СП СССР (с 1967), член Правления СП РСФСР (с 1970), Председатель поэтической секции СП СССР. А с ними и высокие официальные награды: Государственная премия СССР (1967) — за цикл стихов «День России», премия Ленинского комсомола (1968) — за комсомольскую поэму «Молодые люди» и стихи, «воспевающие любовь советской молодёжи к Родине, партии, народу». Удостоен был и трёх орденов. Новая власть, словно оправдываясь за лишения, причинённые всему поколению, отдавала чем могла — Смелякову.

Показательно для его необыденной натуры: в период «разоблачения культа личности» Сталина, в 1964 г. Смеляков, вроде бы неожиданно, написал стихотворение о могиле отца народов.

На главной площади страны,
невдалеке от Спасской башни,
под сенью каменной стены
лежит в могиле вождь вчерашний.

Над местом, где закопан он
без ритуалов и рыданий,
нет наклонившихся знамён
и нет скорбящих изваяний,

ни обелиска, ни креста,
ни караульного солдата —
лишь только голая плита
и две решающие даты,

да чья-то женская рука
с томящей нежностью и силой
два безымянных цветка
к его надгробью положила.

Как так? Это написал сиделец с десятилетним
стажем ГУЛАГа?

Сто раз могу соглашаться с обличительной прокламацией моего земляка Чичибабина, тоже пятилетие отпахавшего в лагерях; в его стихах порой слышатся мне переключки со Смеляковым — и интонации, а то и темы. «Я на неправду чертом ринусь, // Не уступлю в бою со старым, // Но как тут быть, когда внутри нас // Не умер Сталин?» — пафосно пишет Чичибабин («Клянусь на знамени весёлом», 1959). Но отчего щемит сердце от последней смеляковской строфы про женскую руку «с томящей нежностью и силой», отчего эти «два безымянных цветка» побуждают вспомнить также Могилу неизвестного («безымянного») солдата, с 1966 г. появившуюся за углом Кремлёвской стены, у которой покоится И. Сталин? «Власть отвратительна, как руки брадобрея», — сказал страдалец Мандельштам, канувший в ту же бездну, что и несчастные Клюев, Васильев, Корнилов и многие другие. Но не отвратительней ли мы, в своем постыдном коллективном — ничтожном, плебейском — порыве, когда единым ртом кричим вождям «Осанна!», а потом, с такой же самозабвенной страстью, попираем их?

Смеляков — мастер символических перечней, соединенных в тройки, — замечает внимательный критик. «Тебе служили, комсомолия, // в начале первой пятилетки // простая койка, голый стол, // нагие доски табуретки...».

Любовная лирика? Извольте! Стихотворение про «Любку», с которого началась «взрывная слава комсомольского поэта Ярослава Смелякова»:

Посредине лета
Высыхают губы.
Отойдём в сторонку,
Сядем на диван.
Вспомним, погорюем,
Сядем, моя Люба.
Сядем, посмеёмся,
Любка Фейгельман!

Мне передавали,
Что ты загуляла —
Лаковые туфли,
Брошка, перманент.
Что с тобой гуляет
розовый, бывалый,
двадцатитрёхлетний
транспортный студент...

Наблюдение точное: уголовная «Мурка» тут слышится явственно. Как и более позднее, почти фольклорное, сработанное стилизатором: «Нинка, как картинка, с фраером гребёт, // Дай мне, Сеня, финку, я пойду вперёд...» Вот где уже не до смеха, прямиком в бандитские 1990-е, без выхода из них, на «Радио-шансон», гремящее в каждой маршрутке: «Шо же ты, зараза, хвост нам привела // лучше бы ты сразу, падла, померла!» Куда там смеляковскому пронзительному романтизму в этих «погорюем» и «посмеёмся» с Любкой Фейгельман!

А это, увы, актуально у нас всегда:

Отечество событиями богато:
ведь сколько раз, не сомневаясь, шли
отец — на сына, младший брат — на брата
во имя братства будущей земли.

И когда смотришь в Интернете или по ТВ на лицо некоего «удальца», а потом переводишь взор на портрет, как говорят, его прабабки Землячки (Розалия Самойловна Землячка, урождённая Залкинд, по мужу Самойлова), красного кровавого палача в Крыму в 1920–1921 гг., то ощущаешь неистребимую революционную преемственность. И как тут не вспомнить горькое стихотворение прозвевшего Смелякова «Жидовка» (1963), кем-то стыдливо потом переименованное в толерантное «Курсистка» — «о революционной фурии, которая ставила к стенке врагов революции, а потом сама угодила в ГУЛАГ, отсидела

срок и теперь получает старушечью партпенсию, пронзая собесскую очередь непреклонным стальным взглядом» (Л. Аннинский).

Оно страшно своей исторической, аскетически обнажённой правдой. И это уже совсем не про еврейскую девушку Любку Фейгельман.

Прокламация и забастовка,
Пересылки огромной страны.
В девятнадцатом стала жидовка
Комиссаркой гражданской войны.

Ни стирать, ни рожать не умела,
Никакая не мать, не жена —
Лишь одной революции дело
Понимала и знала она.

Во избежание неких упреков приведём источник: цитируем по известному изданию «Строфы века. Антология русской поэзии» (1995), составленному Е. Евтушенко.

Кто сказал «антисемитизм»? Такого тёплого, родственного до Смелякова никто не говорил (поэту Антокольскому): «Здравствуй, Павел Григорыч, древнерусский еврей!»
Но в 1987-м первая строфа была опубликована в несколько иной редакции, лживо уводящей совсем в иные истоки:

Казематы жандармского сыска,
Пересылки огромной страны.
В девятнадцатом стала курсистка
Комиссаркой гражданской войны.

«Землячка» ли, «жидовка» ли — расстрельщицы, садистки, однако сам автор — где же?

Вона как Смеляков обращался к Пушкину:

Мы твоих убийц не позабыли:
в зимний день, под заревом небес,
мы царю России возвратили
пулю, что послал в тебя Дантес.

Вся Отчизна в праздничном цветенье.
Словно песня, льётся вешний свет,
Здравствуй, Пушкин! Здравствуй, добрый гений!
С днём рожденья, дорогой поэт!

Гений, конечно же, добрый (строфа звучит самопародийно), но жуть большевицкой пули, «возвращённой» не только Царю, но и всей Царской семье, и её окружению, по-прежнему пронизывает всех нас, а не только «среди миллионов чисел остальных его судьбы и жизни единицу».

Популярность Смелякова в последнее десятилетие жизни была огромна. Изобильно выходили и переиздавались однотомники и двухтомники

избранных стихотворений (1957, 1961, 1964, 1967, 1970), «Строгая любовь» (1957, 1967), «Работа и любовь» (1960, 1963), «Разговор о главном» (1959), «Золотой запас» (1962), «Хорошая девочка Лида» (1963), «Милые красавицы России» (1966), «Роза Таджикистана» (1966), «Товарищ комсомол» (1968).

Многим (тогда вся страна была читающей) стали памятными строки «Если я заболел, к врачам обращаться не стану...», певшиеся и бардами — Юрием Визбором, Владимиром Высоцким, Аркадием Северным.

Или — стихотворение «Хорошая девочка Лида», которое, конечно, хоть и прорвалось окончательно в массы при посредстве гайдаевского фильма «Операция Ы» про обаятельного Шурика, но и до того было на устах у молодёжи. Меня всегда занимало: отчего режиссёр Л. Гайдай (совместно со сценаристами или сам?) включил его в сюжет, да ещё и дав героине имя Лида? Настолько нравилось или это был некий продуманный шаг навстречу зрителю?

Стихотворение, почти на той же волне, что и тексты Э. Асадова, в каком-то первозданном порыве преодолевающее эстетический примитив, завершается, быть может, и безыскусной, но пронзительной строфой (признаюсь: мне эта строфа нравится; но долго и безнадёжно придётся объяснять — чем именно):

Пусть будут ночами светиться
над снами твоими, Москва,
на синих небесных страницах
красивые эти слова.

Романтично. Но поэт-москвич Дмитрий Сухарев поделился со мной в недавнем письме: «Запомнилось, как он однажды сказал, что не мог бы, хоть зарежь, поставить в своём стихотворении слово “мечта”. В этом, может быть, некоторый ключ к его поэтике, которая пленяет не столько даже фантастической свежестью эпитетов, сколько тем, что земная».

Смеляков много ездил по стране, переводил с украинского, белорусского и других языков народов СССР.

Скончался поэт 27 ноября 1972 г., похоронен на Новодевичьем кладбище (участок № 7). Тогда вышли и посмертные издания Смелякова: «Моё поколение» (1973), «Служба времени» (1975), собрание сочинений в 3-х томах (1977–1978) и др. Во второй половине 1980-х стали публиковать его лагерные стихотворения.

Почитаем-послушаем (Смелякова, как и всех больших русских поэтов, следует читать вслух) программное, так сказать, сочинение «Памятник».

Приснилось мне, что я чугунным стал.
Мне двигаться мешает пьедестал.

<...>

Как поздний свет из тёмного окна,
я на тебя гляжу из чугуна.

Недаром ведь торжественный металл
моё лицо и руки повторял.

Недаром скульптор в статую вложил
всё, что я значил и зачем я жил.

И я сойду с блестящей высоты
на землю ту, где обитаешь ты.

Приблизусь прямо к счастью своему,
рукой чугунной тихо обниму.

На выпуклые грозные глаза
вдруг набежит чугунная слеза.

И ты услышишь в парке под Москвой
чугунный голос, нежный голос мой.

Это выросло, может, и из пушкинского «Камен-
ного гостя». А из самих смеляковских строк в
известной мере вырос чугунный сын —
с чугунной слезой, с чугунным же нежным
голосом Юрий Кузнецов.

Кузнецова интонационно слышим и здесь,
в стихотворении, обращённом к женщине («Ты
всё молодисься. Всё хочешь...»), об ускользаю-
щем, неотменимо тикающем времени: «Глаза,
устремлённые жадно. // Часов механический
бой. // То время шумит беспощадно // над
бедной твоей головой».

Почти о том же, но совсем по-другому — в смеля-
ковском стихотворении «Пирсмани»:

У меня теперь сберкнижка —
я бы выдал вам заём.
Слишком поздно, поздно слишком
мы друг друга узнаём.

Эту интонацию услышим и у замечательного
поэта-фронтовика Александра Межирова, кото-
рый, как и Чичибабин, был ровно на десять лет
моложе Смелякова.

Смеляков стремился, по его же словам, «сквозь
затвор косноязычья пробиться к людям», но
удавалось это, как водится, далеко не всегда.
Товарищ Смелякова поэт А. Макаров говорил:
«Вот порой сетуют, что у нас нет поэтов таких,
какие были в XIX веке, как Фет или Тютчев. Да
только ведь повторение невозможно — другой
век, другие люди. И нас время одарило больши-
ми поэтами. Ярослав открывает очень важную
часть души нашего со-временника. ...Ни понять,
ни оценить мы этого часто не умеем».

Однако критик В. Дементьев оценил:

«Его лучшие строфы написаны на высокогорном
уровне».

В Новомосковском историко-художественном
музее теперь имеется экспозиция, посвящённая
Ярославу Смелякову: фото, черновики стихов
сталиногорского периода, личные вещи, книги
учеников и друзей с дарственными надписями.

Скромно? А много ли вообще остаётся после
поэта — в литературном, а если угодно, духовном
смысле? И. Бродский насчитал у Тютчева,
кажется, четырнадцать хороших стихотворений,
причём задумчиво проговорился, что это очень
много. С. Куняев насчитал у Смелякова «трид-
цать-сорок стихотворений, но таких, у которых
вечная жизнь». Согласимся: это, в самом деле,
очень много.

ИСПОВЕДНИЧЕСКИЙ ПУТЬ АНДРЕЯ ТАРКОВСКОГО

В свете отмеченного недавно 80-летия Андрея Тарковского уже более отчетливо понимаешь, что через его фильмы в кинозрителей 1960-1980-х входила русская корневая культура, понимание того, что есть Отечество. Причем Отечество, дающее подсветку всему миру, включавшееся в зацепку с мировой культурой, где в высоком регистре мы созерцали и прекрасную Троицу преп. Андрея Рублева, и зимние пейзажи Питера Брейгеля Старшего, и Мадонну Литту Леонардо — пока за кадром звучала хоральная прелюдия Баха или иная космическая музыка, уловленная гениями Земли.

Приведу и здесь свою мысль, справедливую для наших больших мастеров того периода, на который пришелся пик творческой зрелости кинорежиссера Тарковского: узы любви к Отечеству, к его святыням протянуты к его произведениям из далеких духоносных веков. И в то межеумочное время, на годы которого пришлось даты жизни Андрея Арсеньевича, его произведения стали одним из тех исповедальных каналов, по которым передавался следующим поколениям духовный русский код, не угасший даже в период безбожия.

Убежден: советский период русской истории был провиденциальным, необходимым для русского вразумления попущением Божиим, и в советской эпохе, несмотря на морок, наличествуют — хоть далеко не всегда прямо выраженные — следы и свидетельства присутствия Духа Святого. В страшном русском XX веке были носители сакрального русского знания (подчас интуитивного, неназванного, безотчетного), деятельность, творчество которых позволило нам сохранить фундаментальные ценности даже в обстановке разрушения и уничтожения всего русского.

Андрей Тарковский тоже сумел, как и другие русские художники, — в отпущенной ему мере — выполнить Поручение Божией красоты, гармонии, страдания и сострадания, которые, как мы понимаем, и были частью его дара.

Мы, городские советские люди, — дети пионерских линеек, экзаменов по обществоведению и научному коммунизму, выросшие в безбожную эпоху, получили все же «русскую прививку» — благодаря великой русской литературе (скажем, XIX века, которую Т. Манн назвал святой), более-менее обширно преподававшейся в школе, а также благодаря советскому кино, благодаря экранизациям русской классики, благодаря писателям-деревенщикам. В этом ряду — русского искусства интенсивного духовного

поиска, постоянного общения с национальной нравственной памятью — внятное место занимает Андрей Тарковский, что бы ни говорили о его индивидуальных «заблуждениях», «искривлениях» и т.п. Если они и были (разумеется, были, как у многих, если не всех), то это заблуждения выдающегося русского художника, мыслителя, незаурядной души, жившей интенсивнейшей духовной работой.

Верно наблюдение, что многие советские художники прошли исповеднический путь — в том смысле, что ценой здоровья, а порой и жизни пронесли сквозь годы безбожья и донесли до людей тот «крохотный светик» Духа, который потом, в конечном итоге, и привел многих советских и постсоветских людей к вере. Неслучайно кинорежиссер сам говорил в интервью Шарлю де Бранту: «Вера — это единственное, что может спасти человека. Это мое глубочайшее убеждение. Иначе что бы мы могли совершить? Это та единственная вещь, которая бесспорно есть у человека. Все остальное — несущественно».

Потрясающе: в феврале 1979-го, когда вокруг простирались, кажется, выжженные поля безбожья, человек пишет в своем дневнике: «Боже! Чувствую приближение Твое. Чувствую руку Твою на затылке моем. Потому что хочу видеть Твой мир, каким Ты его создал, и Людей Твоих, какими Ты стараешься сделать их. Люблю Тебя, Господи, и ничего не хочу от Тебя больше. Принимаю все Твое, и только тяжесть злобы моей, грехов моих, темнота низменной души моей не дают мне быть достойным рабом Твоим, Господи! Помоги, Господи, и прости!» Тогда же: «Образ — это впечатление от Истины, на которую Господь позволил взглянуть нам нашими слепыми глазами... Великое счастье — ощущать присутствие Господа».

Самый яркий пример русского духовного становления в вышеупомянутый период отечественной (тогда советской) истории и, если угодно, восхождения, произошедшего на глазах всего мира, являет собой, между прочим, и Николай Бурляев, совсем мальчишкой, отроком пришедший в первый свой фильм Тарковского «Иваново детство» (вышедший в 1962-м, а снимавшийся ранее), и через четыре года сыгравший пронзительного Борису в одной из новелл фильма Тарковского «Андрей Рублев» (который автором был назван «Страсти по Андрею»). Чтобы потом, через годы, снимать фильм о Лермонтове, играть Иешуа Га-Ноцри, Государя Николая II, а далее — стать основателем и главным двигателем грандиозного Международного форума Славянских искусств «Золотой витязь».

* * *

Говоря о Тарковском-сыне мы не можем не говорить о Тарковском-отце. Поэзия Арсения Александровича Тарковского, и фильмы его высокоодаренного сына, начиная от «Иванова детства» и заканчивая «Жертвоприношением», есть свидетельства духовной жизни этой семьи, представшей перед нами, современниками. Для меня нет никакого сомнения: без Тарковских мы были бы другими. О себе могу сказать это с полной определенностью. Оба имени, а также лучшие произведения Тарковских я, вместе с моим поколением, ношу в себе как бесценное сокровище, как тот самый «праздник, который всегда с тобой». Потому премия, объединяющая два великих имени, полученная из рук Марины Арсеньевны Тарковской, не только чрезвычайно высока и лестна для меня, но еще и ко многому обязывает.

Понимание истоков всегда очень важно, а потому повторю проникновенные слова поэта Алексея Ивантера (Москва): «Когда произносят имя Арсений Тарковский, мне хочется встать». Действительно, в образе и судьбе этого прекрасного человека, значительного русского поэта XX века, сошлось многое — и большой литературный дар, и внешняя и внутренняя красота, и тот мученический факт, что он лишился ноги в Великой Отечественной войне, будучи молодым офицером. Напомню его поразительные строки: «Я снова пойду за Великие Луки, чтоб снова мне крестные муки принять». Размышляя об Арсении Тарковском, следует ясно понимать, что речь идет об одном из крупнейших русских поэтов XX в., величину и значение которого пока еще не смогло оценить в полной мере русское культурное сообщество. Возможно, причиной тому — особенность и глубинность поэтического голоса Арсения Александровича, коего затруднительно втискивать в литературные обоймы и когорты, ибо и в литературе, и в жизни он существовал преимущественно в стороне от тенденций и «направлений», сам по себе, словно выполняя пушкинский наказ: «Ты царь, живи один».

Примечательно, что отец и сын вышли к публике практически одновременно: первая книга Арсения Тарковского, «Перед снегом», появилась в продаже в том же году, когда фильм его сына «Иваново детство» получил Гран-при Венецианского фестиваля, то есть в 1962-м. Для людей культурных это было одновременное явление поэта и режиссера. Хотя, конечно, сиюминутный общественный эффект сравнивать невозможно, поскольку кино прошло по экранам всего мира.

Поэт и филолог Светлана Кекова (Саратов) резонно считает, что Арсений и Андрей — это воплощение одного мироощущения путем разных искусств. В слове и в кинематографе.

С. Кекова находит совпадения даже на уровне их зрительных рядов. Например, со строкой Арсения «И птицам с нами было по дороге» (из стихотворения «Первые свидания»), исследовательница соотносит — как визуальный аналог строки — кадр в фильме «Зеркало», где мальчик стоит на горе, а перед ним расстилается брейгелевский пейзаж, и к нему на плечо садится птичка. Или еще, из «Титании»: «Мне грешная моя, невинная / Земля моя передает / Свое терпенье муравьиное / И душу крепкую, как йод». А в фильме «Андрей Рублев» — Феофан Грек сидит, запустив ноги в муравейник.

И ведь совсем не обязательно, чтобы сын прочел строки отца и, как по сценарию, проиллюстрировал. Эти образы словно имплицированы, заключены в общем «тарковском» коде.

Несмотря на то, что в нескольких фильмах Андрея Арсеньевича звучат стихи Арсения Александровича, во всем мире больше знают Андрея, кинематографиста, а не отца-поэта.

Но нам надлежит понимать иерархию и помнить о ней: оплодотворяющим истоком является отец. «Притом что Андрей создал великое искусство, все-таки он ведом отцом» (С. Кекова).

* * *

Стилистика камеры Тарковского завораживает, темпоритм фильмов Тарковского необычен и зачастую труден для суетного зрителя (читай — для всей торопливой эпохи, все более убыстряющей ход). Это умное вглядывание в предметы, пейзаж, лица, если угодно, в воздух. Медленное вглядывание, медленное делание, словно проживание векового русского вопроса: что есть действие — кипучий капитализм штольцев или созерцательная раздумчивость и медлительность обломовых?

И — медленное, «бергмановское» говорение. О чем же?

Вот — краеугольное суждение Тарковского для современности, для эпохи повсеместных подмен и эрзацев: «Одним из печальнейших признаков нашего времени является, на мой взгляд, тот факт, что средний человек окончательно отрезан от всего, что связано с размышлением о прекрасном и вечном. Скроенная на “потребителя” современная массовая культура — цивилизация протезов — калечит душу, все чаще преграждает

людям путь к фундаментальным вопросам их существования, к сознательному воссозданию самих себя как духовных существ...»

Это сказано абсолютно пророчески: через несколько лет после кончины кинорежиссера начнется невиданный в истории человечества информационный бум, внедрение Интернета и мобильной связи в частную жизнь и сознание большинства населения планеты, в корне меняющие духовно-нравственные и интеллектуальные условия людского существования.

В 1986-м, за четыре месяца до смерти, в год выхода последнего его фильма с неминуемым названием «Жертвоприношение», смертельно больной Андрей Арсеньевич написал: «Любовь — всегда дар себя другим. И хотя жертвенность, слово жертвенность, несет в себе как бы негативный, разрушительный внешне смысл (конечно, вульгарно понятый), обращенный на личность, приносящую себя в жертву, — существо этого акта — всегда любовь, т.е. позитивный, творческий, Божественный акт».

Это аугает с мыслью другого выдающегося русского мыслителя, Льва Карсавина, утверждавшего, что любовь есть жертвенное умирание ради других. Судьба такого художника, как Андрей Тарковский, уверяет нас в том, что «жертвенное умирание» и является «жертвенной жизнью» творческой личности, раздающей себя словно хлеб, питающий других людей. Судьба русского художника Андрея Тарковского есть и яркое подтверждение невозможности жизни иной, кроме как предписанной в Евангелии от Иоанна (XII, 24): «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода». Мы помним, что эти слова Христа эпиграфически предпосланы грандиозному русскому роману «Братья Карамазовы» и что Достоевский — за сто лет до кончины кинорежиссера-мыслителя Тарковского — полагал их связанными с темой прошедшего, настоящего и будущего России (а через нее — и всего человечества).

Всё связано в нашей истории в единый исповеднический русский узел. Всё связано. И Бог сохраняет всё.

Харьков,
Рождественский сочельник 2013 г.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ НОЧЬ В ХАРЬКОВСКИХ БОРКАХ

*«Радуются ныне бодрственные,
потому что пришел Бодрый (Дан. 4: 10)
воздвигнуть нас от сна!»
Преп. Ефрем Сирин*

В Рождественский сочельник мы отправились на автомобиле вшестером из Харькова в поселок Борки, куда мою куму пригласил настоятель Свято-Успенского храма о. Сергей (Стешенко). Кум — за рулем, мы ехали в приподнятом настроении, особенно его дочь, моя крестница, год проработавшая в Арабских Эмиратах и прервавшая контракт из-за тоски по всему родному.

Как и предупреждал метеопрогноз, была метель, гололедица, автомобиль иногда «соскальзывал», мы пронеслись по скользкой трассе через райцентр Мерефа, отметив указатель на Озеряны, вспомнили, как ездили сюда на Пасху, в храм в честь чудотворной иконы Богородицы Озерянской, повернули на Борки. Как и упреждал батюшка, мы не заметили развилки и проскочили (хорошо, что проскочили!) до Спасова скита — так теперь снова называется железнодорожная платформа, располагающаяся на 865 км к югу от Москвы, — на месте, где 17 (29) октября 1888 г. произошло крушение Императорского поезда. Сначала сверкнул в ночи ее золотой куполок, а потом нам явилась за ветвями деревьев в лучах прожекторов и сама белостенная часовня, видная даже из окон пролетающих поездов. Засветилась часовенка в ночи — как свечечка в Рождественский сочельник.

Храм Христа Спасителя и часовня Спаса Нерукотворенного в Борках. Открытка рубежа XIX- XX гг.

* * *

История с крушением — поразительна. Стоит ли говорить, что вся Россия восприняла спасение Царской семьи как чудо. Молебное благодарственное эхо прокатилось по великой Империи: в честь чудесного спасения повсеместно возводились храмы, по всей стране собирались пожертвования на постройку близ харьковских Борков огромного храма Христа Спасителя и часовни Спаса Нерукотворенного, что и было осуществлено в 1891—1894 гг. по проекту академика архитектуры Р. Марфельда.

Царский поезд шел из Севастополя в Москву. Официальной причиной крушения были признаны технические нарушения — превышение численной нормы вагонов и скорости движения состава, приведшие к качке и сходу с пути на изгибе трассы. Существовала также описанная позднее версия, что крушение было вызвано взрывом бомбы, заложенной помощником повара императорского поезда, человека, связанного с террористами-революционерами (он впоследствии скрылся за границей).

В результате катастрофы 21 человек погиб, 35 получили ранения. Вагон с царской столовой, в которой находились Александр III и его супруга Мария Федоровна с детьми и свитой, был весьма искорежен, фактически разрушен полностью, но никто из членов Императорской фамилии, по счастью, не пострадал. Большинство пассажиров этого вагона отделалось легкими ушибами, ссадинами и царапинами. К слову, в нем находился и будущий российский император Николай II Александрович, старший сын Государя, тогда двадцатилетний цесаревич. Рассказывали, что Александр III, человек богатырского телосложения и незаурядной силы, удерживал на себе крышу сошедшего с колеи и разбившегося вагона, пока пострадавшие выбирались из него.

В вагоне царских детей в момент крушения находилась лишь Великая княжна Ольга Александровна, впоследствии известная художница, выброшенная вместе со своей няней на насыпь, и малолетний Великий князь Михаил Александрович, вынутый из обломков охраной, при помощи самого Государя.

Величественный храм Христа Спасителя был построен в русско-византийском стиле XVII века в 60 м от железнодорожной насыпи и вмещал до 700 человек. Часовня Спаса была воздвигнута на том месте, где сошел с насыпи вагон-столовая, и состояла из пещерной части, расположенной в железнодорожной насыпи, и четырехгранной башни с золотой главой. Тут же был разбит

парк. Некоторый начальный период Спасов скит находился под эгидой Святогорской Свято-Успенской обители (с 2004 г. — пятой русской Лавры).

Храм Христа Спасителя в Борках.
Открытка конца 1890-х

На деньги железной дороги и добровольные пожертвования здесь были построены больница и дом для престарелых железнодорожников, открыты церковноприходская школа, народная бесплатная библиотека. Спасов скит как место явленного чуда спасения Императорской семьи изобильно привлекал паломников, несколько раз приезжал сюда и Император.

Государь Николай II с Государыней Александрой Федоровной на вокзале в Борках (Спасов скит) 20 августа 1898 г. во время визита по случаю 10-летия крушения Императорского поезда. Фото-съемка — известного харьковского фотографа А. Федецкого.

Увы, храмовый комплекс был полностью разрушен в годы Великой Отечественной войны. В безбожное время платформа называлась Первомайской. Но Бог сохраняет все, и народная память, к счастью, не всегда бывает затемнена окончательно, а потому в новейшие времена, спустя десятилетия, в 1992 г. силами местных жителей началось восстановление часовни на прежнем месте. К лету 2003 г. при активном участии ЮЖД реконструкцию часовни завершили. Крест с Распятием Спасителя поставлен в 2007 г. — на месте алтаря разрушенного храма Христа Спасителя, и изготовлен из дуба, поднятого со дна р. Десна в Черниговской обл. Утверждают, что дуб пролежал в воде более 1000 лет.

Часовня Спаса Нерукотворенного и Распятие у места крушения Императорского поезда. Современное фото.

Теперь в воскресенье и праздничные дни все электрички, идущие из Харькова на юг, в сторону станции Лозовой, делают короткую остановку у платформы Спасов скит, и православные могут поклониться святыне.

* * *

Мы повернули назад, наш кормчий включил систему GPS, которая женским строгим голосом объявила, что связь со спутником установлена, а потом рассказала и показала, куда ехать. Ну не сказка ли XXI века, в ночь перед Рождеством, в самом-то деле! Через 15 минут мы оказались в поселке Борки, у нового, красно-кирпичного Свято-Успенского храма, в тишине, заснеженной настолько, что ветви деревьев казались выгнутыми изобильной белой ношей. Тиха украинская ночь!... Луны, конечно, было не видать. Ау, Вакула!

Храм Успения богородицы в п. Борки. Рождественская ночь 2013 г.

А мы были почти как волхвы, которые тоже прибыли к вертепу Богомладенца издалека, хоть и без спутниковой системы GPS, ведомые одним ориентиром: «Иисусу же рождшуся в Вифлееме Иудейстем, во дни Ирода царя, се, волсви от восток приидоша во Иерусалим, глаголюще: где есть рождейся Царь Иудейский? видехом бо звезду Его на востоце, и приидохом поклонитися Ему. (Мф. 2, 1-2)».

В уютном, небольшом храме, с красивым черным одноярусным иконостасом и низким потолком, где потом собралось три-четыре десятка молящихся, было натоплено, уютно, радушно, отрадно. Нам улыбнулись три инокини, а также служившие в храме местные женщины, обрадовавшиеся нам как родным и поздравившие нас со Святым вечером. Удивительно: от праздничной иконы, радостный, ко мне подошел чтец, несший послушание на клиросе, и это был мой ученик по семинару русской поэзии, которого я не видел, пожалуй, года два. Воистину: «Днесь благодать Святаго Духа нас собра», знакомых и незнакомых, постившихся и непостившихся.

Было уже почти девять часов вечера, иерей Сергей, настоятель храма, отпускал последних исповедовавшихся.

«...Не заботьтесь, как или что говорить, ибо Святый Дух научит вас в тот час, что должно

говорить» — сказано в Евангелии (Лк.12:11-12). И ты, ставя свечи и подавая записки, именно здесь находишь свои в самом деле главные слова, вдруг восходящие в твоём сердце словно ниоткуда.

Началось чтение, а за ним Рождественская служба. И в небольшом пространстве храма, где все видят и слышат друг друга, где всякое слово читающего и оглашающего внятно слуху и сердцу, тихой благодатной радостью изливается в душу. Это же происходит сейчас, здесь, с нами; и опять, как каждый год, вживе, через всю Вселенную, Иосиф Обручник и Пресвятая Дева Мария спешат в Вифлеем на перепись населения, объявленную кесарем Августом; и не находят места в Вифлееме, и вынуждены провести ночь за городом в вертепе, то есть, в пещере для загона скота, и «Дева днесь Пресущественнаго рождает, и земля вертеп Неприступному приносит; Ангели с пастырьми славословят, волсви же со звездою путешествуют: нас бо ради родися Отроча младо, Превечный Бог». И нам, как и пастухам, пасшим стада недалеко от пещеры, являются ангелы с благой вестью о рождении Спасителя, и мы, как пастухи и прибывшие издалека персидские мудрецы, уже — свершается! — поклоняемся чудо-Младенцу, Который есть источник и жизни податель — Сын Божий, восприявший плоть и кровь нашу, чтобы обновить и спасти человечество.

Рождество Христово. Икона XVI в.

ные, непостижимые (?) слова древних авторов, оставивших нам Рождественские песнопения и нашедшие для этого удивительные слова: «Сегодня пусть веселятся небо и земля! Да играют и ликуют горы, холмы, долины, реки и моря! Да торжествуют ангелы и люди, ныне Христос пришел для обновления и спасения наших душ».

Братская могила в п. Борки. Рождественская ночь 2013 г. Фото автора

И хлеб, и пшеница, и вино, и елей, благословленные после литии, — для нас всех. Пять хлебов — в воспоминание насыщения Спасителем пяти тысяч пятью хлебами. Они в алтаре поделены на кусочки, политы вином и поданы каждому после помазания, также в память древнего обычая раздавать пищу молящимся, приходившим иногда издалека, чтобы они могли подкрепиться во время продолжительного Богослужения.

Ногам ломко, телу тяжело, спина занывает, а отец Сергей с личным и в то же время горным волнением читает знаменитые, а для нас сызнова новые строки: «Радуются ныне бодрственные, потому что пришел Бодрый (Дан. 4: 10) воздвигнуть нас от сна...». Это «Песнопения на Рождество Христово» преподобного златоуста Ефрема Сирина; батюшка читает, словно впервые, и мы с изумлением вслушиваемся в новизну этих поразительных слов, где Господь именуется Бодрым, открываем их для себя: «...Будет ли кто спать в эту ночь, в которую бодрствует вся тварь? Поскольку Адам грехом ввел в мир смертный сон, то нисшел Бодрый, чтобы возбудить нас от глубокого греховного сна...».

Добрый батюшка снисходительно к нашей слабости мягко говорит тем, кто слаб, что можно во время чтения Часов даже выйти на морозец, в сияние снегов, пройтись, размяться.

Именно тут в трех шагах от западной стены храма, уже полвека, а то и более того, стоит у памятных гранитных плит скульптура скорбной Матери; здесь братская могила советских воинов, павших при освобождении Борок в Великую Отечественную войну. Эти вечно живые

(ибо «нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя», нет жертвы выше, чем подвиг солдата, защитившего Родину от врага) в Рождественскую ночь тоже встречаются вместе с нами Младенца Спасителя.

У иконы Богородицы «Песчанская», в праздник иконы Божией Матери Казанской, архипастырское богослужение в Свято-Вознесенском соборе в Изюме.

И с полуночи — идет литургия Василия Великого, венчаемая Причащением Святых Таин. Отец Сергей прочитывает Рождественское послание Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, адресованное, как водится, не только архипастырям, пастырям, диаконам и монашествующим, но и всем верным чадам Русской Православной Церкви. В центре послания — такие слова: «Подобно тому, как Христос явил нам подлинную милость, безмерное снисхождение к нашим недостаткам, так и мы должны быть милосердными и снисходительными к людям. Следует заботиться не только о наших родных и близких, хотя о них нужно заботиться в первую очередь (см. 1 Тим. 5:8), не только о наших друзьях и единомышленниках, но и о тех, кто пока еще не обрел единство с Богом. Мы призваны подражать в любви Спасителю, молиться за притесняющих и обижающих нас (см. Мф. 5:44), постоянно иметь в своем помышлении благо всего народа, Отечества и Церкви».

Можно остаться в храме на ночлег, даже провести остаток ночи в беседе и праздничной трапезе, однако нам — в путь.

* * *

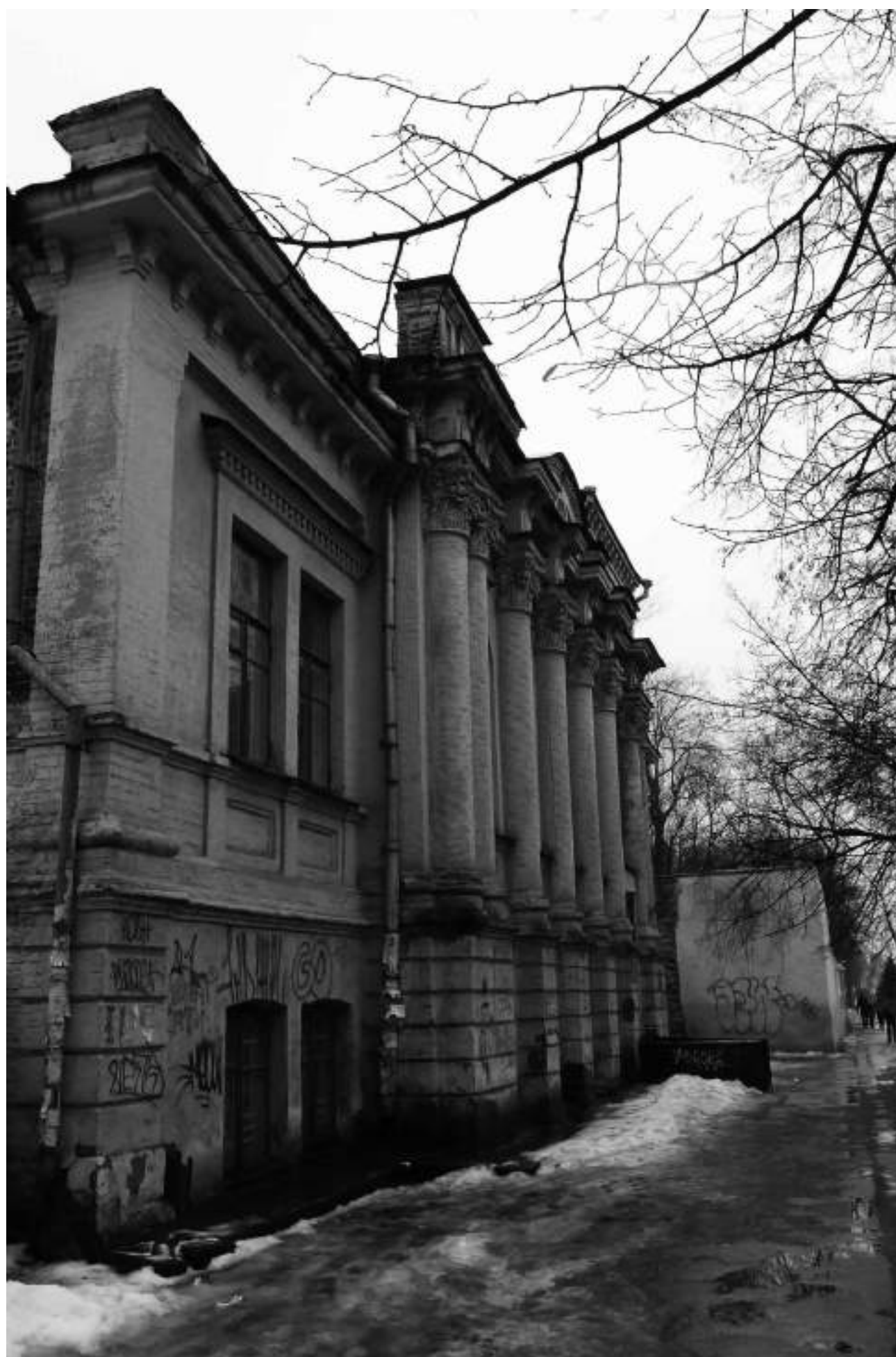
И снова метет метель, швыряя в лобовое стекло крупой, на пустынной трассе изредка, раз в десять-пятнадцать минут возникает встречное авто, заснеженные деревья озаряются светом фар. И как только я произнес вслух: «Ночь Рождественской сказки. А где же сказочные феи?», на обочине засветились две флуоресцирующие зеленым фигуры сотрудников дорожно-патрульной службы. «Ну вот и феи!» — почти в один голос воскликнули мои спутники. Сказочность

заключалась в том, что гаишник поздравил с Праздником, попросил у водителя документы и, не учуяв преступных алкогольных паров, на которые в три часа праздничной ночи вполне мог рассчитывать, поинтересовался, откуда едем («На службе были». — «В Озерянах?» — «Нет, в Борках».), не вздыхал разочарованно, голову в салон не вставлял, а, еще раз поздравив, пожелал счастливого пути и осторожной езды по гололедице.

И снова неслись в Рождественской ночи, словно включенные в треугольник Слобожанских православных общерусских святынь, которые в эту ночь и всегда рядом, спасительные, — Богородичные Иконы в Озерянах и Изюмских Песках, Спас Нерукотворенный в Борисоглебском монастыре в с. Водяное, где завтра службу будет править архиепископ Изюмский и Купянский Елисей (Иванов). Ведь храм в Борках с 2012 г., после кончины митрополита Никодима, относится не к Харьковской и Богодуховской епархии, а к ее бывшей части, ныне епархии Изюмской и Купянской. Не нашего ума дело размышлять — хорошо это или плохо, что такую мощную епархию, всегда стоявшую столпом единой Церкви, нынче разделили на две, но мы знаем и помним, что это та самая епархия, и это тот самый Изюм, в котором святителем Иоасафом Белгородским была в 1754 г. обретена знаменитая чудотворная икона Богородицы «Песчанская». Это произошло в слободе Пески Харьковской губернии, в двух верстах от уездного города Изюма, в местном приходском храме.

Но как ни дроби епархии и не тасуй между ними районы области (что уже происходит), но святыни — пребудут в едином лоне матери-Церкви, останутся светильниками единого Русского Православия. Помним, что святитель Иоасаф был епископом Белгородским и Обоянским, и православные Харьков и Изюм тогда окормлялись его кафедрой.

И легче лететь сквозь снег во вселенском холоде и черноте, когда в сердцах — словно «ангели поют на небесах» — ирмос 1-й песни Рождественского канона, вдохновляющий радостью: «Христос раждается, славите! Христос с небес, срящите. Христос на земли, возноситеся. Пойте Господеви, вся земля, и веселием воспойте, людие, яко прославися!»

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ

Житомирская поэтическая организация «Оксія»

Лариса ПАЛАМАРЧУК

Из плотины холодных слов извлекаю ямб

Народне аматорське літературно-мистецьке об'єднання (НАЛМО) «Оксія» було засноване у серпні 2002 року як молодіжна організація «Роза Йерихона». 15 квітня 2004 року організація зареєстрована як Житомирська міська молодіжна громадська організація (ЖММГО) «Оксія». Засновниками організації є Костянтин Куліков, Ірина Завальнюк, Сергій Дишлевий та Наталія Дишлева. У 2010 році організація отримала звання Народної. Але фактичним початком усього можна вважати діяльність неофіційної організації «Провінція», котра веде відлік часу від проведення першого засідання 18 серпня 2000 року, де власне Костянтин Куліков й запропонував створити літературне об'єднання. За період існування випущено декілька альманахів, проведено авторські вечори та поетичні вистави. Організація розвиває діяльність у кількох напрямках: література, музика, фотографія, образотворче мистецтво. Результати оприлюднюються періодично на виставках-презентаціях, творчих вечорах, концертах, у пресі та самостійних виданнях. «Оксія» активно шукає таланти серед молоді та юнацтва й сприяє їх творчому розвитку та самореалізації, залучає молодь до культурного життя. Фестиваль художнього читання виявляє кращих читців поезії рідного краю. Кожного року відбувається «Поетичний марафон «Оксія». Результатом цього є альманах з віршами переможців.

Крім того актив організації проводить роботу у наступних гуртках:

- 1) музичному (гітара, вокал);
- 2) фотографія;
- 3) образотворче мистецтво.

НАЛМО «Оксія» створює умови, що сприяють не тільки задоволенню, але й захисту законних творчих, соціальних, національно-культурних та інших спільних інтересів її членів; намагається також створити умови для розвитку культури і мистецтв серед юнацтва у Житомирі; постійно співпрацює з педагогічними та науково-педагогічними

колективами навчальних закладів; надає допомогу в навчально-виховній роботі педагогічним колективам у патріотичному, культурному та інтелектуальному розвитку дітей та молоді, морально-етичному та естетичному вихованні. Формує повагу до історико-культурних цінностей, традицій українського та інших народів.

Учасники «Оксії» — студенти, вчителі, робітники, учні технікумів, шкіл. Кожен з них має свій стиль, свої вподобання. Але усіх об'єднує любов до поетичного слова, прагнення до вдосконалення, пошук нових форм, нищення стереотипів мислення та можливість стати й надалі бути людиною особистістю.

До вашої уваги творчість активних оксіан.

Артем БЕЙ

Інженер автоматизації, завод минераловатних изделий ТОВ ОБИО.

* * *

Тобі вдалося
Вкласти життя
У сторінку,
Спотворивши зміст.
Створити салат
Із фактів і почуттів.

Моя злість
Горіла всередині,
Випалювала очі.

Її не знатиме
Боксер із клубу,
Що відбував
Умовний термін.
Він отримає
Свою кулю.

Та й Інтернет-сайтам
З їх відвідувачами
Ніколи
Не відчути
Нашої пристрасі.
Хіба що
Під час вбивства.
Останнім часом
Стрибаю
З мостів із
Динамічною
Мотузкою.
Занадто
Люблю тебе
Щоб лишити
Без мрії,
Хоч і з
Ексклюзивною
Заміткою
В дешевій
Газеті.

Напевно,
Розкабанілий
Янгол-охоронець
Написав заяву
Про звільнення
І почав
Заливати депресію
Горілкою,
Образившись
Що в нього
Не вірять.

А колишній...
Дісталось найбільше —
Вона вийшла заміж.

Валерій ВОЛКОВСЬКИЙ

Тренер з баскетболу в ДЮСШ.

* * *

Дівочка із школи повертається.
В охапке цветы держит.
Смотрит, а отец печь растопил.
Она их и бросает в огонь,
Губку закусив и ножку за ножку поставив.
А огонь ей котиком ложится на руки
И мурлычет.
Смотрит в её слёзки
То брёвнышками, то ромашками,
По щёчкам переливающимися.
И за такую красоту гладит девочку
Из горла которой
Вылетают пчёлки,

Уносящие пыльцу её кокетливой
Благолепной юности.

Наталія ГРИЦИК

Студентка ЖДУ ім. І.Франка.

Лавка на вокзалі

Под вокзальной лавкой крошки.
Голубиная шайка, шурша под ногами,
Выпрашивает милостыню
У брошенных обывателей.
«Подайте Христа ради», —
Прошепчет сумасшедший,
Развалившись на лавке,
И уснёт, чтобы не проснуться.
Чей-то голос отчётливо скажет:
«Поезд отправляется...»
Но пока он спит, укрывшись
чехлом шёлковой пыли.
«А у лавки ножки из шоколада?» —
подумает мальчишка,
которому мамочка не разрешила
купить игрушку.
«А ведь вправду, шоколадные!» —
подумала ржавчина
и продолжила трапезу.

Наталія ДИШЛЕВА

* * *

Слова мои
ягоды черники
поздней
непроглядной зиме оставленные
прижимаешь к груди
растираешь по телу
и мурашки убегают значениями
не слизать никому дочиста
что вернётся на платье бусинками
не проглотить до дна что оставлено хранится
молчанием
когда берёзовый сок разольётся по бумаге
нарциссами
да не вытереть тину
ни подолом
ни волосом крашенным
только замечаю на чьих губах
зёрнышки замерзают болотными птицами
рано прилетевшими

* * *

Твой взгляд — серый зимний свитер
из грубой шерсти,
наизнанку одетый на моё голое тело
И не снять,
и не спрятаться.
Может, в новых тёплых краях
дождусь холодов
в банках с вишнёвым вареньем без косточек.
Но твой взгляд —
птенец, выпавший из гнезда,
и я уже не знаю,
как его вернуть обратно.

Оксана ЄВМЕНЧУК

Студентка Ніжинського університету ім. М. Гоголя.

* * *

Місяць у чашці такий лимонний
і сонливий,
навіть трохи схожий
на цитрусові цукерки.
Цвинтарними травами
все ще встеляє осінь
постелі своїм жучкам,
які підточують
бетонну сталість відносин.
Яблуневими свічами
в чорнильних глибинах
дольки місяця сонного,
трохи схожого на цукерки.

Зима

Зимовими тенетами заплетені стежки,
Немов косами осені. Болючі й мовчазні,
Залишені у променях мелісові слова
Посипались на шкіру нам. Зима — лише вдова,
Що малювала комами у небі ретро-стиль.
Та вітер глазурований у скриню його змів.
Вмуровані у клавіші і в тротуар слова
Кричали прямо в вуха нам: «Зима — лише
вдова!»

Вадим ЖАЛЮК

*Працює в Службі у справах дітей Житомирської
міської ради.*

Спочатку було слово...

Черпатиме кухлями
Святість,
Хто звідав гріховності.
Дарована радість
У повній безмовності
Зречеться
Умовностей.
Ніч
Замовляє наші бажання.
Оцінюємо інших
Знаком буття,
Гостротою питання
Пізніше
Услід
Помилками між іншим,
Забutih
Очима.
Майбутнє незримо.
Гамуючи гуркіт машин
І прокуреність барів,
Торкаюсь її...
І печу,
Невдало,
Вслухаючись в серця удари.
Пилиться площа вогнями.
Ваші закони,
Затерті ліктями.
Ми непідвладні.
Поза століттями
Є лише мить,
Наповнена вічністю.
Ми вдовольнилися
її пересіченістю.
Тим, хто гріховність
Без святості знав,
Самозрікся
Від самодостатності,
Народився,
Та світ не пізнав —
Вколишетесь старістю.
Задумайте речення,
Тричі його прокрутіть
Надривно, ледь самозречена,
Вторить, вгризаючись, втома:
«Спочатку було слово...»

Тетяна КОНОНЧУК

Оператор колл-центра.

* * *

При таком положении дел
Можно смело делиться последним.
Кто родился в рубашке,
Тот должен вернуть этот долг.
При таком постижении тайн
Невозможно считаться безвредным.
Кто родился в пижаме,
Тот должен глотать димедрол,
Чтобы спать спокойно,
Достаточно мягкой постели.
Если в комнате мягкие стены,
Ты вряд ли уснёшь.
Нашу улицу видно
Сквозь узкий сырой подоконник.
Брёвна наших глазниц
Разжигает подвыпивший дождь.
Кто свернёт тебе шею —
Возможно, вернёт себе крышу.
Я свернула с дороги
И просто верчусь, как земля.
Кто родился в земле,
Вряд ли встанет когда-то на ноги.
Каждый год ампутирует
Пятую часть февраля.

* * *

Ты ела дыню в Денвере,
арбуз — в Санкт-Петербурге,
Бросала на пол семечки и шкурки.
На босу ногу итальянский сапожок
Ты надевала, повергая в шок
Шикарных дам и шелудивых псов.
Питалась то свиной, то мацой.
Бывало, напивалась как свинья,
И, не имея постоянного жилья,
Была объектом нежелательных вопросов
От тех, кто первым может камень бросить.
Ты улыбалась сфинксам, метрдотелям,
Официантам, полицейским, чародеям,
Рыдала в интернет-кафе и зоопарках,
Полярный климат находила жарким.
Однажды, спутав негра и араба,
Потребовала борщ в ирландском пабе,
Публично признавалась в онанизме,
Уже дойдя до пороссячьих визгов.
Затем кормила рыбок и лангустов,
Направив мысли в правильное русло —
За горизонт. А он потом исчез,
Небрежно спутав Диснейленд и Пер-Лашез.

Константин КУЛИКОВ

Основатель организации, бард, поэт;
победитель XI Международного фестиваля автор-
ской песни в г. Славутиче в номинации «Лучший
автор» (2005);
победитель XIII Международного фестиваля ав-
торской песни в г. Славутиче в номинации «Поэзия»
(2007);
победитель Международного фестиваля авторской
песни, посвященного В. Высоцкому в г. Ровно (2009);
победитель Международного фестиваля поэзии
«Ватерлиния» в г. Симферополе (2012);
член жюри фестиваля авторской песни «Лесная
фiesta» в г. Боярке;
член жюри фестиваля авторской песни «Ми-си-соль»
в г. Житомире;
директор фестиваля «Поэтический марафон
“Оксия”»;
директор фестиваля художественного чтения
«Поэзия житомирских авторов»;
автор сборников стихов: «Три кота» (детский),
«Я спустился на землю», «Лунный ветер», «Гон»,
«Заговор»; сборника песен «Сорок одна песня»,
сборника гитарных пьес «Десять этюдов».

* * *

Если верить приметам, то воздух вчерашних обид
Осыпает разлуку с домов перемёрзшего города.
У фонарных столбов свет Сатурна
на кольца разбит:
Февралю в бесконечную даль три минуты
на сборы дал.

Колокольчиком медным всю ночь примиренье
звенит,
Между третьей и пятой наложницами
сострадание.
Окончательно злое желание: «Не обмани!»,
За разлукою следом стремится
от здания к зданию.

Но в мечтаньях давно — отказаться от этих затей
И Желанным оставить свободу лукавого
странствия.
Сумасшедший Сатурн поедает своих же детей...
Лишь на улицах кольцами
свет фонаря ещё здравствует.

* * *

Избыток внимания — дождём по глади озера,
Гроза щёлкает кнутом по ушам,
Аморальные руки продолжают своё стремление...
Там, где ты кричишь и смеёшься,
Наслаждаясь теплом ночной воды,
Прямо под ногами плавают молодые русалки.

Лариса ПАЛАМАРЧУК

Вчитель світової літератури ліцею № 2.

* * *

Тенью ломаю угол.
Кривой брошены наискось куклы.
Скошены рожицы фарфоровые
Пепельным локоном.

Долго нам прятаться,
В датах путаясь?
Кутаюсь в весну будущую...

* * *

Рыцарями полнится земля...

Землю тошнит от рыцарей,
Крысами съеденных...

Въедем ли мы в
Серебряное царствие,
Подвластное нам...

Земля, рыцарей переварившая,
Перебродила ржавчиной...

* * *

Из плотины
Холодных слов
Извлекаю ямб.

Грешник, плачущий,
Переведен с
Палубы на трап.

Вынужденный,
Идёт по доске
Кающийся хорей.

Наблюдатель во мне
Галстуком
Радуетя на рее.

Секундой торгуют
На кораблях
Озабоченные творцы.

Забыв о Боге,
Амфибрахий
Минирует мосты.

Эрзац пустыни

(в соавторстве с Ниной Паламарчук)

Простыню тонко раскатан
эрзац пустыни
С гелиотропным* узором
событий внахлёст.
Хочешь себя, как матрёшку,
из прошлого вынуть?
Прошлое
тянет тебя в направлении «ост».

Там — концентрация
взрывов за гранью. По коже
Запах метана иллюзией,
веришь ли мне?
Аурум**, кровью пропитанный,
станет дороже.
Голос, разрезанный криками,
станет сильнее.

...В старом отеле шаги
половицами стонут.
В мёртвом аквариуме —
галька да пыль.
Ветер ерошит у солнца
густую корону,
Выпив всю влагу со дна
отпечатков копыт.

Лопасты месива
ультрамариновой каши,
Что надо мною,
размазаны в миске небес.
Толку-то, только так хочется
крикнуть: «Отставший!
Я без тебя удалюсь
в направлении «вест»».

**Гелиотропный — цвет, кровавая яшма, зелёный с красными прожилками;*

***аурум — золото.— Примечание автора.*

Нина ПАЛАМАРЧУК

Вчитель математики ЗОШ № 21.

Е. П.

Вот город, видишь, с запахом тумана.
Его врасти, отрачивая ветки
И гнёзда воробьёв на ветках. Станем,
Чтоб разлетаться по воде кругами,
Особым видом сланца; едким дымом
Катальп; палитрой неба. Ночью Крыма
Закреть глаза и досчитать до триста,
И обглодать тебя до самых листьев,

В кору впиваясь собственной корою.
Прошедший день с меня ползёт смолою.
Он, отшелушиваясь напрочь (кроме
гудящих звёзд оконных тонкой кромки —
порежусь!) в опрокинутую реку
Тумана, чтобы навсегда вернуться
Сюда, когда здесь никого не будет.
Я прорастаю в корневища грудью,
Губами — в голос, рукавами — в куцый
Собачий хвост пастушьей сумки. Пегая
Луна-лошадка растеряла реверс.
Расти камнями — ты второе эхо,
Четвёртый гром, девятый вал, напрасно
Накрывший улицы, площадки, текто-
нические плиты, чтоб добраться
До самого себя, минуя пристань.
Так обладать неуловимо чисто,
Чтоб, наклонившись над водой ракитой,
Кидать камнями-мыслями: «уехать»...

Кошка Шрёдингера

(в соавторстве с Ларисой Паламарчук)

Я — исходящий теплом разноцветный ящик.
Кошка внутри меня просится на свободу.
Если сумеешь — довольствуйся настоящим,
Если поверишь — разбейся стеной о морду.

Можешь озябнуть и вынырнуть на поверхность —
Кошка внутри не мяукает, не мурлычет —
Озера, чтоб чёрно-белым граффити греться
Ночью, выращивая частокол из спичек.

Кто их поджёт для того чтобы стало жарко?
Чёрную кошку не отличишь от тела.
Чёрная кошка молчит изнутри подарка,
И конденсируется словами на стенах.

Чёрная кошка, шепни мне — из них — четыре!
Я — говорящий вдогонку фанерный ящик.
Головы спичек играют победу Пирру.
Кошка двухмерная.
Я — становлюсь старше.

Владимир ПАСКЕЛЬ

* * *

Мяукает дверь открываясь
И лают собачки замков
От встречи с тобой отрекаясь
Не думать готов ни о ком

* * *

Любопытства
искрами
женский взгляд
заманчиво
каблучками
быстрыми
проскакал
по мальчикам

* * *

Мужчину дразнит
Женщина-праздник
Каждый по-разному
Женщину празднует

Віктор ПЕТРОВСЬКИЙ

Лист Риби

Я лише шматок слів у цих нескінченних дрютах.
Вижити б. Втратив здатність розмовляти.
Руками, що не встигли набути форми плавників,
вирішив друкувати.
З кожною хвилиною, з кожною літерою легені
трансформуються в зябра, і сльози — ці вічні
сльози — повинні були кинутись на
пошуки тебе, а кинулись у склянку з водою.
Життя розтікалось тижнями.
Щось доносилось у крихітний мозок.
Все було розмите.
Силуети незрозумілі.
Складність у тому, що силует так і лишився
невідомим.
Як дати ім'я цьому?
Давати ім'я тому, чого не розумієш, — це дурість!
Чи не дурість тікати від того, чого не знаєш?
Чи не дурість було створити ту дурість?
Страшно невдовзі зрозуміти, що рибак запхав
твою жіночу суть у крихти хліба,
потрапивши на якір.
Від того удару вся луска, яка переповнювала тіло,
розлетілася на шматки слів.
І я буду завжди слухати твій шум дощу, який
падає до мого акваріуму, покірно виринаючи,
щоб вдихати твою отруту, й далі тікати від тієї
дурості, що не має імені, й крихітним тілом
битися в скло, так і не відкривши
головної таємниці.
Навіть риби складно осягнути, що вона — це
поток інформації, а ти — ілюзія тієї прекрасної
вічності, яка створила нас, Риб.

Нина ПАЛАМАРЧУК

Поетичні паростки

УЗОШ № 21 м. Житомира працює літературна студія «Світлограй», яка об'єднує творчу молодь школи. Займаються в ній учні 5–11-х класів. Діти навчаються писати вірші, прозу. Керівником цієї студії є Паламарчук Ніна Миколаївна, вчитель математики за фахом, учасник житомирського молодіжного мистецького об'єднання «Оксія».

Педагогічний експеримент довів важливість такого творчого осередку, де б учні могли спілкуватись, виявляти власні літературні здібності та скеровувати свій творчий потенціал. Метою роботи літературної студії є не стільки навчання римує, скільки розвиток почуття краси мови, розвинення уяви та розуміння образу як невід'ємних частин поетичного мовлення. Метафора та образ як першоджерело поезії в сучасному розумінні дозволяє учням втілити творчу енергію, опанувати інколи неслухняне слово та самоствердитись. Творчі успіхи окремих студійців спостерігають і вчителі-мовники, що викладають у відповідних класах.

Підсумками роботи студії стали створення збірок-ластівок віршів студійців: «Весняний ранок», «Бесіда», «Листи на сонці». Силами гуртківців було створено добірку творів однієї з учениць. Брошура отримала назву «Підіймаю піраміду» і стала подарунком до дня народження авторці — Грицик Наталії.

На даний момент побачила світ перша збірка віршів учасників студії — «Вулиці життя». Учні провели в школі презентацію збірки, на яку запросили представників різних поетичних об'єднань.

Учні студії також випускають стіннівки, присвячені видатним датам, і просто інформаційні бюлетені із власними віршами. Майже всі студійці є активними учасниками поетичних конкурсів, користувачами поетичних Інтернет-сайтів та форумів. Практичні заняття неодноразово відбувались у творчих майстернях житомирських поетичних об'єднань, таких як «Оксія», «Неабищо» тощо. На практичних заняттях проводяться майстер-класи сучасної поезії. Студійці не стоять осторонь творчого життя міста, відвідують творчі вечори житомирських митців, беруть участь у фестивалях та конкурсах — як міських, обласних, так і всеукраїнських. Студійці з захопленням несуть римоване слово людям. Так виникли вистава «Сучасна Червона Шапочка», написана та втілена на сцені учнями студії. Так з'явилась новорічна вистава «Помста Діду Морозу». Так був втілений у життя проєкт «Листи на сонці» — музично-літературна композиція, що згодом стала основою однойменної збірки віршів світлограйвців.

Заняття гуртка підрозділяються на два типи: теоретичні та практичні. На теоретичних заняттях діти отримують знання з теорії літератури, пізнають основні поняття, такі, як сюжет та художній образ, види та типи рими, тропи та розміри віршів. Теоретичні заняття зазвичай проходять у формі уроку та поєднують в собі теоретичну і практичну частину. В теоретичній частині учні знайомляться з новим поняттям (за допомогою евристичної бесіди, зі словників, повідомлень учнів), після чого починається практична частина, метою якої є формування навичок із застосування нового поняття. Наприклад, при вивченні поняття метафори студійцям пропонується завдання: описати об'єкт, не називаючи його прямо. Так, хмаринку учні порівнюють з пуховою периною, латкою на небі, крейдяною плямою, сонце — із усмішкою неба тощо. Завдання перетворюється на захоплюючу гру, до якої із задоволенням долучаються не лише молодші школярі, але й учні 9–10 класів.

Систематичними є мовні ігри, такі як «Буріме» (написати вірш за заданими словами), «Ланцюжок рим» (один з учнів пропонує слово, і всі по черзі вигадують до нього рими; якщо якийсь зупиняється, то вибуває), гра в складання слів (пропонується одне довге слово, з якого треба «нарізати» менші, переставляючи літери; наприклад: «світогляд»: «світ», «тіло», «лід», «ліс» тощо), написання віршів-моноримів (як продовження гри в ланцюжок рим), гра у «міста» (треба назвати слово, яке починається з літери, якою закінчилось попереднє слово іншого гравця) тощо. Такі ігри тренують пам'ять та розвивають вміння працювати зі словами, поширюють мовний запас і є насправді гарними вправами для формування творчого потенціалу дітей, відточування поетичної майстерності. Практичні заняття спрямовані в першу чергу на вироблення навичок аналізу вірша, формування критичного мислення, вміння слухати та висловлювати власну думку. Такі заняття розпочинаються із колових читань: гуртківці по черзі читають власні вірші, заздалегідь написані. Після кожного вірша бажаючи висловлюють свою думку стосовно вдалих чи невдалих сторін почутої поезії. Байдужих не буває, адже знають, що їм також потрібно буде почути оцінки товаришів. Тут різний вік учнів є дуже важливим: молодші спостерігають за зауваженнями старших і вчать самостійно робити висновки. В діалозі діти відмічають нюанси створення вірша, визначають точність розміру та глибину обраних художніх засобів. Також учасники Літературної студії захопилися створенням віршів, де всі слова починаються на одну літеру:

* * *

«Прогрес-просвітитель»
Плететься п'їтма,
Полонивши повітря.
Помста проста.
«Прогрес-просвітитель»
Природа промовить
Під препаратом.
Початок провалу.
Полуда постала.
Пишна принада
Принципово пуста.
Промінь порядку.
Прийшла провесна!
P. S.
Поки пріоритети прісні,
Проблему не притиснеш!
(Наталія Грицик, 11-й клас)

* * *

Колись казали: кохання — куш калини!
Коли коричневий колючий кактус
котиться килимовими кругами.
Карі котенятка — колом кохання
Кружляють.
(Ірина Кузьмич, 9-й клас)

Серед творчих надбань учасників студії є й
одновірші (вірші, складені з одного рядка):

* * *

Не рви нерви!
(Оксана Євменчук, 11-й клас)

Надзвичайну цікавість учнів викликали верлібри.
Студійців зачарувала інформативність вільних
рядків подібної поезії, можливість звільнитися
від полону віршованого розміру, який іноді
стримує думку. З'явилися такі твори:

* * *

Часы тикают, время сыплется
Сквозь сито жизни, песочную тёрку.
А мы не сделали домашнее задание,
Заданное судьбой.
Нет ни одной секунды для соединения слов...
Обижаемся, ссоримся, миримся.
Это тоже убитое время.
Пустышками размениваем
Жизни драгоценные стрелочки.
(Катерина Мороз, 10-й клас)

* * *

Я — маленький гудзик,
Що впав з чиеїс куртки,
І не може повернутися додому,
Бо не знає, де він.
Все відбувається навколо мене,
І я не знаю, що робити.
Але хтось підняв мене
І заховав у теплу кишеню.
(Вікторія Янчук, 7-й клас)

Серед надбань світлограївців — власні видання та перемоги на фестивалях, презентації та творчі вечори, сценічний та журналістський досвід, спектаклі та літературно-музичні композиції. Але найбільш неоціненний досвід — це досвід спілкування, пошук одностудців, можливість проявити свої творчі здібності. Ймовірно,

не всі учні в подальшому пов'яжуть життя із літературною творчістю, але натомість вони набувають навичок літературного смаку, вміння орієнтуватися в океані сучасного мистецтва, формують власну думку про культуру рідного краю та світу.

Стихи Владимира МОТРИЧА публикуются с любезного разрешения
дочери поэта — Ванды Владимировны МОТРИЧ.

Тексты даны (в основном) в авторской редакции.

В оформлении номера использованы редкие фотографии,
предоставленные Вандой Владимировной МОТРИЧ,
Юрием Георгиевичем МИЛОСЛАВСКИМ и многими другими,
а также графика Михаила БАСОВА.

Редакция искренно благодарит всех, без чьей помощи
и живого участия эта публикация была бы невозможна.

В оформлении номера использованы материалы, подготовленные
к фотовыставке «ХАРЬКОВ и МОТРИЧ». Фотограф — Сергей Снашнин.

пер. Саммеровский, 6

СОДЕРЖАНИЕ

МОТРИЧ и ХАРЬКОВ

Юрий МИЛОСЛАВСКИЙ	6
Раиса БЕЛЯЕВА (Гурина)	7
Инна ИОХВИДОВИЧ	8
Владимир МОТРИЧ	11
Ванда МОТРИЧ	30
Виктор УДАРОВ	34

ПОЭЗИЯ: эхо

Герман ТИТОВ	40
Андрей КОСТИНСКИЙ	42

ПОЭЗИЯ: родные пенаты

Анжела АРСЕНОВА	46
Галина БАБАК	48
Вадим ВАСИЛЕНКО	49
Алина ГЛАДКОВА	50
Дмитрий ГУБИН	51
Марина ГУРТОВАЯ	52
Михаил ЕЖОВ	54
Виталий КОВАЛЬЧУК	57
Михаил КРАСИКОВ	60
Евгений КРИВОЧУПРИН	62
Юлия КУЛИКОВА	63
Филипп ЛЕБЕДЕВ	66
Варя ПЕРЦЕВА	68
Александр ПРИЙМАК	71
Макс САМОКИШ	72
Леонид ШЕПТОВИЦКИЙ	74
Юрий ШКУРКО	75

ПОЭЗИЯ: вмещающая друг друга

Мила МАШИНОВА	78
Богдан АНТ	79

ПОЭЗИЯ: ЗА границей

Людмила КОЗЛОВА	84
Виталий КУЗНЕЦОВ	88
Нина ЛЁЗЕР	89
Владимир МЯЛИН	92
Андрей НАСОНОВ	94
Ольга ОЛГЕРТ	95
Анатолий ЧЕКУЛАЕВ	97
Юлия ФАЛЬТЕР	98

ПОЭЗИЯ: хрестоматия

Катерина КВИТНИЦКАЯ	102
---------------------	-----

ПЕРЕВОДЫ

Дмитрий ЖУКОВ	106
Юлия ФАЛЬТЕР	110

ПРОЗА

Анжела АРСЕНОВА	116
Александр ЗАРХИН	120
Сергей КАЧЕЧКА	123
Игорь КОЛТУНОВ	124
Геннадий КРЕЙМЕР	125
Анна МИНАКОВА	128
Эмилия ПРЫТКИНА	131

СТАТЬИ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Михаил АНДРЕЕВ	138
Станислав МИНАКОВ	140

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ

Житомирская «ОКСИЯ»	160
---------------------	-----

Литературно-художественное издание

ЛАВА

Проект клуба поэзии АВАЛ

Концепция номера,
вёрстка, дизайн – Герман Титов

Сдано в набор 12. 02. 2013.
Подписано в печать 15. 02. 2013.
Формат 170х297/16. Бумага офсетная.
Печать офсет. Тираж 500 экз.

Типография ЧИПП «Слово»
61024 г. Харьков ул. Лермонтовская, 27
тел./факс (057) 7192195
Свидетельство о внесении
в государственный реестр:
ХК № 214 от 21.11. 2007г.